

МЫ

3/2004

**март
девушки
вооружены
и очень опасны**

Скарлетт
ЙОХАНССОН
(см. "Видеобзор")

3/2004

Основан в 1990 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ
Заместитель
главного редактора
Игорь ВАСИЛЬЕВ

Редакционный совет:
Сергей ЕСИН
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Геннадий ФРОЛОВ

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-5351.
Учредитель – ООО «Литературно-
художественный журнал «МЫ!»»

✉ Адрес для писем:
Абон. ящик № 1, Москва, 105005
☎ Контактные телефоны
(095) 150-11-97, 733-32-48
E-mail: magazine_we@mtu-net.ru

Сдано в набор 20.02.2004 г.
Подписано в печать 16.03.2004 г.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 8120 экз. Заказ № 3140.

ГП Московская типография № 13
Денисовский пер., 30.
Москва, 105005.
E-mail: type@printshop13.ru
http://www.printshop13.ru
© «МЫ», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Наталья Рябина.	
Снежной порой дождь. Стихи	8
Джид Рив. Смертельные гонки.	
Фантастический роман. Перевод с английского. Продолжение	12

■ ПРОБА ПЕРА

Стас Несмирнов.	
Шорох пальцев. Стихи	70
Игра в поэзию, или Несколько слов о стихах Стаса Несмирнова	73

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Проблема из конверта.	
Первая любовь – жестокая игра.	
Письмо семнадцатилетней Татьяны читает журналист Вас. Ивлев	76
Письма в «МЫ»	2

■ КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Дэми Мур – очаровательная и непредсказуемая	84
--	----

■ МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

И прежних лет волнующие луны...	
С руководителем Центра Высшей Магии Анжеликой Долгополовой беседует писатель Наталья Василькова ..	113
Новости виртуального мира, или Во что бы нам сыграть?	123
Ищу друга	127

■ МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Уитни Хьюстон:	
убийственный огонь любви ..	149
Компакт-известия	143

■ ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Страницы сатиры и юмора. «Женский» выпуск	130
--	-----

■ ВИДЕООБЗОР

На малом экране	98
-----------------------	----

ПИСЬМА В «МЫ»

КОГДА ЖЕ Я ПОВЕРЮ?

Решила вот письмо в «Мы» написать, надеюсь, меня поймут.

Мне шестнадцать лет, заканчиваю обычную школу, готовлюсь поступать в институт. Сейчас каникулы, и меня выдалась минутка подумать (свободного времени, как и времени вообще, катастрофически не хватает): почему все письма в «Мы» от девчонок так похожи? Просто по шаблону: я поверила в сказку о любви, а он, оказывается, хотел только ЭТОГО. И попала голубка непорочная в сети обманные: обманул он меня да и бросил на произвол судьбы (и еще: «весь город знает...»). Ах, какая неожиданность!

С ума сойти можно: откуда же берутся такие «голубки»? Одни, я понимаю, залегают по пьяни, другие – по дури, третьи быстрее хотят стать взрослыми (это в тринадцать – пятнадцать лет...). Но неужели же остались еще на свете те, кто верит, что после первой ночи их пареньку просто закидает цветами и подарками? Многие ребята глаза поднять не смеют после того, что произошло, так и норовят смотаться по-

быстрее да подальше, пока темно. Девчонок, конечно, жалко, но всё равно смешно такие письма читать. Особенно письма тех, кому только лет двенадцать, тринадцать исполнилось...

У меня было много ребят (говоря сразу – не спала ни с одним), были хорошие, были предатели, но я никогда не жалела о расставаниях. Да и любви у меня, наверное, никогда не будет. Лет в тринадцать у меня убили веру в любовь, и вот только-только вернулась ко мне вера в людей и в то, что счастье возможно. Теперь я уже не допущу, чтобы меня предали, как это сделал «мальчик» на четыре года меня старше. Больше никого никогда не допущу себе в душу – за всё приходится слишком дорого платить.

В жизни, конечно, бывает всякое, но когда всё повторяется раз за разом, руки невольно опускаются. Вокруг меня много друзей, но боюсь поверить, что я действительно кому-то нужна, а когда мне пытаются это доказать, то творю что-то кошмарное: делаю всё назло, в общем, «нарываюсь». И добиваюсь своего. Он начинает гулять с моей подругой, которой я моментально

желаю «всяких благ» (не выбирая выражений). Потом начинаю пить со всеми подряд, гулять. А затем всё встает на свои места – но в душе новая рана и вновь уверенность в своей никому не нужности... Когда же я поверю кому-нибудь?

Отец называет меня «железная леди». А вообще-то я мечтаю свалить из дома, было бы куда... Конечно, есть вариант – завести себе какого-нибудь сожителя. Но намного ли это лучше публичного дома? Но я думаю об этом только тогда, когда меня опять кто-нибудь обманывает.

Наверное, мне можно только посоветовать: «Поверь!» – но ведь меня опять обманут. Зачем искушать судьбу в очередной раз? Я пробовала, верила, верила, но ничего не получала взамен. А любовью теперь, наверное, называется путь от одного кобеля к другому, к третьему. Но мне всё труднее и труднее жить в одиночестве. Сейчас мне нравится один парень, он на четыре года старше меня, вроде бы умный, порядочный. А вдруг у нас получится?

Пожелайте мне удачи!

Юля
Москва

От редакции. Знаешь, Юля, а мы бы и не стали давать тебе совет типа «поверь, и всё будет хорошо». Твоя проблема в другом: ты слишком серьезно отно-

сишься к тому, к чему почти все относятся довольно легкомысленно, – к дружбе и к любви. Понимаешь, мы давно не верим в искренность девичьих причитаний, над которыми ты смеешься в начале своего письма. Ну вряд ли все уж такие дуры. Просто многим хочется верить в то, что вот ни у кого не получилось, а у нее обязательно получится. Но не получается. А письмо – это, скорее, просто желание выплеснуться.

Вот и ты стала «верить» в тринадцать лет. Парень, который, как ты пишешь, тебя «обманул», был тогда на четыре года старше тебя. Так объясни, пожалуйста, во что же ты так сильно поверила, что обман стал для тебя трагедией? Девушка ты неглупая и, наверное, давно поняла, что не во все слова нужно верить. Слова – это ритуал, они говорятся, кстати, не для того, чтобы в них верили. У замечательной писательницы Надежды Тэффи (тонкого знатока любви и женской души) есть даже такой смешной рассказ про дедушку-вдовца, который собирается жениться на семнадцатилетней девочке и которого застали за тем, что он что-то стал писать в тетрадку. Оказалось – это он слова пишет, которые говорить надо. Так-то он всё хорошо помнит, что надо делать, а вот слова забыл...

Ты, на наш взгляд, должна просто позабыть обо всем том, что тебе так часто и так

болезненно вспоминается – о всяких там обидах и предательстве. Ты пойми: судя по твоему письму, ты еще ни разу по-настоящему не влюблялась. А когда это произойдет – все твои обиды тут же забудутся: для тебя будет важно всё совсем, совсем другое. Все эти твои парни, которые были у тебя, – все они относились к тебе не серьезно. Думаем, так же не серьезно и ты относилась к ним. Просто и тебе и им хотелось поиграть, вот вы и играли, может быть, даже думая, что у вас – по-серьезному. Эти парни потом нашли себе других девушек, ты нашла других парней – но они-то на тебя не обиделись, а ты на них – обиделась. Чего ты, интересно, ждала – любви на всю жизнь? А кто кому чего первый сказал – поверь, не так уж важно. Важно то, что ничего у тебя, тринадцатилетней, не могло получиться с семнадцатилетним парнем. Вот этого ты тогда не поняла, а он понял. Вот здесь и есть корень твоих обид, по большому счету – пустых.

Поверь: пройдет совсем немного времени, и ты станешь другой. Ты уже на пути к этому. И не вбивай себе в голову идиотские мысли о том, что любовь – это путь «от одного кобеля к другому». Наверное, на эту тему можно было бы порассуждать, если бы завели речь о сексе. Если ты будешь так думать о любви – ты никогда никого не полюбишь. Потому что любовь – путь к самому

дорогому для тебя человеку, а не к кобелю. К человеку, которому ты будешь верить, возможно, всю свою жизнь.

УПУСТИТЬ ЛЮБОВЬ – ТОЖЕ НЕСЧАСТЬЕ

Мне шестнадцать лет, я запуталась в своей проблеме и никак не могу решить, как же мне поступить. Дело в том, что в прошлом году на дне рождения своей подруги я познакомилась с парнем – Колей. Ему двадцать пять лет, он замечательный, красивый и умный парень! Я в него влюбилась с первого взгляда. Видимо, я тоже ему понравилась: он приглашал меня танцевать, потом пошел провожать до дома и на прощание поцеловал.

Мы стали встречаться. Он очень внимательно за мной ухаживал, дарил подарки, приглашал в рестораны, катал на машине. Говорил, что влюбился в меня. Но близости у нас с ним не было.

А через месяц я встрети-лась со своей подругой – той самой, на дне рождения которой познакомилась с Колей. И она мне рассказала, что он уже женат, что у него есть маленький ребенок – дочка. Я вначале ей даже не поверила: Николай мне об этом ничего не рассказывал. Но когда мы с ним встретились, я прямо спросила, правда ли это. Он ответил: да, это правда. И сказал, что не стал мне этого рассказывать потому, что боялся, что я не захочу с ним встречать-

ся. И что он меня полюбил и решил развестись с женой. Что он хочет жениться на мне и никого другого ему не надо. Тогда я сказала ему, что будет лучше, если он не будет делать глупостей и останется со своей семьей. А меня просто позабудет. Повернулась и ушла.

Но после этого он каждый день вечерами звонит мне по телефону, умоляет встретиться. Ждет меня около школы, приходит ко мне домой. Я стараюсь как можно реже видеть его, но ведь моя к нему любовь не прошла! Я хотела бы, чтобы он женился на мне, но я не хочу и не могу разрушать его семью и отбирать у дочки отца. Ведь на чужом несчастье своего счастья не построишь. Но ведь потерять, упустить свою любовь – это тоже несчастье, правда ведь? Тем более что я, кажется, люблю его по-настоящему. И не знаю, что мне делать.

Света
г. Бийск, Алтайский край

От редакции. Уважаемая Света, не знаем, найдется ли человек, который без тени сомнения стал бы давать тебе советы, как следует поступить. С одной стороны, ты права: жаль молодую женщину, Колину жену, и его дочку. С другой – мало ли мы видели скороспелых браков «по залету», когда люди женятся оттого, что «так получилось», и продолжают жить в надежде, что, мол, «стер-

пится – слюбится»? Но ведь сердце не обманешь, оно живет по своим законам, почти во всем разуму не подвластных. И как знать: а вдруг Николай именно в тебе нашел свою настоящую любовь? Ту, которая не пришла к нему с той женщиной, на которой он женат.

Мы бы советовали тебе не отталкивать его, раз ты его любишь, но и самой инициативу не проявлять. Пусть он сам решает, кто ему в жизни нужнее – ты или его теперешняя семья. А у тебя, кстати, будет время проверить прочность своих чувств к нему. Месяц, знаешь ли, – очень небольшой срок. Если у вас настоящая, прочная взаимная любовь – значит, вы совместно примете правильное решение. А ведь может случиться и так, что кто-то из вас охладает к другому, то, что вы принимаете за любовь, окажется просто увлечением, влюбленностью, которая со временем испарится из души. Как говорится, время покажет. Вот тогда и надо будет принимать решение, как вам, тебе и Николаю, поступать.

НА СЕДЬМОМ НЕБЕ

Пишут две подруги, живущие в не слишком большом поселке. Мы хотим рассказать читателям журнала историю нашего не слишком удачного романа с одним мужчиной.

Мы – две близкие подруги, Кристина (восемнадцать

лет) и Диана, которой семнадцать. Прошлым летом мы познакомились с одним мужчиной. Ему уже сорок лет, зовут его Сергей. Мне, Диане, он очень понравился – интересный человек, многое знает, общаться с ним было очень интересно. Я, Диана, стала бывать у него дома, мы слушали музыку, гуляли. А однажды он пригласил меня покататься на своей машине. Мы поехали на реку, купались, загорали... И здесь, на берегу, у нас с ним произошло то, что бывает между мужчиной и женщиной, которые нравятся друг другу.

Я думала, что, получив от меня то, чего он хотел, Сергей ко мне больше не подойдет и престанет мной интересоваться. Но он продолжал со мной встречаться, красиво ухаживал, дарил цветы. Я была просто на седьмом небе от счастья. Мне казалось, что мы просто влюблены друг в друга. А какие слова он мне говорил! Просто задевало за душу.

Но это продолжалось не очень долго. Как-то он пригласил прийти к нему нас вместе с Кристиной. Мы пришли. И я заметила, что он как-то с большим интересом общается с Кристиной, чем со мной. Я была как бы лишней. А потом он вообще отвел меня в сторону и сказал: «Дианочка, ты ведь меня любишь? Я тоже тебя очень люблю. Но, пожалуйста, уйди домой, я хочу с Кристиной поговорить на-

едине». Я повернулась и ушла, а Кристина осталась.

На другой день она пришла ко мне в гости и всё мне рассказала. Они выпили с Сергеем, а потом он стал ей говорить, что она ему нравилась с первого дня знакомства, просто не хотел обидеть меня и т.д. Я подумала и сказала ей: «Знаешь, Кристина, ты моя ближайшая подруга. И если тебе Сергей по-настоящему нравится – я уйду в сторону. Пусть у вас будет любовь».

Она стала встречаться с ним. Сергей на нее просто не мог наглядеться, а на меня не обращал ни малейшего внимания. Говорил ей красивые слова, дарил цветы... Словом, всё, как со мной. Но это продолжалось недолго: через две недели он опять захотел встретиться со мной. Спросил, обижаюсь ли я на него. Я ответила, что нет, хотя на душе скребли кошки – какой девушке понравится, когда с ней так поступят? А потом он сказал, что я сама во всем виновата, зачем, мол, я привела к нему домой Крестину, которая сама захотела у него остаться. Не знаю, почему, но я ему поверила и простила. И мы снова стали встречаться.

Но теперь стало случаться так, что Сергей то со мной, то с Кристиной. Крестине он стал рассказывать про меня всякие гадости, а когда хотел любви со мной – то осуждал Крестину. Так оно и продолжалось некото-

рое время, после чего мы с Кристиной решили больше с Сергеем не встречаться.

А на осенние каникулы к нам приехала наша подруга Катя, которой всего четырнадцать лет. И Сергей нам сказал, что она – самая лучшая и что ему нужна только она, а не мы. Ну ладно, мы попереживаем и забудем, но Катя? Она же не верит, что Сергей – такой человек! Ей очень понравилось, что Сергей стал за ней ухаживать, говорить красивые слова. Она с ним стала встречаться, он стал ее первым мужчиной, а теперь, когда уехала, стала с ним переписываться. И когда мы честно рассказали ей, что у нас с Сергеем было, она нам не верит и говорит, что мы хотим расстроить ее счастье. А какое у нее может быть счастье, если, как только она уехала домой, Сергей от нас с Кристиной стал требовать, чтобы мы снова стали с ним встречаться?

Но мы решили, что встречаться с ним больше не будем, хотя обе не можем его забыть. Так и страдаем вместе. Может быть, кто-то из читателей нас и осудит, мы и сами осуждаем себя, но каждой из нас он по-прежнему дорог.

Такая вот у нас вышла любовная история. Извини нас, журнал «Мы», но нам очень хотелось кому-нибудь выговориться.

*Диана и Кристина
Кировская область*

От редакции. Жаль, конечно, девушек. У них не роман – а просто мексиканский телесериал получился, с эротическим оттенком. Но мы напечатали это письмо не для того, чтобы осудить Кристину, Диану и Катю, хотя, как ни говори, а девушки заслуживают осуждения за свою легкомысленность и, простите, легкодоступность. Мы бы хотели, чтобы все девушки, прочитавшие это письмо, поняли, как просто можно оказаться жертвой вот такого ловеласа Сергея, которому, похоже, всё равно, с кем из них крутить любовь, с Кристиной, Дианой или Катей, а лучше всего – крутить ее сразу со всеми тремя девушками. В жизни ведь всегда приятно разнообразие... Видимо, это большой мастер морочить головы.

Конечно, девушкам надо было бы, поняв, что он за человек, решить – нужны им эти отношения или нет. И какую роль они согласны при нем исполнять. Они ведь уже взрослые – восемнадцать и семнадцать лет им. Но вот зачем, уже всё зная про Сергея, они познакомили с ним Катю – понять сложно. Она-то ведь совсем еще маленькая, потому всегда поверит своему первому мужчине, а не подругам. Так что, как ни говори, они сделали плохо не только себе, но и ей.

Пусть эта «любовная история» будет впечатляющим уроком всем, кто не захочет ощутить себя на завидном месте ее героинь.

Наталья
РЯБИНА

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

* * *
Пастила строительного бруса
на зелёной скатерти травы.
Пир весенний... Дождик светло-русый...
Упиваюсь счастьем даровым.

Счастьем жить, об очень грустном зная...
Счастьем петь, волнуясь и любя.
Пусть давно я изгнана из рая
юности – благодарю Тебя!

А какую Ты заломишь цену
в Судный день, не ведаю.
Пока
наслаждаюсь даром жизни целой
и мгновеньями длиной в века.

* * *
Мозаика травы на склоне лета
из пятнышек, из крапинок, из света
в прожекторах росы,
в прозрачных слюдяных
стрекозах,
в паутинах нитяных.

Как текст прозаика, вчерашнего поэта,
цветёт мозаика на склоне лета.

В ней море красоты,
да нет сюжета!
Беспомощна...

От стужи ледяной
рассыплется,
слиняет
прелесть эта.
Но будет ждать под снежной сединой
луча весеннего
для нового расцвета.
Для краткой жизни.
Для земной.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Блеснул асфальт в некошеной траве –
тропинка шириною в три ладони...
А на бугре у дерева, правой,
благоухает жёлтый донник...

Чешуйчатый серебряный ручей
ползёт по мокрому асфальту к пруду.
Кипрей пылает в тысячу свечей.
И солнце самоцветов груды

из гальки добывает. И залит
водой и светом деревенский вид.

А где-нибудь песчаная волна
зализывает след тысячелетий.
И неба синева больна
прапамятью лесных соцветий.

И потому она родит мираж –
вода и зелень! Зелень и журчанье
прохлады... Дерево как страж
источника. Необычайно

мираж реален. И вода и свет –
в пустыне, где и жизни нет.

Вода и свет...
Вода и свет...
Слеза
мир оmyвает радугой.
Сияет
живая слюдяная стрекоза
дрожащим семицветьем, как роса...
Свет с лёгких крыльев рассыпает.

* * *
Юность узнаю по запаху белой акации...
По свежести волжской,
по плавящемуся асфальту,
по белопарусным яхтам,
по их благородной грации,
по мерцанию ласточек,
по альту

поющего смерча,
кружащего в поле гигантской юлою,
по огромному небу,
прижатому к плоской равнине,
по скрипке кузнечика,
по очагу с неостывшей золою,
по лицам прекрасных ровесников,
не забытых и ныне...

По грохоту сердца
в предвкушении счастья и дела,
для которого рождена
в роковом сорок первом...
По лёгкости
с послушными крыльями
тела...
По музыкальным отзывчивым нервам.

Юность – мой маленький аккумулятор,
питающий светом текущие годы.
А если жизнь и вправду – театр
и мы в нём, красавцы или уроды, –

злодеи и жертвы,
любовники и герои...
Жизнь по прихоти распределяет роли.
Свою узнаёшь по скорости тока крови,
по присутствию или отсутствию
сердечной боли.

* * *
Пустеет яблоня.
Всё чётче, всё видней
на ветках яблоки
и яркая под ней
трава
в сиреневых дырявых пятнах
процеженных разреженных теней.

На яблоках,
как на ребячьих пятках,
под пылью проступает белизна...
И небо синее – без дна...
И август с вечностью играет в прятки...

Созрев для смерти,
травы и плоды
в земле оставят мелкие следы,
по ним к весне найдут дорогу...
И слава Богу!

Для жарких углей бархатцев,
для астр,
для гладиолусов,
для золотых шаров
сентябрьский утренник разводит алебастр,
из нежных тканей выюги шьют покров.

* * *

На солнце подвялена кисть винограда.
Коснёшься губами – от сладости млеешь.
Свобода – когда ничего не надо,
когда отдаёшь легко, что имеешь.

Гроздь виноградную, конское око,
в зрачке растворившее звёздную полночь;
берёзу, растущую одиноко;
широко-степную полынную горечь...

Легко отдавать, если верная память
поймала в тугие надёжные сети
дыханье дождя и вишнёвую камедь
на тёмном стволе, и мечтанье о лете...

И рокоты грома... И шорохи моря...
И ласку травы... И любовь человечесю...
И счастье – в каратах... В булыжниках – горе.
Узорною виноградною речью

обвита вся жизнь. И другого не надо.
Слов позднеосенних сгущённая мякоть,
как суховатая плоть винограда,
без меры впитавшая солнце, – отрада!
И сердце свободно – смеяться и плакать.

СМЕРТЕЛЬНЫЕ ГОНКИ

Фантастический роман

Перевод с английского Виктора ВЕБЕРА

Иллюстрации Дмитрия Дьякова

Глава 13. Воскрешенный человек

В темные века, до начала эры Движения, империи номадов сражались друг с другом среди огнедышащих вулканов Европы. Именно они построили Сталкеров, вытаскивая с поля боя мертвых воинов и возвращая к жизни, вживляя в их нервные системы машины, созданные Древними.

Империи давно забылись, ужасные Воскрешенные люди – нет. Том помнил, что изображал из себя такого в сиротском приюте Гильдии, куда попал после смерти родителей. Бегал, вытянув перед собой руки, и кричал: «Я С-т-а-л-к-е-р! в-с-е-х у-ни-что-жу!» – пока не вышла мисс Плим и не велела прекратить весь этот шум.

Но он, конечно же, и представить себе не мог, что столкнется с одним из них.

Украденный воздушный шар плыл на восток, подгоняемый ночным ветром, а он сел к Эстер бочком, чтобы она не заметила мокрого пятна на его бриджах.

– Я думал, они все исчезли многие сотни лет назад! – Том в недоумении покачал головой. – Я думал, их всех уничтожили в битвах, или они сошли с ума, или разрушились от...

– Не Шрайк, – прервала его Эстер.

– И он тебя узнал!

– Разумеется, узнал. Мы – давние друзья, Шрайк и я.

Эстер встретила его наутро после гибели родителей, в то самое утро, когда очнулась у берега Охотничьих земель под моросящим дождем. Она понятия не имела, как попала туда, а голова так болела, что она едва могла шевелиться и думать.

На берегу стоял город, самый маленький и грязный из тех, что ей доводилось видеть. Люди с большими проволочными корзинами за спиной спускались по лестницам и трапам, сортировали мусор, вынесенный прибоем, и возвращались на борт с корзина-

---

Продолжение. Начало в № 2.

ми, полными обломков пластмассы, ошметков резины и плавником. Несколько человек унесли и лодку отца, а вскоре нашли и Эстер. Двое мужчин подошли и уставились на нее. Один – типичный кладоискатель, невысокого росточка и грязный, с корзиной, наполовину заполненной кусками шин. Присмотревшись к ней, он повернулся к своему напарнику.

– Сожалею, мистер Шрайк... Я подумал, что она может сгодиться для твоей коллекции, но нет, она из плоти и крови...

Он повернулся и пошел вдоль берега, потеряв к Эстер всякий интерес. Он собирал только то, что мог продать, а полумертвый ребенок не представлял никакой ценности. Старые шины – другое дело, они что-то да стоили...

Второй мужчина остался на месте, не сводя взгляда с Эстер. И лишь когда он наклонился и коснулся ее лица, она почувствовала под перчатками холодное, твердое железо и поняла, что он вовсе не человек. Он заговорил, и голос его напоминал скрип проволочной щетки по классной доске.

– Тебе нельзя оставаться здесь, дитя.

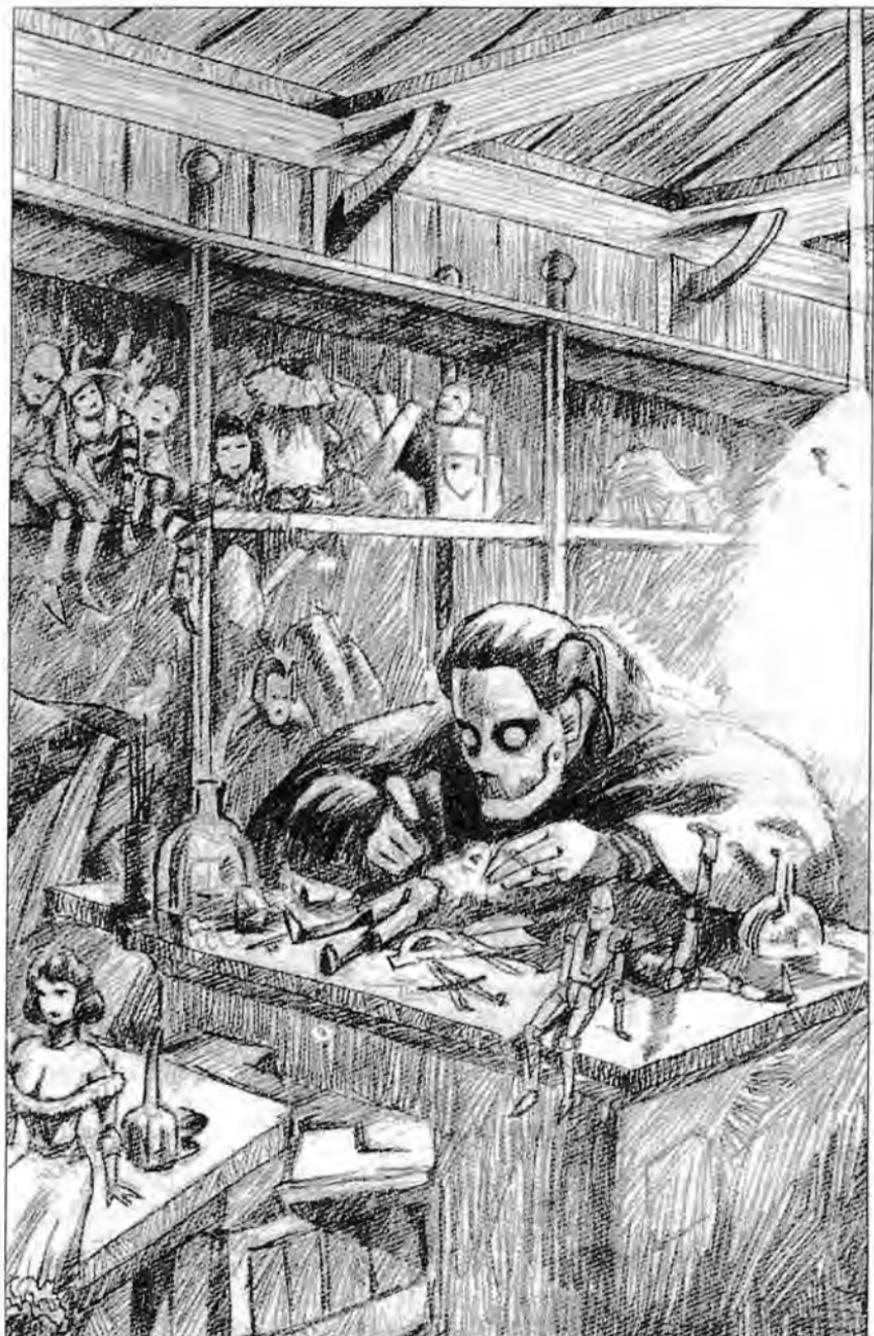
Он поднял ее, положил на плечо и отнес в город.

Назывался город Строул, он служил пристанищем для пятидесяти суровых, закаленных невзгодами жизни кладоискателей, которые колесили по Охотничьим землям в поисках артефактов олд-тек, а если не находили их, подбирали всякий мусор, имеющий хоть какую-то ценность. Шрайк жил с ними, но кладоискателем не был. Когда преступники из какого-нибудь мегаполиса бежали на Открытую территорию, Шрайк выслеживал их, отрубал головы, которые потом бережно хранил. А при очередной встрече с мегаполисом отдавал головы властям и получал соответствующее вознаграждение.

С чего он вдруг решил спасти ее – Эстер так и не узнала. Только не из жалости, каковая отсутствовала у него напрочь. Какие-то признаки нежности она подмечала в нем, лишь когда он возился со своей коллекцией. Его завораживали древние автоматические и механические игрушки, и он покупал любую, предложенную ему. Каких только игрушек не было в его лачуге в Строуле: животные, рыцари, заводные солдаты с ключами в спинах, даже ангел смерти, вытасченный из башенных часов. Но больше всего он любил женщин и детей: прекрасных женщин в поеденных молю платях и красивых мальчиков и девочек с фарфоровыми личиками. Ночи напролет Шрайк терпеливо разбирал и ремонтировал их, изучал сложные механизмы, словно надеялся понять, как работает его собственный.

Иногда Эстер казалось, что и она – часть его коллекции. Может, напоминала ему о ранах, которые он получил, сражаясь на давно забытых войнах, когда еще был человеком.

Она жила под его крышей долгих пять лет. Рана на лице медленно заживала, превращая ее в уродину, и так же медленно к ней возвращались воспоминания. Некоторые – на удивление ясные:

волны, накатывающие на берега Дубового острова, голос матери, ветер, несущий запахи мокрой травы и коровьего навоза. Другие – туманные, непонятные. Они мелькали в ее памяти, когда она засыпала, или вдруг возникали в голове, когда она бродила между механических игрушек в доме Шрайка. Кровь на звездных картах. Металлический шум. Длинное, симпатичное лицо женщины с серовато-зелеными глазами. Обрывки, которые приходилось осторожно собирать и складывать воедино, как части машин, которые отравляли кладоискатели.

И только услышав истории, которые кое-кто из кладоискателей рассказывал о Таддеусе Валентине, она начала соображать, что к чему. Имя она узнала, имя человека, который убил мать, а ее превратил в страшилку. Она знала, что надо делать, ей даже не пришлось думать об этом. Она пошла к Шрайку и сказала, что хочет найти Валентина.

– Нельзя, – ответил ей Шрайк. – Тебя убьют.

– Тогда пойдем со мной! – взмолилась она, но он отказался. Он слышал о Лондоне и любви к технике Магнуса Кроума. Подумал, что, приди он туда, Гильдия инженеров возьмет над ним верх и разберет на куски, чтобы исследовать в секретных лабораториях.

– Ты не должна идти, – только и сказал он.

Но она пошла, выждав момент, когда он увлекся ремонтом очередной игрушки, выскользнула из окна, а потом из Строула, и зашагала по Открытой территории с украденным ножом за поясом в поисках Валентина и отмщения.

– С тех пор я его больше не видела, – сказала она Тому, трясясь в корзине воздушного шара. – Строул тогда находился на берегу Английского моря, но теперь вдруг выясняется, что Шрайк здесь, работает на Магнуса Кроума и хочет меня убить. Я ничего не понимаю!

– Может, своим побегом ты обидела его? – предположил Том.

– Шрайку неведомы человеческие чувства, – ответила Эстер. – Его лишили всех чувств, когда превратили в Сталкера.

«Она словно ему завидует», – подумал Том. Но так или иначе, ее голос помог ему успокоиться, и его перестало трясти. Сидел и слушал, как ветер завывает в снастях воздушного шара. Он видел черное пятно на облачном покрове на западе, должно быть, дым, клубящийся над Воздушной Гаванью. Удалось ли воздухоплателям локализовать пожар или огонь уничтожил весь город? И что стало с Анной Фанг? Он понял, что Шрайк, скорее всего, убил пилотессу вместе со всеми ее друзьями. Хорошая, веселая женщина мертва, как и ее родители. Похоже, над ним висело заклятье, убивающее всех, кто хотел ему помочь! Ну почему в тот день он встретил Валентина! Почему не остался в Музее, где ему самое место!

– Возможно, с ней все в порядке! – внезапно нарушила молчание Эстер, словно прочитала его мысли. – Я думаю, Шрайк с ней просто играл. Он же не выпустил когти.

- У него есть когти?
- Если она не сильно досадила ему, он, возможно, не стал тратить время на убийство.
- А как насчет Воздушной Гавани?
- Если повреждения сильные, ее придется сажать на время ремонта.

Том кивнул. А потом в голову пришла радостная мысль.

– Так ты думаешь, что мисс Фанг полетит за нами?

– Не знаю, – ответила Эстер. – Но Шрайк точно полетит.

Том в ужасе отглянулся.

– По крайней мере, направляемся мы к Лондону.

Он посмотрел вниз. Белое покрывало облаков полностью укутало землю, не позволяя увидеть, где они находятся и куда направляются.

– Как ты можешь это определить? – удивленно спросил он.

– По звездам, естественно, – ответила Эстер. – Мама научила меня. Она была и пилотессой, помнишь? Летала над всей Землей. Однажды даже побывала в Америке. Если нет карт и других ориентиров, только звезды позволяют определить направление движения. Смотри, вот это Полярная звезда, это созвездие Древние называли Большой Медведицей, но теперь люди предпочитают другое название – Сити. И если оно находится по правую руку, значит, мы летим на северо-восток...

– До чего же их много! – Том пытался следить за ее указующим пальцем. Здесь, над облаками, ночное небо, не замутненное смогом мегаполиса и пылью Открытой территории, сверкало миллионами холодных огней. – Я знать не знал, что звезд так много!

– Все они – солнца, горящие в далеком космосе, за тысячи и тысячи миль от нас. – Том чувствовал, что Эстер гордится возможностью продемонстрировать свои знания. – Кроме тех, что в действительности не звезды. Некоторые из самых ярких – искусственные луны, которые Древние вывели на орбиту тысячи лет назад, но они по-прежнему кружат над старушкой Землей...

Том всматривался в поблескивающую тьму.

– А вот эта? – указал он на низкую яркую звезду на западе.

Эстер посмотрела в указанном направлении, и улыбка сползла с ее лица. Том увидел, как ее руки сжались в кулаки.

– Это? Это – воздушный корабль, и он летит за нами.

– Может, мисс Фанг спешит на помощь? – с надеждой спросил Том.

Но воздушный корабль быстро сокращал разделявшее их расстояние, и через несколько минут он увидел, что это маленький построенный в Лондоне корабль-разведчик, то ли «Солнечный луч», то ли «Ястреб 90». И они буквально почувствовали, как наблюдают за ними зеленые глаза Шрайка.

Эстер начала крутить ржавые штурвалы и дергать за рычаги, регулирующие давление газа в баллоне. Через несколько секунд нашла тот, что искала, и над головой громко зашипело.

– Что ты делаешь? – пропищал Том. – Ты же выпустишь весь газ! Мы разобьемся!

– Я прячусь от Шрайка, – ответила девушка и еще сильнее открыла дроссельную заслонку. Подняв голову, Том увидел, как баллон начал опадать. Обернулся на преследующий воздушный корабль. Он их настигал, но еще находился в нескольких милях. С такого расстояния могло показаться, что баллон внезапно прохудился, вот воздушный шар и начал терять высоту. Оставалось надеяться, что Шрайк не разгадает плана Эстер. Оставалось надеяться, что его маленький корабль-разведчик не оснащен ракетными установками.

А потом они нырнули в облака, и он уже ничего не видел, разве что луну, которая вспыхивала над головой, когда они попадали в прогалину между белыми горами. Корзина поскрипывала, баллон сжимался, клапан сброса газа шипел, словно разъяренная змея.

– Когда коснемся земли, как можно быстрее выпрыгивай из кабины, – предупредила Эстер.

– Хорошо, – кивнул он и добавил: – Но... мы останемся без воздушного шара?

– В воздухе против Шрайка у нас нет ни единого шанса, – объяснила она. – На земле мне, возможно, удастся его перехитрить.

– На земле? – вскричал Том. – Неужели нам опять тащиться по Открытой территории?

Воздушный шар быстро снижался. Они увидели темную землю, пятна густой растительности, кое-где подсвеченные лунным светом, проникающим сквозь разрывы в облаках, несущихся на восток. Корабля Шрайка они не видели. Том приготовился к прыжку. До земли оставалось сто футов, пятьдесят, десять, кусты начали скрестить по дну, корзина кренилась из стороны в сторону, ударилась о мягкую, болотистую землю, подскочила, снова ударилась, подскочила...

– Прыгай! – крикнула Эстер при следующем касании с землей.

Том прыгнул на кусты, которые пружинисто сбросили его на мягкий матрац болота. Воздушный шар резко ушел вверх, и он испугался, что Эстер оставила его умирать на голой земле.

– Эстер! – крикнул он так громко, что чуть не порвал голосовые связки. – Эстер! – Потом услышал шорох в кустах по левую руку и увидел, что она, прихрамывая, идет к нему. – О, спасибо, тебе, Курьик! – прошептал Том.

Он думал, что она останется там, чтобы они могли немного отдохнуть и поспать на мягком, что под ним было такое мягкое болото, а не твердая земля. Она прошла мимо него, держа курс на север-восток.

– Стой! – закричал Том. Она остановилась. – Что не мог даже встать. – Подожди! Куда ты идешь?

Она посмотрела на него, как на безумца.

– В Лондон.

Том перекатился на спину, застонал, собирая силы для еще одного марш-броска.

Над его головой, освободившись от лишнего веса, воздушный шар возвращался в небо, темная капля-слеза быстро заглатывалась облаками. А несколькими секундами позже он услышал урчание двигателей воздушного корабля Шрайка, устремившегося следом. А потом остались только ночь, холодный ветер да пятна лунного света на темных холмах.

Глава 14. Холл Гильдий

Начать Кэтрин решила с самого верха. На следующий день после отлета отца из его кабинета она послала по пневмопочте письмо в канцелярию лорд-мэра и через полчаса получила ответ от секретаря: лорд-мэр примет мисс Валентин в полдень.

Кэтрин пошла в гардеробную и выбрала наиболее деловой костюм: узкие черные брюки и серый жакет с подложными плечами. Убрала волосы назад, закрепила защелкой из заднего фонаря древнего автомобиля и добавила модную шляпку, которую купила шесть недель назад, но еще ни разу не надевала. Покрасила губы, наложила румяна на скулы и нарисовала между бровей синий треугольник, имитацию символа Гильдии: в Высоком Лондоне модницы без такого пусячка на улицу не выходили. Нашла блокнот, ручку, сунула в один из солидных, черных кейсов отца вместе с пропуском, который получила от него на свой пятнадцатый день рождения, золотой пластинкой, открывающей доступ практически в любую часть Лондона. Потом внимательно изучила свое отражение в зеркале, представляя себе, как через несколько недель встретит отца со словами: «Теперь все хорошо, я во всем разобралась, бояться тебе больше нет нужды...»

Без четверти двенадцать она с Собакой направилась к лифтовой станции на Куирк-Серкус, наслаждаясь восхищенными взглядами, которые бросали на нее люди. Как ей представлялось, за ее спиной они шептали друг другу: «Вон пошла мисс Кэтрин Валентин, на встречу с лорд-мэром...» Сотрудники лифтовой станции знали ее в лицо, с улыбкой здоровались: «Добрый день, мисс Кэтрин», – гладили Собаку и не выказывали ни малейшего желания попрощать у нее пропуск, когда в 11:52 она вошла в кабину лифта, идущего на Верхнюю палубу.

Прибыв туда, быстрым шагом пересекла Патерностер-сквер, где Собака задумчиво поглядывал на голубей на колесиках; его уши встали торчком от шума строительных работ в соборе святого Павла. Скоро она уже поднималась по широким ступеням, ведущим к парадному входу Холла Гильдий. Там ее проводили к маленькому лифту. Без одной минуты двенадцать через круглую бронзовую дверь она вошла в кабинет лорд-мэра.

– А, мисс Валентин, ты на одну минуту раньше. – Кроум глянул на нее с другой стороны огромного стола и вернулся к отчету, ко-

торый читал. Из круглого окна за его спиной открывался вид на собор святого Павла. Толстое стекло искажало перспективу, и Кэтрин показалось, что она видит затопленный храм, отделенный от нее толщей чистой воды. Солнечный свет чуть поблескивал на бронзовых стенных панелях. Их не украшали ни картины, ни гобелены, на металлическом полу не лежали ковры. Кэтрин содрогнулась, почувствовав идущий от пола холод.

Лорд-мэр заставил ее ждать долгих сорок пять секунд, которые для Кэтрин растянулись чуть ли не на вечность. И к тому времени, когда он отложил отчет, девушка чувствовала себя крайне неуютно. Кроум чуть улыбнулся, как человек, который никогда не видел улыбки, но прочитал в книге, что надобно сделать, чтобы она появилась на лице.

– Полагаю, ты обрадуешься, узнав, что я только что получил от твоего отца кодированный радиосигнал, практически на пределе его устойчивого приема, – сообщил ей Кроум. – На борту «Лифта на тринадцатый этаж» все в порядке.

– Здорово! – воскликнула Кэтрин, понимая, что до возвращения отца весточек больше не будет. Даже Инженеры не могли посылать радиосигнал дальше, чем несколько сотен миль.

– Тебя интересует что-то еще? – спросил Кроум.

– Да... – Кэтрин замаялась, опасаясь предстать в глазах лорд-мэра полной дурой. Холодный кабинет Кроума, его ледяная улыбка привели к тому, что она уже ругала себя и за выбор костюма, и за раскрашенное лицо. Но Кэтрин напомнила себе, что пришла по важной причине, и продолжила: – Я хочу знать, кто эта девушка и почему она пыталась убить моего отца.

Улыбку лорд-мэра как ветром сдуло.

– Твой отец не счел необходимым сказать мне, кто она. И я понятия не имею, почему ей так хотелось убить твоего отца.

– Это как-нибудь связано с МЕДУЗОЙ?

Взгляд Кроума стал еще холоднее.

– Тебя это не касается! – рявкнул он. – Что сказал тебе Валентин?

– Ничего! – Кэтрин начала злиться. – Но я вижу, что он напуган, и должна знать причину, потому что...

– Послушай меня, дитя... – Кроум поднялся, вышел из-за стола. Его тонкие руки легли ей на плечи. – Если Валентин что-то держит в секрете от тебя – на то есть причина. Пока ты не понимаешь некоторые аспекты его работы. Помни, он начал с нуля, пока я не проявил к нему интереса, был обычным кладоискателем, роющимся на Открытой территории. Ты хочешь, чтобы отец вернулся к тому, с чего начинал?

Слова ударили, как оплеуха. От злости Кэтрин залилась краской, но изо всех сил старалась держать себя в руках.

– Иди домой и дожидайся его возвращения, – приказал Кроум.

Оставь дела взрослых тем, кто в них понимает. И никому не говори ни о девушке, ни о МЕДУЗЕ.

«Дела взрослых! – с возмущением подумала Кэтрин. – Сколько мне, по его мнению, лет?»

Но смиренно склонила голову и покорно ответила:

– Да, лорд-мэр, – и добавила, повернувшись к волку: – Пошли, Собака.

– И больше не приводи на Верхнюю палубу это животное, – крикнул Кроум. Голос настиг Кэтрин уже в приемной, где секретари удивленно вытаращились на ее перекошенное яростью лицо.

В кабине лифта, опускающейся на Куирк-Серкус, она прошептала на ухо волку:

– Мы ему покажем, Собака!

Вместо того чтобы пойти домой, она завернула в храм Клио на краю Кругового парка. Там, в насыщенной благовониями темноте, успокоилась и попыталась решить, что делать дальше.

С тех пор, как Николаса Куирка объявили богом, лондонцы в большинстве своем забыли более старых богов и богинь, так что в храме Кэтрин была одна. Ей нравилась Клио, которой поклонялась и ее мать в Пуэрто-Анджелесе. Даже статуя богини чем-то напоминала мать, особенно темными добрыми глазами и преисполненной терпения улыбкой. Она помнила рассказы матери о том, как бедную богиню ветром прогресса постоянно отбрасывало в будущее, как иногда ей удавалось вернуться в свое время, и тогда вдохновленные ею люди меняли ход истории. Глядя снизу вверх на благородное лицо статуи, Кэтрин спросила:

– Что мне делать, Клио? Как я могу помочь отцу, если лорд-мэр ничего мне не говорит?

В общем-то, она не ожидала ответа, его и не последовало. Поэтому она помолилась за отца, за бедного Тома Нэтсуорти, оставила богине дары и отбыла.

А на полпути к «Клио Хауз» ее осенило. Столь неожиданную мысль могла внушить ей только богиня. Она вспомнила, что у желоба сброса, по которому свалился Том, видела человека, который брел в противоположном направлении, молодого подмастерье-инженера, такого бледного и потрясенного, что двух мнений быть не могло: он видел, что произошло у желоба.

Через залитый солнцем парк она поспешила домой. Этот молодой Инженер мог ответить на ее вопросы! Следовательно, ей нужно вернуться в Брюхо и отыскать его! И она все выяснит без помощи злобного старого Магнуса Кроума!

Глава 15. Ржавые болота

Том и Эстер шли всю ночь и продолжали идти, когда бледное плоское солнце вынырнуло из утреннего тумана, останавливаясь лишь затем, чтобы хоть немного перевести дух. Ландшафт разительно отличался от той глиняной равнины, по которой они шагали несколько дней назад. Здесь им то и дело приходилось обо-

дуть трясины и озера черной воды, и хотя иной раз они натыкались на глубокие, но уже поросшие травой колеи, оставленные городами, чувствовалось, что в этих местах города не ездили уже много лет.

– Посмотри, здесь уже вырос лес. – Эстер указала на пологий холм, зеленый от молодых деревьев. – Даже маленький городок прирубил бы их на топливо.

– Возможно, почва слишком мягкая, – предположил Том, уже в двадцатый раз провалившись по пояс в густую жижу. Он вспомнил гигантскую карту Охотничьих земель, которая висела в вестибюле Лондонского музея, и широкую полосу болот, протянувшуюся от гор в центре до берегов Кхазакского моря, многие мили зарослей камышей и тонких синих полосок рек между ними, с надписью «Непроходимы для города или мегаполиса». – Я думаю, мы на границе Ржавых болот. Они так называются, потому что на воде должны быть красные пята от ржавчины городов, которые забрели сюда и утонули. Только очень твердолобый мэр может привести в эти места свой город.

– Тогда Рейленд и Анна Фанг увезли нас гораздо южнее, чем я думала, – прошептала Эстер себе – не Тому. – И до Лондона сейчас никак не меньше тысячи миль. На то, чтобы догнать его, уйдут месяцы, а Шрайк все время будет у меня на хвосте.

– Но ты его обманула! – напомнил ей Том. – Мы ушли от него.

– Надолго его не обманешь, – ответила Эстер. – Скоро он опять возьмет наш след. Не зря же его называют Сталкером*.

Дальше и дальше вела она его по холмам, через болота, долинами, где их буквально облепляла жалящая мошка. Они оба вымотались донельзя. Однажды Том предложил присесть и передохнуть. В ответ Эстер рявкнула: «Делай, что хочешь. Какая мне разница?» После этого он шел молча, дуясь на нее. Какая же она ужасная, уродливая, злобная, безжалостная! После того, что они пережали, после того, как он помогал ей на Открытой территории, она все равно готова бросить его! Лучше бы Шрайк схватил ее, а он сумел бы удрать с мисс Фанг или Кхорой. Они бы позволили ему передохнуть.

Но когда день сменился ночью, когда с болот поднялся густой туман, когда каждый шорох казался шагами Шрайка, он порадовался, что она рядом. Эстер нашла место для ночлега, клочок сухой земли под наклонившимися деревьями, он заснул мгновенно, а когда из тревожного сна его вырвал крик охотящейся совы, увидел, что она сидит рядом, несет вахту, как дружелюбная горгулья.

– Все в порядке, – успокоила она его, а потом, внезапно смягчившись, что, как он заметил, случалось с ней крайне редко, добишила: – Мне так их не хватает, Том. Мамы и папы.

– Я знаю, – ответил он. – Мне не хватает моих.

---

*Сталкер – от английского stalker – ловчий, охотник, следопыт

– У тебя в Лондоне нет семьи?

– Нет.

– И друзей нет?

Он задумался.

– Пожалуй, что нет.

– А кто та девушка? – после короткой паузы спросила она.

– Какая? Где?

– В Брюхе, той ночью. С тобой и Валентином.

– А, Кэтрин. Она... Она – дочь Валентина.

Эстер кивнула.

– Она красивая.

Потом он вновь заснул, и Кэтрин прилетела к ним на помощь на воздушном корабле и унесла их в облака навстречу луне. Уже на заре Эстер разбудила его, тряхнув за плечо.

– Послушай!

Звук, который он услышал, не походил ни на шум ветра в листьях, ни на рокот бегущей воды.

– Это город? – с надеждой спросил он.

– Нет... – Эстер склонила голову набок, прислушиваясь. – Авиадвигатель «ротванг».

Звук усиливался, накатывая с неба. Над ними в клубящемся тумане пролетел лондонский разведывательный воздушный корабль.

Они замерли, надеясь, что нависшие над ними мокрые ветви спрячут их. Шум авиадвигателя затих, вновь начал нарастать: разведчик возвращался.

– Шрайк может нас увидеть, – прошептала Эстер, вглядываясь в белый туман. – Я чувствую, как он наблюдает за нами...

– Нет, нет, – возражал Том. – Если мы не можем видеть воздушный корабль, как он может видеть нас? Это нелогично...

Но высоко в небе Воскрешенный человек настраивает свои глаза на инфракрасный диапазон, включает тепловые датчики, и два человеческих силуэта четко выделяются на сером фоне растительности.

– Подвези меня ближе, – приказывает он.

– Раз уж вы можете так ясно их видеть, – ворчит пилот воздушного корабля, – могли бы заметить, что этот чертов воздушный шар пуст. А так нам пришлось гнаться за ним чуть ли не через половину Охотничьих земель.

Шрайк молчит. С чего ему объяснять свои мотивы Однажды рожденному? Он заметил, что корзина воздушного шара пуста, как только сам шар поднялся над облаками, но решил ничего не говорить пилоту. Его порадовала быстрота реакции Эстер Шоу, и он наградил ее еще несколькими часами жизни, позволив недоумку-инженеру гнаться за пустым воздушным шаром.

Он переключает глаза в нормальный человеческий диапазон, принимает решение отыскать Эстер только по запаху и звуку. Вы-

зывает из памяти ее лицо и сосредотачивается на нем, пока воздушный корабль снижается в густом тумане.

– Бежим! – прошептала Эстер.

Воздушный корабль вывалился из молочной белизны в нескольких ярдах от них, лопасти его двигателей взбивали туман, как венчик – яичный белок для гоголь-моголя.

Схватив Тома за руку, она вытащила его из уже бесполезного укрытия, спотыкаясь о корни деревьев. При каждом шаге из-под ног летели брызги воды, черную жижу забрасывало в сапоги. Они бежали, ничего не видя перед собой, и когда Эстер резко остановилась, Том врезался в нее и они оба повалились на землю.

В густом тумане они описали круг. И теперь воздушный корабль висел перед ними, а гигантская тень преграждала путь. Два луча светло-зеленого света пробили туман, разделив его на крохотные пляшущие капельки воды.

– Эстер, – проскрипел металлический голос.

Эстер подхватила с земли палку.

– Ближе не подходи, Шрайк! – предупредила она. – Я разобью твои зеленые глаза! Я вышибу тебе мозги!

– Пошли! – Том дернул ее за рукав, пытаясь утянуть в туман.

– Куда? – спросила Эстер, рискнув на мгновение перевести взгляд со Шрайка на юношу. Потом поудобнее перехватила импровизированную дубинку и повернулась к Шрайку, который шагнул к ним.

– Ты показала себя молодцом, Эстер, но охота закончена.

По топкому болоту Шрайк двигался осторожно. Всякий раз, когда ставил металлическую ногу, из-под нее поднималось облако пара. Поднял руки, и из пальцев выскочили когти-лезвия.

– Что заставило тебя изменить отношение к Лондону, Шрайк? – сердито спросила Эстер. – Как ты стал дружком этого Кроума?

– Ты привела меня в Лондон. – Шрайк помолчал, потом его мертвое лицо перекосилось в стальной улыбке. – Я знал, что ты придешь туда, поэтому продал свою коллекцию и зафрахтовал воздушный корабль, чтобы добраться до Лондона первым.

– Ты продал своих заводных человечков? – изумилась Эстер. – Шрайк, если ты так хотел вернуть меня, почему просто не пошел по моему следу?

– Я решил позволить тебе пересечь Охотничьи земли в одиночку, – ответил он. – Это была проверка.

– Я ее выдержала?

Вопрос Шрайк проигнорировал.

– В Лондоне меня сразу, как я и ожидал, отвели в Инженериум. Я провел там восемнадцать месяцев, ожидая твоего прибытия. Инженеры разбирали меня на части и собирали вновь с десятков раз, но дело того стоило. Я заключил договор с Кроумом. Он пообещал выполнить мое заветное желание.

– Это хорошо. – Эстер оставалось только гадать, о чем он говорит.

– Но сначала ты должна умереть.

– Но, Шрайк, почему?

Ответ утонул в мощном урчащем реве. Том уже подумал, что воздушный корабль Сталкера взлетает, оставив его на болоте. Вскинул голову. Но нет, корабль оставался на прежнем месте, только к мерному гулу пропеллеров прибавился новый звук, нараставший с каждой секундой. Даже Шрайк обеспокоился. Его глаза сверкнули, он наклонил голову, прислушиваясь. Под ногами земля заходила ходуном.

Из тумана за спиной Сталкера вырвалась стена грязи и воды, закругляющаяся поверху, с белым пенным гребнем. За стеной появился город, очень маленький, устаревшей конструкции, катящийся на восьми широченных колесах. Эстер подалась назад, Шрайк увидел ее изумленное лицо и начал поворачиваться, чтобы посмотреть, что происходит позади. Том бросился в сторону, успев схватить Эстер за руку, потянуть за собой. Воздушный корабль попытался выскочить из-под колес несущегося на полной скорости города, но не успел. От удара о Челюсти развалился на части, которые огромные колеса вмяли в болото. Мгновением позже они услышали крик Сталкера: «Эстер!» – и тут же на него наехало переднее колесо.

Обнявшись, полуживые от ужаса, они смотрели, как город пронесется мимо. Бешено вращались колеса, ревели двигатели, валил черный дым, стон клаксона разносился по туману. Крохотные фигурки на верхней палубе перегибались через поручень, пытались рассмотреть, что происходит внизу. А потом город исчез так же внезапно, как и появился, оставив вонь выхлопных газов и запах горячего металла.

Они сели. Горели отброшенные в сторону обломки воздушного корабля. На том месте, где стоял Сталкер, след от колеса быстро заполнялся черной блестящей жижой. Что-то, возможно, металлическая рука, дернулось в ней, в воздух поднялось маленькое облачко пара и быстро рассеялось.

– Он... мертв? – Голос Тома дрожал от страха.

– По нему проехал город, – ответила Эстер. – Не думаю, что ему удалось...

Том задался вопросом – а что подразумевал Шрайк под «заветным желанием»? Почему продал свою коллекцию, чтобы пойти за Эстер, если хотел только одного – убить ее? Но он понимал, что этого ему уже не узнать.

– И эти несчастные на воздушном корабле... – прошептал он.

– Их послали, чтобы они помогли ему убить нас, Нэтсуорти, – фыркнула девушка. – Не расточай на них свою жалость.

Они помолчали, вглядываясь в туман.

– Интересно, от кого он убежал? – спрашивал Том, похуже, себя.

– Ты о чем?

– Город. Очень уж быстро он ехал. Должно быть, его преследовали...

Эстер посмотрела на него, и тут до нее дошло.

– Бежим! – крикнула она.

Но второй город уже накатывал на них из тумана. Больше первого, на широченных бочкообразных колесах. На Челюстях какой-то шутник нарисовал зубастую улыбку и написал: «Люблю повеселиться, особенно пожать».

Разминуться с городом никакой возможности не было. На этот раз Эстер схватила Тома за руку и он увидел, как шевелятся ее губы. Она что-то кричала ему, но в пронзительном реве двигателей он смог разобрать слова лишь со второго или третьего раза.

– Мы сможем запрыгнуть на него! Делай, как я!

Город накрыл их, колеса прошли с обеих сторон, волна грязи подняла, словно двух муравьев, расплющила бы о днище, будь оно на фут-другой ниже. Эстер оседлала волну, как заправский серфист, Том бултыхался рядом, ожидая, что в любой момент металлический выступ разmozжит ему голову или его утянет под колесо. Эстер вновь закричала, указывая вперед. На них, словно чудовищная змея, надвигался выхлопной тракт. В отсветах топочного огня из воздухозаборников на днище города Том различил поручень ремонтной площадки. Эстер ухватилась за него, забралась на площадку.

Том попытался последовать за ней. Сначала его руки сжали пустоту, потом он нащупал пальцами ржавое железо, от рывка руки едва не вырвало из плеч, но уже в следующее мгновение Эстер крепко держала его за ремень и не позволила свалиться с площадки.

Прошло немало времени, прежде чем они очухались и смогли подняться на ноги. Грязь залепила их с головы до ног, толстым слоем покрыв одежду, лицо, волосы. Том не мог не рассмеяться, увидев, во что они превратились, вспомнив, как близко была от них смерть, изумляясь, что им удалось остаться в живых. Эстер смеялась вместе с ним. Никогда раньше не слышал он ее смеха, никогда раньше не было у него столь близкого человека.

– Теперь все у нас будет хорошо! – заверила она его. – Теперь все у нас будет хорошо! Поднимемся на палубу и выясним, куда попали!

Город был маленьким, и пока Эстер вскрывала замок на люке, а потом вела Тома по длинной лестнице с ржавыми, горячими от жары двигателей стенами, на которых капли воды тут же превращались в пар, он гадал – а куда они, собственно, попали. Решил, что конструктивно город похож то ли на «Ползуна», то ли на «Попрыгунчика», платформы, которые строил Лондон в те благодатные дни, когда дичи было столько, что мегаполисы могли позволить себе использовать для охоты города-спутники.

Но и другая мысль не выходила из головы: «Только очень твердолобый мэр может привести в эти места свой город».

С какой стати «Ползуну» или «Попрыгунчику» преследовать крохотный городок в ужасных Ржавых болотах?

По лестнице они добрались до второго люка, незапертого, откинули его и вышли на верхнюю палубу. Холодный ветер нес ключья тумана между металлических зданий, а плиты палубы трясло от вибрации: платформа летела вперед на огромной скорости. На улицах не было ни души, но Том знал, что в маленьких городках население зачастую не превышает нескольких сотен человек. Возможно, они работали в машинных отсеках или в безопасности домов дожидались завершения погони.

Но что-то Тому в этом городе не нравилось. Очень уж он отличался от аккуратной лондонской платформы. Ржавые плиты палубы, обшарпанные дома, совсем маленькие на фоне гигантских дополнительных двигателей, определенно снятых с других, значительно больших по размеру городов, закрепленные на скорую руку и соединенные с главными двигателями, находящимися на нижней палубе, большими трубопроводами, огибающими дома и уходящими вниз сквозь дыры в палубе. А у бортов вместо парков и смотровых площадок Том видел орудийные позиции и крепкие деревянные стены.

Эстер приложила палец к губам, призывая к тишине, и направилась к прячущейся в тумане корме, где они увидели высокое здание, судя по всему, мэрию. Подойдя ближе, увидели надпись над дверью:

Добро пожаловать в
ТАНБРИДЖ-УИЛЗ!
Население 500 467 212
и продолжает расти!

Выше ветер трепал черно-белый флаг: улыбающийся череп и две скрещенные кости на черном фоне.

– Великий Куирк! – ахнул Том. – Это пиратская платформа!

И внезапно из затянутых туманом боковых улиц появились мужчины и женщины, столь же непрезентабельные, как и город, поджарые, суровые, с яростными глазами, а таких больших ружей Тому видеть еще не доводилось.

Пиратская платформа растворяется в тумане, и на Ржавые болота возвращается привычная тишина, нарушаемая только мелкими животными, шебуршащими в камышах. Потом черная жижа в одной колее вскипает и выплевывает Шрайка.

Колесо загнало его достаточно глубоко и крепко помяло. Левая рука висит на нескольких проводках, правая нога не слушается. Один глаз темен и слеп, второй все видит, как в тумане, поэтому Шрайку приходится трясти головой, чтобы его разогнать. Как-то воспоминания исчезли, какие-то, наоборот, вернулись. Вылезая из колеи, оставленной колесами платформы, он вдруг

вспоминает древние войны, для участия в которых его и создали. На Холме 20 орудия Теслы потрескивали, как холодные молнии, алаячая его в кокон огня, от которого мясо поджаривалось на железных костях. Но он выжил. Он – последний из бригады Лазаря и всегда выживает. Чтобы прикончить Шрайка, требуется нечто большее, чем проехавшее по нему городское колесо.

Медленно, медленно выбирается он на твердую землю, припадает, присматривается, сканирует окрестности, пока не убеждается, что Эстер жива. Он ей гордится. Его заветное желание! Скоро он снова найдет ее, и с одиночеством его вечной жизни будет покончено.

Платформа оставила в болоте глубокие следы. Выслеживать ее нетрудно даже с отказывающейся служить ногой, одним глазом и мозгом, в которой все путается. Сталкер отбрасывает голову, и его боевой крик разносится над пустынными болотами.

Глава 16. Чаны с экскрементами

Лондон продолжал свой путь день за днем, пересекая континент, раньше известный как Европа, словно впереди его ждала какая-то фантастическая добыча. После Солтхука дозорные обнаружили лишь несколько крошечных городков кладоискателей, но Магнус Кроум не стал менять курс, чтобы догнать их. Люди гревожились, шепотом спрашивали друг друга, что задумал лорд-мэр. Лондон вроде бы не собирался уезжать так далеко от знакомых мест, да еще на такой большой скорости. Пошли разговоры о нехватке продовольствия, а тепло, выделяемое двигателями, уходило вверх, и многие уверяли, что на мостовых Шестой палубы можно без труда поджарить яичницу.

В Нижнем Брюхе стояла страшная жара, и, выйдя из лифта на станции Тартарус Роу, Кэтрин решила, что попала в печь. Она никогда не спускалась так глубоко и какое-то время постояла на ступенях лифтовой станции, оглушенная шумом и темнотой. На Первой палубе солнце заливало Круговой парк, и прохладный ветерок покачивал кусты роз. Внизу рабочие ходили строем, то и дело гудели клаксоны, огромные вагонетки с топливом катились мимо нее к топкам.

У нее даже возникло желание вернуться домой, но она напонила себе, что пришла сюда по делу, ради того, чтобы помочь отцу. Глубоко вдохнула и спустилась на тротуар.

Брюхо ничем не напоминало Высокий Лондон. Здесь никто не знал ее в лицо; прохожие мрачно смотрели на нее, если она спрашивала у них, как добраться до нужного ей места; свободные от смены рабочие свистели, когда она проходила мимо, и кричали: «Привет, куколка!» или «Где ты оторвала такую шляпку?» Широкоплечий надсмотрщик оттер ее в сторону, ведя за собой рабочую команду заключенных со скованными руками. Из часовен под транспортерами ей ухмылялись статуи Закопченного Пита, горбатого бога машинных отсеков и дымовых труб. Кэтрин гордо

вскидывала подбородок и крепко держала поводок Собаки, радуясь, что у нее есть такой верный защитник.

Но она понимала, что правду может узнать только здесь. Отец улетел, Том пропал без вести или погиб, Магнус Кроум не желал с ней разговаривать, вот и выходило, что во всем Лондоне остался только один человек, который мог сказать ей правду.

Ей пришлось потрудиться, чтобы установить его личность, но, к счастью, персонал в бюро учета Гильдии мусорщиков, трубоочистов, грузчиков и вспомогательных рабочих Брюха вывернулся наизнанку, лишь бы оказать услугу дочери Таддеуса Валентина. У желоба сброса, объяснили они ей, мог быть только подмастерье-инженер, под началом которого работали заключенные, а если он руководил заключенными, значит, состоял в штате Инженеров экспериментальной тюрьмы в Нижнем Брюхе. Еще несколько вопросов и взятка одному надсмотрщику из Брюха привели Кэтрин к цели: на интересующие ее вопросы мог ответить подмастерье-инженер Под.

И вот через неделю после встречи с лорд-мэром она спустилась в Нижнее Брюхо, чтобы поговорить с ним.

Тюрьма представляла собой комплекс зданий, площадью сравнимый с небольшим городом, расположенный вокруг основания гигантской силовой опоры. Следуя указателям, Кэтрин добралась до административного корпуса – металлической сферы, установленной на ржавом помосте и медленно вращающейся, дабы надзиратели могли присматривать из окон за тюремными блоками, площадками для прогулок и бассейнами, в которых выращивались водоросли. В холле неоновый свет отражался от белого металла стен, пола и потолка. Едва Кэтрин переступила порог, ей навстречу вышел Инженер.

– Собакам сюда вход воспрещен, – заявил он.

– Он не собака, он – волк, – ответила Кэтрин с ослепительной улыбкой, и Инженер отпрыгнул назад, когда Собака попытался обнюхать его резиновый плащ. На лысом черепе Инженера краснели пятна экземы, тонкие губы на строгом лице, похоже, никогда не расходились в улыбке. «Надзиратель Ниммо», – прочитала Кэтрин на табличке, которая висела на груди у Инженера, и прежде чем тот смог высказать еще какие-нибудь претензии, показала ему золотой пропуск и добавила: – Я здесь по поручению моего отца, Главного историка. Я должна повидаться с одним из ваших подмастерьев, его фамилия Под.

Надзиратель Ниммо моргнул.

– Но... но... – От изумления он практически лишился дара речи.

– Я пришла прямо из кабинета Магнуса Кроума, – солгала Кэтрин. – Если хотите проверить, позвоните его секретарю...

– Нет, я уверен, что все так и есть... – пробормотал Ниммо.

Ни у кого, кроме членов Гильдии, никогда не возникало желания поговорить с подмастерьем, и ему это не нравилось. Воз-

можно, существовала инструкция, запрещающая такую встречу. Но ему не хотелось чинить препятствия человеку, который лично знал лорд-мэра. Он попросил Кэтрин подождать, а сам поспешил в кабинет в дальнем конце холла, отделенный от него стеклянной стеной.

Кэтрин ждала, поглаживая Собаку по голове и улыбаясь лысым, одетым в белое людям, которые проходили мимо. Вскоре Ниммо вернулся.

– Я нашел подмастерье Пода. Его перевели в сектор шестьдесят.

– Отлично, мистер Ниммо. – Кэтрин просияла. – Ты вызовешь его сюда?

– Разумеется, нет, – ответил Инженер, которому, конечно же, не нравилось получать приказы от дочери простого Историка. Но если она хочет увидеть сектор 60, он может проводить ее туда.

– Следуй за мной. – Он направился к маленькому лифту. – Сектор шестьдесят – на подпалубном уровне.

На подпалубный уровень, который находился у самой земли, сливались канализационные стоки Лондона. Кэтрин читала об этом в школьных учебниках и приготовилась к долгому спуску, но и представить себе не могла, какой ее встретит запах. Волна невероятной вони накатилась на нее, едва кабина лифта остановилась и двери начали приоткрываться. Она словно окунулась в выгребную яму.

– Это сектор шестьдесят, один из наших наиболее интересных экспериментальных участков. – Ниммо тошнотворного, выворачивающего наизнанку запаха вроде бы и не замечал. – заключенные, приписанные к этому сектору, помогают в создании и исследованиях новых способов переработки городских отходов.

Кэтрин вышла из кабины, зажав нос платком. Очутилась в огромном, плохо освещенном помещении. Увидела перед собой три большущих чана, каждый из которых размерами превосходил виллу «Клио Хауз» вместе с садами. Вонючая, желтовато-коричневая жижа капала в чаны из множества труб, спускающихся с низкого потолка, люди в серых тюремных робах ходили в чанах по грудь в этой жиже и разравнивали поверхность граблями на длинных ручках.

– Что они делают? – спросила Кэтрин. – Что это за гадость?

– Отходы, мисс Валентин, – с гордостью ответил Ниммо. – Стоки. Вторичный продукт. Результат жизнедеятельности человеческих организмов.

– Вы хотите сказать... кашки? – ужаснулась Кэтрин.

– Благодарю, мисс Валентин. Возможно, это то самое слово, которое я искал... – Ниммо сверлил девушку взглядом. – В нем нет ничего непристойного, уверяю вас. Мы все... э... время от времени ходим в туалет. Так вот, теперь ты знаешь, куда... э... в итоге попадают твои кашки. «Нет отходам – все в дело» – таков девиз Инженеров, мисс. Должным образом переработанные,

человеческие экскременты становятся отличным топливом для двигателей нашего мегаполиса. И мы ищем способы превращения их во вкусную и питательную еду. наших заключенных мы ничем другим и не кормим. К сожалению, они умирают. Но я уверен – это временные неудачи.

Кэтрин подошла к краю ближайшего чана.

«Я попала в Страну без солнца, – подумала она. – О, Клио! Это земля мертвых!»

Но даже Страна без солнца не могла быть такой ужасной, как это место. Густая жижа колыхалась и перекачивалась, выплескиваясь через край чана, когда Лондон поднимался или опускался по склону очередного холма. Мухи тучами кружили над чанами, садились на лица и тела заключенных. Их обритые головы поблескивали в сумраке, лица напоминали застывшие маски; когда они зачерпывали жижу из чанов и выливали в вагонетки, которые другие заключенные подкачивали к чанам. За ними приглядывали подмастерья-инженеры с суровыми лицами, রাখивавшие длинными черными дубинками. Кто радовался, так это Собака. То и дело натягивал поводок, принохивался, поглядывал на Кэтрин, словно благодарил за то, что она привела его к источнику таких интересных запахов.

С трудом удерживая в желудке ленч, она повернулась к Ниммо.

– Это бедные люди! Кто они?

– Из-за них волноваться нет нужды, – ответил надзиратель. – Заключенные. Преступники. Они это заслужили.

– А за что они попали в тюрьму?

– Кто за что. Кражи. Уклонение от уплаты налогов. Критика нашего лорд-мэра. К ним очень хорошо относятся, будьте уверены. А теперь давайте найдем подмастерье Пода...

Пока он говорил, Кэтрин не отрывала глаз от чана, рядом с которым стояла. Один из мужчин, работавших в нем, остановился, выпустил из рук грабли, схватился за голову, словно она пошла у него кругом. Заметила его и девушка-подмастерье. Подошла к самому краю и ткнула дубинкой. Полетели синие искры, заключенного качнуло в одну сторону, другую, он повалился набок и исчез в дерьме. Остальные заключенные лишь смотрели на то место, где он только что стоял, слишком испуганные, чтобы подойти и помочь.

– Сделайте хоть что-нибудь! – воскликнула Кэтрин, повернувшись к Ниммо, который словно ничего и не заметил.

Другой подмастерье подбежал к чану, приказывая заключенным помочь своему товарищу. Двое или трое подняли его из дерьма, новый подмастерье, наклонился над чаном и вытащил из дерьма, при этом изрядно забрызгавшись. Он был в маске, как и многие надзиратели, но Кэтрин узнала его еще до того, как стоявший рядом с ней Ниммо прорычал: «Под!»

Они поспешили к нему. Подмастерье Под уложил едва не утонувшего заключенного на железный пол между чанами и водой из

инанга смывал вонючую жижу с лица. Девушка-подмастерье, та самая, что ткнула беднягу дубинкой, с отвращением смотрела на него.

– Ты опять попусту расходуешь воду, Под! – воскликнула она, когда к ним подбежали Кэтрин и Ниммо.

– Что тут происходит, подмастерья? – строго спросил Ниммо.

– Этот человек плохо работал, – ответила девушка. – Я попыталась подбодрить его.

– Он весь горит! – Подмастерье Под вскинул голову, весь забрызганный дерьмом. – Не удивительно, что он не смог продолжать работу.

Кэтрин присела рядом. Только теперь Под заметил ее, и его глаза изумленно раскрылись. Ему уже удалось очистить лицо заключенного, и она коснулась его лба. Почувствовала идущий от него жар, хотя и глубинах Брюха температура намного превышала норму.

– Он действительно болен. – Она посмотрела на Ниммо. – Весь горит. Его надо отправить в больницу...

– Больницу? – переспросил Ниммо. – Больниц здесь нет. Они заключенные, мисс Валентин. Преступники. Им медицинская помощь не требуется.

– Еще один кандидат на отправку в отделение К, – со скучающим видом отметила девушка-подмастерье.

– Заткнись, – быстро прошипел Ниммо.

– Что это за отделение К? – спросила Кэтрин.

Ниммо не ответил.

Подмастерье Под смотрел на нее, и ей показалось, что слезы текут у него по щекам, хотя, возможно, она видела капельки пота. Она повернулась к заключенному, который впал в забытие. Металлический пол выглядел очень уж твердым, и импульсивно она сняла шляпку, сложила и подсунула ему под голову, как подушку.

– Нельзя его здесь оставлять! – воскликнула она. – Он слишком слаб, чтобы работать в ваших ужасных чанах!

– Это безобразие, – согласился с ней Ниммо. – В последнее время к нам действительно присылают одних слабаков. Если бы Гильдия купцов прилагала побольше усилий для того, чтобы ликвидировать нехватку продовольствия, они были бы крепче. А если бы Навигаторы лучше искали дичь... Но я думаю, ты увидела все, что хотела, мисс Кэтрин. Пожалуйста, задай подмастерью Поду вопросы, интересующие твоего отца, и я отведу тебя к лифту.

Кэтрин повернулась к Поду. Он снял маску, и она увидела, что он просто красавчик, с большими темными глазами и маленьким, классическим ртом. Она смотрела на него и молчала. Он только что проявил себя героем, пытаясь спасти бедолагу, а она пристает к нему с какой-то ерундой.

– Ты – мисс Валентин, не так ли? – нервно спросил он, когда Собака протиснулся мимо него, чтобы обнюхать пальцы лежащего на полу заключенного.

Кэтрин кивнула.

– Я видела тебя в Брюхе в тот день, когда мы съели Солтхук, – начала она. – Вечером, у желобов сброса. Я думаю, ты обратил внимание на сумасшедшую девушку, которая в тот день пыталась убить моего отца. Можешь ли ты рассказать мне все, что запомнил?

Юноша не отрывал от нее глаз, зачарованный длинными прядями волос, упавшими на лицо, когда она сняла шляпку. Потом метнул взгляд на Ниммо.

– Я ничего не видел, мисс. То есть я слышал крики и побежал, чтобы помочь, но со всем этим паром... Я никого и ничего не заметил.

– Ты уверен? – В голосе Кэтрин слышалась мольба. – Это очень важно.

Подмастерье Под покачал головой, не решаясь встретиться с ней взглядом.

– Извини...

Лежащий мужчина внезапно дернулся, тяжело вздохнул, и они все повернулись к нему. Кэтрин потребовалось мгновение, чтобы понять, что он умер.

– Видите? – самодовольно воскликнула девушка-подмастерье. – Я же говорила, что ему прямая дорога в отделение К.

Ниммо ткнул безжизненное тело носком сапога.

– Забери его, подмастерье.

Кэтрин трясло. Ей хотелось плакать, но глаза оставались сухими. Если б только она хоть как-то могла помочь этим бедным людям.

– Я расскажу отцу обо всем, когда он вернется домой, – пообещала она. – А узнав, что творится в этом ужасном месте...

Она жалела о том, вообще пришла сюда. Вновь она услышала, как Под сказал: «Мне очень жаль, мисс Валентин». То ли жалел, что не смог помочь, то ли ее саму, потому что ей открылась правда о том, какова жизнь под палубами Лондона.

Ниммо уже заметно нервничал.

– Мисс Валентин, нам пора. Тебе вообще не следовало приходить сюда. Если твой отец хотел задать вопросы этому подмастерью, он должен был прислать официального представителя Гильдии. И что он вообще надеялся узнать у этого мальчишки?

– Я иду, – ответила Кэтрин и оказала последнюю услугу умершему заключенному: протянула руку и нежно закрыла ему глаза.

– Я очень сожалею, – прошептал подмастерье Под, когда Ниммо повел Кэтрин к лифту.

Глава 17. Пиратская платформа

Поздним вечером в глубине Ржавых болот Танбридж-Уилз наконец-то настиг свою жертву. Уставший от долгой погони город провалился правыми колесами в трясину, и платформа на полной скорости врезалась в него. От удара город разлетелся на множе-

ство обломков, которыми усыпало улицы платформы. Тут же работали Челюсти, пережевывая остатки корпуса.

Из клетки, расположенной в брюхе платформы, Том и Эстер наблюдали, как разделочные механизмы вырывают балки, стойки, переборки, плиты палубы, не обращая внимания на находящиеся в помещениях людей. Тех, кто выходил, хватали пираты. Молодых и крепких распахивали по другим клеткам, остальных убивали и бросали тела на кучу мусора в углу разделочного двора.

– О, великий Куирк! – прошептал Том. – Это ужасно! Они нарушают все принципы муниципального дарвинизма...

Это пиратская платформа, Нэтсуорти, – напомнила ему Эстер. – А чего ты хотел? Они раздирают добычу как можно быстрее, а пленные становятся рабами и отправляются в машинное отделение. Они не тратят еду и место на людей, которые слишком слабы, чтобы работать. Твой драгоценный Лондон, между прочим, поступает точно так же. По крайней мере, эти ребята честно называют себя пиратами.

Уголком глаза Том поймал красное пятно, появившееся на разделочном дворе. Мэр пиратской платформы спустился вниз, чтобы осмотреть добычу, и шагал по проходу между клетками, окруженный телохранителями. Маленького роста, сутулый, плешивый, с тощей шеей, торчащей из отделанного мехом воротника. Дружелюбия в нем не чувствовалось.

– Он больше похож на поеденного молью стервятника, чем на мэра, – прошептал Том, дернув Эстер за рукав и указав на приближающую компанию. – Как по-твоему, что они с нами сделают?

Она пожала плечами, повернувшись к ним.

– Полагаю, отправят в машинное от... – Она замолчала, уставившись на мэра, словно никогда не видела ничего более удивительного. Оттолкнув Тома, прижалась лицом к прутьям решетки и закричала. – Пиви! – Кричать приходилось громко, чтобы перекрыть царящий на разделочном дворе грохот. – Пиви! Иди сюда!

– Ты его знаешь? – в недоумении спросил Том. – Он друг? Хороший человек?

– У меня нет друзей, – отрезала Эстер, – и никакой он не хороший. Безжалостный зверь. Я видела, как он убивал людей, которые, как ему представлялось, не так на него посмотрели. Будем надеяться, что хорошая добыча подняла ему настроение. Пиви! Иди сюда! Это я! Эстер Шоу!

Безжалостный зверь повернулся к их клетке, скорчил злобную гримасу.

– Его зовут Крайслер Пиви, – объяснила Эстер. – Он несколько раз заглядывал в Строул, когда я жила у Шрайка. Был мэром другого маленького городка кладоискателей. Только богам известно, как ему удалось прибрать к рукам такую роскошную платформу... А теперь помолчи. Говорить буду я!

Том пристально рассматривал Пиви, когда тот подошел, чтобы глянуть на попавших к нему пленников. Его головорезы держа-

лись чуть позади. Смотреть, в общем-то, было не на что. Лысина отражала горевший в топках огонь, стекавший по лицу пот оставлял белые потеки на грязных щеках мужчины. Отсутствие волос на черепе компенсировалось их избытком в других местах. Подбородок топорщился седой щетиной, волосы лезли из ушей и ноздрей, над глазами нависли кустистые брови.

На шее Пиви висела цепь мэра, на плече сидела маргышка.

– Кто они? – спросил он.

– Решили проехать на халяву, босс... я хотел сказать, ваша милость, – ответила женщина-телохранитель с налаченными волосами, собранными в два закругленных рога.

– Поднялись на борт во время погони, – добавил мужчина, который руководил препровождением Тома и Эстер с палубы в клетку. Он указал Пиви на свое подбитое овчиной пальто, которое снял с Тома. – Взял вот у одного из них...

Пиви что-то пробурчал. Уже собрался отвернуться, но Эстер продолжала улыбаться своей перекошенной улыбкой и звать его: «Пиви! Это же я!» – пока в глазах мэра не мелькнула искра узнавания.

– Боги и грешники! Это же щенок Железяки.

– Ты прекрасно выглядишь, Пиви, – польстила ему Эстер, и Том отметил, что она не прячет от пиратов лицо: знала, что не должна давать перед ними слабинку.

– Что б я сдох! – Пиви оглядел девушку с головы до ног. – Что б я сдох! Это же действительно ты! Маленькая помощница Сталкера, подросшая и ставшая еще более уродливой! А где старина Шрайки?

– Умер, – ответила Эстер.

– Умер? Неужто от усталости металла? – Он загоготал, и тут же к нему присоединились телохранители. Даже обезьянка – и та начала кричать и греметь цепью. – Усталость металла! Поняли?

– А как ты стал мэром Танбридж-Уилз? – спросила она, пока он, всё смеясь, утирал катящиеся из глаз слезы. – Насколько мне известно, это был уважаемый город-спутник, который использовался для охоты на севере, на границе Ледяной пустоши.

Пиви в последний раз хохотнул, привалился к решетке.

– Классная платформа, не так ли? Они съели мой город пару лет назад. Догнали и сожрали. Но они были такие мягкотелые, не чета мне и моим ребятам. Мы вылезли из брюха и захватили платформу. Мэра и городской совет отправили в машинное отделение, а сами поселились в их уютных домах и красивой мэрии. Больше я не ищу клады. Теперь я – настоящий мэр. Его милость Крайслер Пиви к твоим услугам!

По телу Тома пробежала дрожь. Он легко представил себе, какие мерзости творились здесь, когда головорезы Пиви брали власть... но Эстер просто кивнула, показывая, что рассказ Пиви произвел на нее впечатление.

– Поздравляю. Отличный город. Я хочу сказать, быстрый. И хорошо построенный. Но ты рискуешь. Если б твоя жертва проскочила ту трясины, Танбридж-Уилз сам бы угодил в нее и затонул в Ржавых болотах.

Пиви пренебрежительно махнул рукой.

– Только не Танбридж-Уилз, сладенькая. Это особая платформа. Тоги и болота нас не останавливают. В этих болотах прячутся жирные города, но я нацелился на еще более жирную дичь.

Эстер кивнула.

А как насчет того, чтобы выпустить нас? – предложила она. – Чтобы поймать всю эту дичь, тебе не помешает пара крепких помощников.

– Ха-ха! – гоготнул Пиви. – Ловкий ход, Этти, но тебе не повезло. Дичи в последние пару лет стало гораздо меньше, так что добычи мне едва хватает, чтобы мои парни были счастливы, а им точно не понравится, если на борту будут появляться новые лица. Особенно такие страшные, как твое. – Он вновь загоготал, обведя взглядом телохранителей, чтобы убедиться, что они следуют его примеру. Обезьянка запрыгнула на его лысую макушку, где и осталось, что-то бормоча.

– Но я тебе нужна, Пиви, – в отчаянии крикнула Эстер, напрочь забыв про Тома. – Я-то не мягкотелая. Возможно, покрепче половини твоих парней. Я буду сражаться изо всех сил и...

– Да, мы сможем тебя использовать, все так, – согласился Пиви. – Только не на палубе. Где мне нужны люди, так это в машинном отделении. Извини, Этти! – Он отвернулся, махнул рукой женщине с рогами. – В кандалы их, Мэггз, и к рабам.

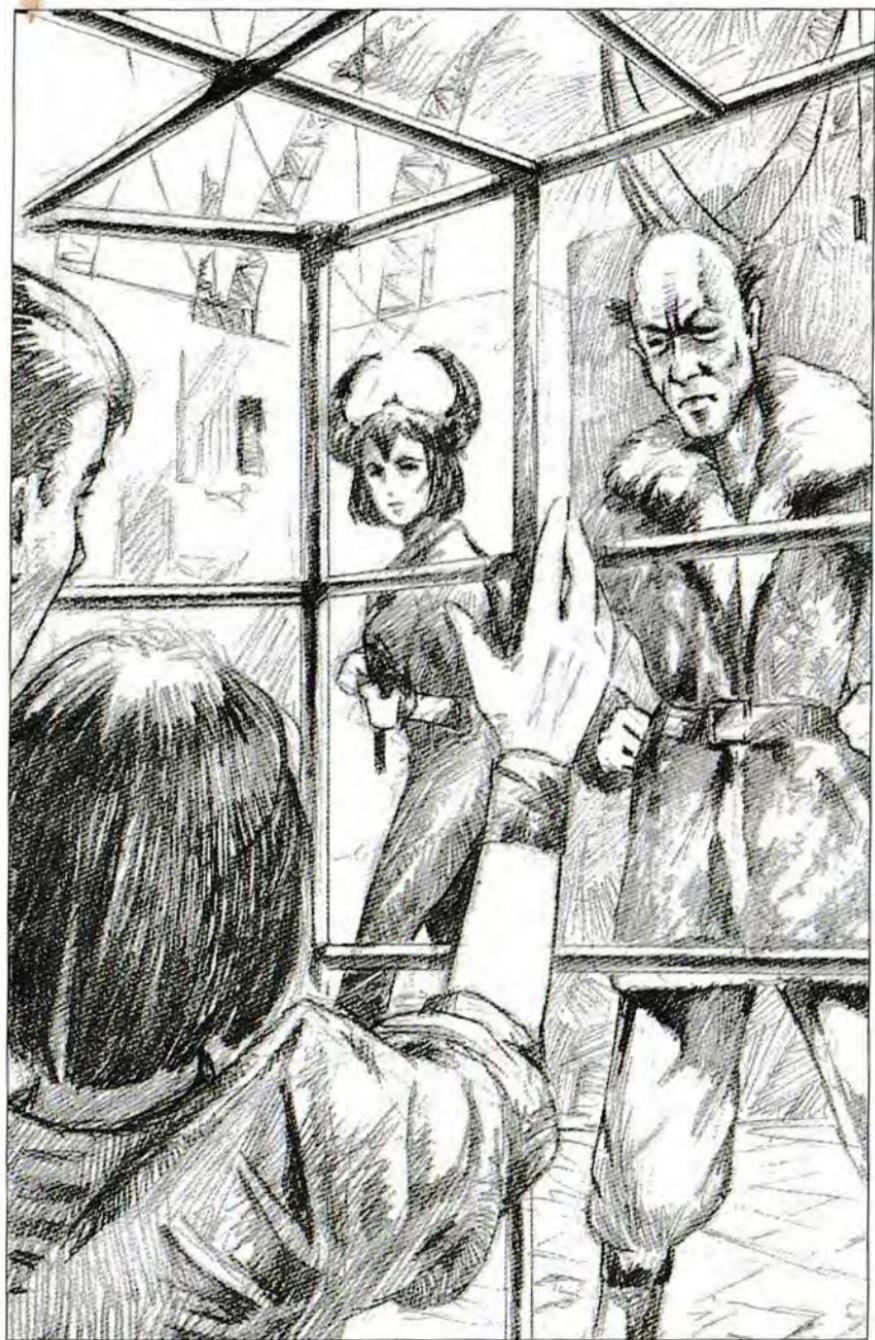
Эстер опустила на пол, в отчаянии закрыв лицо ладонями. Том коснулся ее плеча, но она сердито сбросила его руку. Он посмотрел на Пиви, уходящего прочь по залитому кровью разделочному двору, на пиратов, приближающихся с клетке с ружьями и кандалами. И почувствовал скорее злость, чем страх. Неужто после того, что им пришлось пережить, они снова станут рабами? И, не отдавая себе отчета, он вскочил, схватился за решетку и вдруг заорал: «НЕ-Е-Е-Т!»

Пиви оглянулся. Его брови, как толстые гусеницы, поползли вверх.

– НЕ-Е-Е-Т! – вновь выкрикнул Том. – Ты ее знаешь, она попросила тебя о помощи, и ты должен ей помочь! Ты просто трус, сжирающий маленькие города, которые не могут от тебя удрать, убивающий людей, заковывающий в кандалы, не решающийся им помочь, потому что слишком боишься своей команды!

Мэггз и другие телохранители подняли ружья и вопросительно посмотрели на Пиви, ожидая приказа изрешетить наглого пленника пулями. Но мэр какое-то время стоял, пристально глядя на Тома, потом вернулся к клетке.

– Что ты сказал? – спросил он.

Том отступил на шаг. Когда попытался ответить, слова застряли в горле.

— Ты из Лондона, не так ли? — продолжил Пиви. — Я везде узнаю этот выговор! И ты не с нижних палуб, так? Ну-ка скажи, с какой ты палубы?

— Со В-второй, — промямлил Том.

— Со Второй палубы? — Пиви оглядел телохранителей. — Вы слышали? Это практически Высокий Лондон, понимаете? Этот пареня. — джентльмен из Высокого Лондона. Ты хотела заковать в кандалы настоящего джентльмена, Мэггз?

— Но ты велел... — запротестовала женщина.

— Мало ли что я велел! — проревел Пиви. — Выпустите его!

Женщина с рогами возилась с замком, пока решетчатая дверь не отъехала в сторону, потом грубо вытащила Тома из клетки. Пиви отогранил ее и начал по-дружески похлопывать юношу по спине.

— Негоже так обращаться с джентльменом. Спаннер, верни ему пальто!

— Что? — воскликнул пират, одетый в пальто Тома. — Никогда!

Пиви вытащил пистолет и застрелил его.

— Я же сказал: верни джентльмену пальто! — прокричал он труну, на лице которого застыло изумление; остальные быстренько сняли пальто и надели на Тома. Пиви разгладил лохматые края дыры от пули на груди. — Прости, что попачкал кровью. Эти парни не знают, что такое хорошие манеры. Пожалуйста, позволь мне извиниться за это недоразумение. Я рад приветствовать тебя на борту моего скромного городка. Для меня это большая честь — принимать у себя в гостях настоящего джентльмена, сэр. Я надеюсь, что в пять часов ты выпьешь со мной чаю в мэрии...

Том молча таращился на Пиви. Только сейчас до юноши дошло, что его не убьют. И уж, конечно, он никак не мог ожидать приглашения на чай. Но когда мэр-пират повел его к выходу из разделочного двора, он вспомнил об Эстер, которая осталась в клетке.

— Я без нее не пойду! — твердо заявил он.

— Ты про Этти? — В голосе Пиви слышалось недоумение.

— Мы путешествуем вместе, — объяснил Том. — Она — моя подруга.

— Да на Танбридж-Уилз полно других девушек, — отмахнулся Пиви. — И куда более красивых, с носами и всем остальным. Слушай, моя красавица-дочь с удовольствием познакомится с тобой...

— Без Эстер я не пойду, — повторил Том.

Мэр поклонился и знаком приказал своим людям вновь открыть клетку.

Поначалу Том подумал, что Пиви хочет узнать то же самое, что и мисс Фанг: куда направляется Лондон и что привело его в центральный регион Охотничьих земель. Но хотя мэр и задавал мно-

«Жестов вопросов о жизни Тома в Лондоне, передвижения мегаполиса несколько его не интересовали. И он страшно радовался тому, что на борту его города появился «джентльмен из Высокого Лондона».

Он устроил Тому и Эстер экскурсию по мэрии, познакомил со своими «советниками», громилами и убийцами: Дженни Мэггз, Толстяком Манго, Кандальщиком Зебом, Пого Наджерсом, Отчаянным Зипом. Потом пришло время выпить чаю в его личных апартаментах, комнатах, набитых сокровищами, награбленными с захваченных городов, где у всех под ногами мешались его вопящие, курносые дети. Старшая дочь Пиви, Кортина, невзрачная, запуганная девушка со светло-синими глазами, принесла чай в фарфоровых чашках и сэндвичи с огурцом на хрустальном блюде. Когда Пиви увидел, что с сэндвичей не срезана корочка, он сшиб ее с ног ударом кулака.

– Томас из Лондона! – прорычал он, швырнув в дочь сэндвичи. – Он думает, что попал в приличное общество! И сэндвичи должны быть треугольными! Ну что тут поделаешь? – вздохнул он, повернувшись к Тому. – Пытался воспитывать ее, как леди, но она ничему не хочет учиться. Но девушка она хорошая. Иной раз смотрю на нее и жалею, что пристрелил ее мамашу... – Он всхлипнул, достал из кармана громадный носовой платок с черепом и скрещенными костями, промокнул глаза.

Дрожаящая Кортина принесла новые сэндвичи.

– Дело в том, – объяснил Пиви, набив рот хлебом и огурцом, – дело в том, что я не хочу быть пиратом всю оставшуюся жизнь.

– Не хочешь? – переспросил Том.

– Именно так, – кивнул Пиви. – Видишь ли, Томми, у меня не было тех преимуществ, которые получил ты, родившись в Лондоне. Образования мне не дали, я всегда был страшный, как грех...

– Я бы этого не сказал, – вежливо пробормотал Том.

– Мне приходилось бороться за свою жизнь, на свалках и в канавах. Но я всегда знал, что со временем стану большой шишкой. И однажды увидел Лондон. Конечно, издали. Он куда-то спешил. Я тогда подумал, что ничего прекраснее нет и не будет – все эти палубы, белые виллы наверху, сверкающие на солнце. Потом узнал, что там живут богатые люди, и решил, что именно так я и хочу жить: красиво одеваться, устраивать приемы, ходить в театр. Поэтому стал кладовщиком, потом у меня появился свой маленький город, теперь этот, побольше. Но что я действительно хочу... – он наклонился к Тому, – что мне действительно нужно, так это респектабельность.

– Да, да, конечно, – согласился Том, искоса глянув на Эстер.

– Так вот о чем я думаю, – продолжил Пиви. – Если эта охота пройдет успешно, как я надеюсь, Танбридж-Уилз скоро разбогатеет. Очень разбогатеет. Мне нравится эта платформа, Том. Я хочу, чтобы она строилась дальше. Я хочу, чтобы у нас появилась верхняя палуба с парками и роскошными особняками, чтобы

лифты ходили вверх-вниз. Я хочу превратить Танбридж-Уилз в мегаполис, настоящий большой город, а самому стать его лорд-мэром. Я чувствую, что мне это по силам. А от тебя, Томми, я хочу следующее. Ты расскажешь мне, каким должен быть мегаполис, и научишь меня светским манерам. Ты понимаешь, этикету. Чтобы я мог общаться с другими лорд-мэрами, и они не смеялись у меня за спиной. И моих парней тоже. Они сейчас, что свиньи. Что ты на это скажешь? Сможешь ты превратить нас в джентльменов?

Том моргнул, вспомнив зверские физиономии головорезов Пиви и гадая, как обернется его судьба, скажи он им, что они должны пропускать друг друга в дверях и не жевать с открытым ртом. Он не знал, что ответить, но ему на помощь пришла Эстер.

– С Томом тебе крупно повезло. Он – эксперт по этикету. Второго человека с такими утонченными манерами я просто не знаю. Он научит тебя всему, что тебя интересует, Пиви.

– Но... – открыл рот Том, и тут же под столом Эстер пнула его в лодыжку.

– Клас-с-сно! – хохотнул Пиви, и из его рта полетели куски недожованного сэндвича. – Держись старины Крайслера, Томми, и ты далеко пойдешь. Начнешь работать, как только мы заловим большую дичь. Она ждет нас по ту сторону болот. Мы доберемся до нее в конце недели...

Том маленькими глотками пил чай. Перед его мысленным взором возникла карта Охотничьих земель. Широкая полоса Ржавых болот, а за ней...

– По ту сторону болот? – переспросил он. – Но там нет ничего, кроме Кхазакского моря!

– Расслабься, Томми! – загоготал Крайслер Пиви. – Разве я тебе не говорил? Танбридж-Уилз – особый город. Подожди, и ты все увидишь сам. Подожди, пока не покажется море. На море все и увидишь, ха-ха-ха!

Он хлопнул Тома по спине и поднес чашку ко рту, оттопырив мизинец.

Глава 18. Бивис

Несколько дней спустя Лондон вновь заметил дичь: маленькие доревни, жители которых говорили на славянском языке. Они попытались спрятаться меж древних известковых холмов. Мегаполису пришлось побегать взад-вперед, отлавливая их под радостные крики лондонцев, заполнивших обзорные площадки. Безликая равнина западной части Охотничьих земель осталась позади, недавняя неудовлетворенность горожан рассеялась, как дым. Кто-то волновало, что на нижних палубах люди умирали от жары? Старина Лондон! Старина Кроум! Давно у мегаполиса не было такой добычи!

Сначала Лондон догнал и съел более быстрые городки, потом принялся за медлительных. Прошла неделя, прежде чем мегапо-

лис разобрался с последним, довольно большим городом, когда-то процветающим, но сильно пострадавшим после стычки с пиратской платформой. После того, как его съели, во всех лондонских парках начались народные гуляния. Еще больше настроение лондонцев подняло сообщение о том, что на севере замечены огни. Тут же прошел слух: это огни огромного, но поврежденного мегаполиса. Именно на его поиски улетел Валентин, и радиосигнал с «Лифта на тринадцатый этаж» указал Лондону нужное направление. Фейерверки продолжались до двух часов ночи, и Чадли Помрой, исполняющий обязанности гильденмейстера, перевел Герберта Меллифанта в подмастерья третьего класса за то, что он зажег петарду в главном холле Музея.

Но к заре радостные ожидания и слухи умерли. Огни на севере действительно принадлежали огромному мегаполису, но находящемуся в отличной форме. Он на полной скорости мчался на юг, и по всему чувствовалось, что не прочь коротенько подкрепиться. Гильдия навигаторов быстро определила, что это Панзерштадт-Байрут, конебейшн – город с пригородами, который образовался после слияния четырех громадных движущихся городов. Но кого волновало, как он называется? Всем хотелось одного: побыстрее разъехаться с ним в разные стороны.

Лондон прибавил скорости, по-прежнему держа курс на восток, и вскоре Панзерштадт-Байрут скрылся за горизонтом. Но наутро появился вновь. Верхние палубы сверкали в лучах восходящего солнца, и расстояние до него заметно уменьшилось.

Кэтрин Валентин не участвовала в гуляниях, и панические настроения, захлестнувшие город, обошли ее стороной.

После возвращения из Нижнего Брюха она практически не выходила из своей комнаты, снова и снова мылась, чтобы избавиться от запаха вонючей жижи, с которой столкнулась в секторе 60. Не могла есть, заставила слуг выбросить всю одежду, которую носила в тот день. Перестала ходить в школу. Как она могла общаться со своими подружками, с их глупой болтовней о нарядах, и мальчишками, зная, что творится на нижних палубах? За окном солнечный свет заливал лужайки, деревья выбрасывали свежие зеленые листочки, но как она теперь могла наслаждаться красотой Высокого Лондона? Из головы не выходила мысль о тысячах лондонцев, которые страдали и умирали в нищете, чтобы несколько счастливых, вроде нее, могли ни в чем себе не отказывать.

Она написала об этом руководству телекомпании, еще одно письмо – в полицию, потом порвала оба. Какой смысл их посылать, если всем известно, что и полиция, и телевидение находятся под полным контролем Магнуса Кроума? Даже Верховный жрец Клио – и тот назначался Кроумом. Ей придется ждать возвращения отца. Только тогда удастся хоть как-то помочь обитателям Нижнего Брюха, если конечно, к тому времени Лондон не съедят.

И в поисках правды о девушке со шрамом на лице она уперлась в глухую стену. Подмастерье Под ничего не знал... или прикинул, что ничего не знает, а больше ей обращаться было не к кому.

А потом во время завтрака, на третий дня преследования Лондон Панзерштадт-Байрутом, ей пришло письмо. Она понятия не имела, кто мог его написать, повертела конверт в руках, глядя на марку Шестой палубы и испытывая безотчетный страх.

А когда вскрыла, оттуда выпала полоска бумаги – обычной лондонской бумаги, многократно переработанной, а потому мягкой и шероховатой на ощупь, с водяными знаками: «Нет отходам – все в дело». Кэтрин прочитала:

«Дорогая мисс Валентин!

Пожалуйста, помоги мне. Я должен тебе кое-что рассказать. Я буду в «Едальне Пита» в Белсайз-Парк, Пятая палуба, сегодня в одиннадцать утра.

*Искренне твоя,
Друг».*

Несколькими неделями раньше такое письмо заинтриговало бы Кэтрин, но за последние дни тайны и загадки ей изрядно надоело. Она подумала, что кто-то решил подшутить над ней. Ей же было не до шуток. Действительно, какие могут быть шутки, когда Лондон бежит, спасая себя и своих жителей, а на нижних палубах царит нищета и страдания? Она бросила письмо в урну для переработки бумаги, оттолкнула тарелку с несъеденным завтраком и снова пошла мыться.

Но ничего не смогла поделать с любопытством. В девять утра оксала себе: «Я никуда не пойду».

В половине десятого сказала Собаке: «Это бессмысленно, там никого не будет».

В десять пробормотала: ««Едальня Пита»». Что это за название? Наверное, его выдумали».

Полчаса спустя стояла в Центральной станции в ожидании идущего вниз лифта.

Пошла в Нижнем Холборне и зашагала к краю палубы по металлическому тротуару среди металлических домов. Одежду надела самую старую, шла, опустив голову, и держала Собаку у ноги, на коротком поводке. Больше не гордилась, когда люди смотрели на нее. Думала, что читает в их взглядах: «Это же Кэтрин Валентин, заносчивая маленькая мисс с Первой палубы. Что они знают о жизни, живя в Высоком Лондоне?»

В безлюдном Белсайз-Парк воздух наполняли выхлопные газы двигателей. Лужайки и клумбы давно уже сменили грядки, и она видела только рабочих из департамента «Парков и садов», которые чем-то опрыскивали капусту, борясь с тлей. Неподалеку возвышалось коническое здание с вывеской, на которой она причи-

тала: «Едальня Пита» – большими буквами и «Кафе» – маленькими. Металлические столики стояли как перед дверью, под навесами, так и внутри. Люди разговаривали и курили в полумраке: аргонные лампы горели в полнакала. Юноша, сидевший за столиком неподалеку от двери, поднялся и помахал рукой. Собака завилял хвостом. Кэтрин понадобилось мгновение, чтобы узнать подмастерье Пода.

– Я – Бивис. – Он нервно улыбнулся, когда Кэтрин села напротив. – Бивис Под.

– Я помню.

– Я рад, что ты пришла, мисс. Мне хотелось поговорить с тобой с того самого момента, как ты спустилась в сектор шестьдесят, но только так, чтобы наша Гильдия об этом ничего не знала. В Гильдии не любят, когда мы общаемся с посторонними. Но у меня сегодня выходной, потому что они готовятся к большому собранию, вот я и смог прийти сюда. Как ты видишь, Инженеры здесь не едят.

– Меня это не удивляет, – ответила Кэтрин, бросив взгляд на меню, украшенное большой цветной картинкой какого-то блюда под названием «Хэппи мил»: ломти невероятно розового мяса между разрезанной пополам булочкой из водорослей. Она заказала чай с мятой. Его принесли в пластиковой чашке, и пах он чем-то химическим.

– На Пятой палубе все рестораны такие?

– О нет, – покачал головой Бивис Под. – Этот куда лучше остальных. Он не мог оторвать глаз от ее волос. Проведя всю жизнь в Брюхе, среди Инженеров, он никогда не видел женщину с такими длинными, сверкающими, полными жизни волосами. Инженеры говорили, что волосы не нужны, они – рудимент жизни на земле, но, глядя на Кэтрин, он начал сомневаться...

– Ты написал, что нуждаешься в помощи... – Кэтрин взяла инициативу на себя.

– Да. – Бивис оглянулся, дабы убедиться, что они не привлекают к себе лишнего внимания. – Насчет твоих вопросов. Я не мог ответить тебе у чанов с экскрементами. В присутствии Ниммо. У меня и так хватает неприятностей из-за того, что я пытался помочь тому бедняге...

Его темные глаза наполнились слезами, чему Кэтрин не могла не удивиться: ей-то казалось, что в большинстве своем Инженеры – сухари, лишенные человеческих эмоций.

– Бивис, это не твоя вина. Так что ты можешь сказать о девушке? Ты ее видел?

Он кивнул, мыслями возвращаясь к тому дню, когда Лондон съел Солтхук.

– Я видел, как она пробежала мимо, ее преследовал подмастерье-историк. Он позвал на помощь, вот я и побежал за ними. Увидел, как девушка обернулась, когда добралась до желобов сброса. Странное у нее какое-то было лицо.

Кэтрин кивнула.

– Продолжай.

– Я слышал, как она что-то закричала ему. Слов я, конечно, не разобрал, из-за всего этого грохота Разборочной верфи. Но она точно упомянула твоего отца, мисс. Указала на себя и сказала что-то еще. Вроде бы она назвалась Эстер Шоу. А потом прыгнула.

– И утщила с собой беднягу Тома.

– Нет, мисс. Он остался стоять у желоба, с написанным на лице изумлением. Потом все затянуло дымом и паром, и я уже ничего не видел. Когда дым рассеялся, у желоба толкались полицейские, так что я ретировался. Видишь ли, я не имел права покидать свой пост, а потому никому не мог рассказать о том, что видел.

– Но ты рассказываешь мне.

Да, мисс. – Подмастерье покраснел.

Эстер Шоу? – Кэтрин рылась в памяти, но это имя ничего ей не говорило. Не понимала она и последовательности событий, которая расходилась с версией отца. Должно быть, Бивис что-то интуитивно решила она.

Он же нервно огляделся, потом понизил голос до шепота.

– Ты говорила серьезно, мисс, насчет своего отца? Он действительно может помочь заключенным?

– Поможет, когда я расскажу ему о том, что видела, – уверенно заявила Кэтрин. – Я уверена, что он ничего не знает. Но не надо злить меня мисс. Я – Кэтрин. Кейт.

– Хорошо, – кивнул Бивис. – Кейт. – Он улыбнулся, но в глазах тревога осталась. – Я верен Гильдии, – объяснил он. – Я всегда хотел стать Инженером. Но никак не ожидал, что меня припишут к экспериментальной тюрьме. Держать людей в клетках и заставлять их работать в Брюхе, а особенно в чанах с экскрементами... для этого надо быть не Инженером, а очень злым человеком, который терпеть не может себе подобных. Я делаю все, чтобы помочь им, но мало что могу, а надзиратели стремятся загонять их до смерти и в пластиковых мешках отправить в Отделение К, чтобы они не обрели покой и покинув этот мир.

– А что такое Отделение К? – спросила Кэтрин, вспомнив, как Ниммо шикнул на девушку-подмастерье, когда та упомянула об этом загадочном подразделении. – Это часть тюрьмы?

– О нет. Отделение К расположено на самом вершине. В Инженерии. Они занимаются какими-то исследованиями под руководством доктора Твикс.

– А для чего им нужны трупы? – нервно спросила Кэтрин, далеко не уверенная в том, что хочет это узнать.

Бивис Под побледнел.

– Это всего лишь слухи, мисс, но некоторые говорят, что она вновь создает Сталкеров, Воскрешенных людей.

– Великая Клио! – воскликнула Кэтрин.

О Сталкерах она кое-что знала. Ее отец раскопал не один ржавый скелет, которые потом отправились для изучения к Инженерам, но он говорил, что их интересуют только электронный мозг.

– Неужели они и в правду пытаются создать новых Сталкеров? Но зачем? Они же были солдатами, не так ли? Можно сказать, человеческими танками, построенными для каких-то давнишних войн.

– Это идеальные рабочие, мисс, – ответил Бивис. – Их не надо кормить, одевать, им не нужна крыша над головой. А если работы нет, их можно отключить и поставить на склад, где их легче хранить. Гильдия говорит, что в будущем все умершие на нижних палубах будут превращены в Сталкеров, и живые люди, за исключением надзирателей, нам не понадобятся.

– Но это же ужасно! – запротестовала Кэтрин. – Лондон превратится в город мертвых!

Бивис Под пожал плечами.

– В Нижнем Брюхе так оно и есть. Я лишь говорю тебе то, что слышал. Кроум хочет, чтобы Сталкеры строились, и доктор Твикс превращает в них мертвецов, которых мы ей поставляем.

– Я уверена, если люди узнают об этом чудовищном плене... – Кэтрин не договорила, потому что в голове мелькнула другая мысль. – Этот проект имеет кодовое название? Он называется МЕДУЗА?

– Что б я сдох! Откуда тебе известно о МЕДУЗЕ? – Бивис еще больше побледнел. – Никто не должен об этом знать!

– Почему? – спросила Кэтрин. – Что это такое? Если МЕДУЗА никак не связана со Сталкерами...

– Это большой секрет Гильдии, – прошептал Бивис. – Подмастерья не должны знать даже название. Но надзиратели говорят об этом в нашем присутствии. Если что-то идет не так, если у мегалополиса возникают проблемы, они говорят, что все образуется, как только мы разбудим МЕДУЗУ. Как на этой неделе, когда нас преследует этот жуткий конебейшн. Все в панике, думают, что Лондону пришел конец, а вот верхушка Гильдии, грандмастера, говорят друг другу: «МЕДУЗА решит все проблемы». Вот почему этим вечером в Инженериуме состоится большое заседание. Магнус Кроум собирается сделать важное заявление.

От мыслей об Инженериуме и таинственных исследованиях, которые велись за его черными окнами, по телу Кэтрин пробежала дрожь. Вот где она могла узнать, чем обусловлены свалившиеся на отца неприятности. МЕДУЗА. Наверняка они как-то связаны с МЕДУЗОЙ.

Она наклонилась в юноше, прошептала:

– Бивис, послушай, ты идешь на это заседание? Сможешь передать мне слова Кроума?

– О нет, мисс... то есть, Кейт. Нет! Туда приглашаются только мастера, члены Гильдии. Подмастерьям вход запрещен...

А разве ты не можешь сойти за мастера? – не отступала Кити. – Я чувствую, происходит что-то ужасное, и думаю, без МЕДУЗЫ тут не обошлось.

Мне очень жаль, мисс, – Бивис покачал головой. – Я не посмею. Не хочу, чтобы меня убили, отправили на Верхнюю палубу и превратили в Сталкера.

Тогда помоги мне попасть туда! – Кэтрин перегнулась через стани, взяла его за руку. При ее прикосновении он дернулся, вырвал руку, уставившись на свои пальцы, словно и представить себе не мог, что кому-то захочется дотронуться до них. Кэтрин взяла его за обе руки, заглянула в глаза.

Я должна знать, что задумал Кроум, – объяснила она. – Ради отца. Пожалуйста, Бивис, мне нужно попасть в Инженериум!

Глава 19. Кхазакское море

Несколькими часами позже, когда вечерний туман начал подниматься над Ржавыми болотами, Танбридж-Уилз выкатилась на берег моря. Застыла, нацелившись на цепочку островов, темнеющих на серебристой воде. Стаи птиц поднялись в воздух, и, когда платформа заглушила двигатели, шум их крыльев эхом полетел над болотами. Мелкие волны накатывали на берег, ветер с востока шелестел в камышах. Ни над болотами, ни на воде не слышалось рева двигателей, не виднелось ни дымового облака, ни проныка, свидетельствующих о приближении другого города.

Пэтсуорти! – крикнул Крайслер Пиви, стоявший с подозрительной трубой у окна рубки, на верхнем этаже мэрии. – Где этот парень? Передайте ему, что он мне нужен! – Когда двое пиратов привели Тома и Эстер, Пиви широко улыбнулся и протянул ему подозрительную трубу. – Взгляни, Томми! Я говорил, что привезу тебя сюда, не так ли? Говорил, что через болота мы прорвемся? А теперь посмотри, куда мы направляемся!

Том поднес трубу к глазу. Впереди лежали десятки маленьких островов и один большой, на востоке, напоминающий спину громадного доисторического чудовища, вылезавшего из воды.

Он опустил подозрительную трубу, по его телу пробежала дрожь.

– Но там ничего нет...

Танбридж-Уилз потребовалось больше недели, чтобы форсировать болота, а Крайслер Пиви, пусть и буквально сдувал с Тома пылинки, не объяснял, куда они направляются и что намерены найти на другой стороне. Не отличались разговорчивостью и другие пираты, довольствуясь тем, что захватывали маленькие городки, нашедшие убежище в Ржавых болотах, полуподвижные сооружения с обросшими мхом колесами и великолепной резьбой деревянных палуб. Они были очень маленькие, есть их особого смысла не имело, но Танбридж-Уилз все равно пожирал, убивал или заковывал в кандалы жителей, а дерево, с резьбой и без, отп-

равлял в топки. Для Тома это были кошмарные дни. С детских лет его учили, что Муниципальный дарвинизм – великолепная, прекрасная система, но он не видел ничего великолепного и прекрасного в Танбридж-Уилз.

Он по-прежнему оставался почетным гостем и жил в мэрии, как и Эстер, хотя Пиви никак не мог понять, что он находит в этой изуродованной, вечно сумрачной, молчаливой девушке.

– Почему бы тебе не пригласить на прогулку мою Кортину? – как-то вечером спросил он Тома, когда они сидели в бывшем зале заседаний городского совета, который теперь служил столовой. – Или не заняться одной из девиц, которых мы захватили на медни? Выглядят они недурственно.

– Эстер – не моя девушка! – уже начал говорить Том, но ему не хотелось гулять с дочерью мэра. Он знал, что Пиви никогда не понять, что у него на душе: он влюбился в образ Кэтрин Валентин, лицо которой постоянно стояло перед его мысленным взором, пусть теперь их и разделяли сотни, а то и тысячи миль.

– Эстер и я многое пережили вместе, мистер Пиви. Я обещал, что помогу ей добраться до Лондона.

– Но это было раньше, – гнул свое мэр. – А теперь ты на Танбридж-Уилз. Останешься здесь, со мной, как сын, которого у меня никогда не было, и я думаю, что мои парни легче с этим смирятся, если у тебя будет более симпатичная девушка, больше похожая на леди.

Том оглядел сидевших за столами пиратов. Многие мрачно смотрели на него, поигрывая ножами. Он знал, что за своего они никогда его не примут. Потому что ненавидели и как мякотелого горожанина, и как любимчика Пиви. И за это он их, надо отметить, не винил.

Позднее, в маленькой комнатке, которую Том делил с Эстер, он прошептал ей на ухо:

– Нам надо отсюда сматываться. Пираты нас не любят, и им скоро надоест Пиви с его манерами и всем прочим. Я даже не хочу думать, что будет с нами, если начнется бунт.

– Давай подождем и посмотрим, что будет дальше, – ответила Эстер. – Пиви – парень крепкий, и он сможет удержать своих головорезов в руках, если найдет для них крупную дичь, как и обещал. Но только Куирку известно, что это за дичь.

– Завтра узнаем, – ответил Том, погружаясь в тревожный сон. – Завтра к этому времени болота останутся позади...

И действительно, сутки спустя болота остались позади. Едва навигатор Пиви разложил карты на столе в рубке, коридоры мэрии наполнил какой-то странный свист. Том прошелся взглядом по лицам «советников» Пиви, склонившихся над картой, но, похоже, никто, кроме Эстер, этого свиста не замечал. Она же вскинула на него глаза и пожала плечами.

Навигатора, тощего, очкастого, звали мистер Эймс. Он был школьным учителем, когда Пиви захватил платформу. Новая пи-

ритская жизнь ему очень даже нравилась: впечатлений больше, рабочий день меньше, да и головорезы Пиви вели себя куда лучше, чем большинство его прежних учеников.

– Кхазакское море служило охотничьими землями для сотен маленьких водоплавающих городов, – начал он, разгладив карту тоненькими ручками, – но они съели друг друга, так что с гор начали спускаться скваттеры, сторонники Лиги противников движения, и заселять острова, в том числе и этот...

Том пристально всмотрелся в карту. На акватории великого Кхазакского моря расположились десятки островов, но Эймс улавывал на самый большой, длиной в добрые двадцать миль. Том не мог представить себе, с чего этот остров мог представлять хоть какой-то интерес, да и на лицах большинства пиратов отразилось недоумение. Пиви, однако, довольно засмеялся и потер руки.

– Черный остров, – пояснил он. – Смотреть особо не на что, не так ли? Но именно он принесет нам богатство, парни. Завтра у Танбридж-Уилз будет достаточно денег, чтобы превратиться в настоящий мегополис.

Откуда? – спросил Манго, пират, который меньше всего доверял Пиви, зато ненавидел Тома больше других. – Там же ничего нет, Пиви. Несколько старых деревьев да ни на что не годные моховики.

Кто такие моховики? – шепотом спросил Том у Эстер.

Так он называет людей, живущих в неподвижных поселениях, – также шепотом ответила она. – Ты знаешь, как в древней пословице: «К катящемуся городу мох не пристает».

– Дело в том, дамы и господа, – продолжил Пиви, – что на Черном острове кое-что да есть. Несколько дней назад, аккурат перед тем, как ты прибыл к нам, Том, мы сбили воздушный корабль, который кружил над болотами. И пилоты, прежде чем мы их убили, рассказали мне много интересного. Как выяснилось, на Воздушной Гавани произошла какая-то заварушка, которая привела к пожару, поломке двигателей, утечке газа. Повреждения оказались столь серьезными, что Воздушную Гавань для ремонта пришлось сажать на землю. И где, по-вашему, ее посадили?

На Черном острове? – предположил Том, угадав ответ по самодовольной ухмылке Пиви.

Молодчина, Томми! На острове находится караван-сарай, где воздушные конвои направляются по пути из южных территорий Лиги. Там-то и приземлилась Воздушная Гавань. Они полагают себя в полной безопасности, окруженные со всех сторон морем и под защитой друзей-моховиков. Но Танбридж-Уилз достигнет их и там.

Пираты заметно оживились. Том повернулся к Эстер, но она смотрела на далекий остров, отделенный широкой полосой воды. С одной стороны, Том содрогнулся при мысли о том, что прекрасный город станет жертвой этих уродов, с другой – не мог не задаться вопросом: а как же Пиви намеревался до него добраться.

– По местам, дорогие мои! – воскликнул мэр-пират. – Запустить двигатели! Орудия к бою! К завтрашней заре мы станем богачами!

Пираты повиновались, а Том бросился к окну. Уже стемнело, лишь на западе горизонт чуть подсвечивался зашедшим солнцем. Но улицы Танбридж-Уилз заливал яркий свет фонарей, а по бокам платформы расправлялись огромные оранжевые крылья. Теперь стало понятно, что за свист слышали они все это время: пока Пиви говорил, насосы закачивали воздух в надувные понтоны.

– Поплыли! – прокричал мэр-пират, усевшись на стул.

Взревели двигатели, выбросив облако выхлопных газов, Танбридж-Уилз скатилась к кромке воды и поплыла.

Поначалу все шло хорошо: Танбридж-Уилз без помех продвигалась на восток, Черный остров, пусть медленно, но увеличивался в размерах. В рубке Том открыл маленькое окошко и стоял, вдыхая ночной соленый воздух. Его охватило волнение. Он видел, как на бывшей рыночной площади в передней части платформы собирались пираты, готовили крюки и абордажные лестницы, поскольку Воздушная Гавань в Челюсти никак не пролезала. Ее предстояло брать штурмом, а потом рвать на части. Идея ему не нравилась, поскольку многие из его друзей-пилотов могли остаться в летающем городе, но, в конце концов, он жил в мире, где город поедает город, и кровожадный план Пиви будил в нем охотничий азарт.

А потом что-то упало с неба и взорвалось на рыночной площади. В палубе появилась черная дыра, пираты, на которых он смотрел, исчезли. Зато прибежали другие, с ведрами воды и огнетушителями. Кто-то закричал: «Воздушный корабль! Воздушный корабль! Воздушный корабль!» Послышались новые взрывы, здания рушились по всей платформе, взрывной волной людей отрывало от палубы, выбрасывало за борт.

– Закопченный Пит! – проорал Пиви, подбегая к разбитому окну рубки и глядя на застилающий улицы дым. Его обезьянка перебежала с одного плеча на другое, что-то возбужденно лопоча. – Эти моховики организованы лучше, чем я думал. Проектора, быстро!

Два световых пальца поднялись над платформой, обегая подернутое дымом небо. Там, где они встретились, Том на мгновение увидел поднимающуюся ярко-красную точку. Орудия платформы задрали стволы вверх и открыли огонь, но поразили только облака.

– Промახнулись! – прошипел Пиви, глядя в подозрную трубу. – Проклятье, мне следовало догадаться, что Воздушная Гавань вышлет корабли-разведчики. И если я не ошибаюсь, к нам пожаловала эта ведьма Фанг на своей ржавой посудине.

– «Дженни Ганивер»! – ахнул Том.

– Чего это ты так обрадовался? – прорычал Пиви. – От нее ничего хорошего не жди. Или ты не слышал о Цветке ветра?

Том не рассказывал мэру-пирату о своих приключениях на борту Воздушной Гавани. И попытался скрыть радость, которую испытывал, узнав, что мисс Фанг жива.

– Слышал, конечно. Она – воздушный торговец...

– Да? – Пиви плюнул на пол. – Ты думаешь, все торговые корабли имеют такое мощное вооружение? Она – одна из лучших агентов Лиги противников движения. Не останавливается ни перед чем, лишь бы досадить нам, бедным движущимся городам. Это она подложила бомбу, утопившую Марсель. Это она задушила бедную султаншу Палау Пинанга. На ее руках кровь тысяч убитых горожан! Однако мы ей еще покажем, не так ли Томми? Я изложу ее на гуляш! А кости брошу собакам! Манго! Пого! Мэггз! Двойная доля добычи тому, что сшибет красный воздушный корабль!

Но никому не удалось попасть в красный воздушный корабль. Он давно уже вышел за пределы досягаемости орудий Танбридж-Уилз и теперь направлялся к Черному острову, чтобы предупредить Воздушную Гавань о приближающейся опасности. Но Том, пожалуй, не стал бы горевать, если бы обьятая огнем «Дженни Ганивер» упала в море. Теперь он знал, почему мисс Фанг спасла его, почему так тепло приняла. Ей требовалась информация для Лиги! И ее друг, капитан Хора, ей подыгрывал, говоря о том, что она прониклась к нему, Тому, симпатией. Слава Куирку, он ничего не мог ей рассказать.

На Танбридж-Уилз полыхали пожары, но ракеты «Дженни Ганивер» не могли нанести серьезного ущерба такой большой платформе, а теперь, с потерей эффекта внезапности, мисс Фанг не решилась бы на вторую атаку. Так что платформа продолжала продвижение на восток, гоня перед собой освещенную пламенем волну. Том видел огни, вспыхнувшие на Черном острове, фонари на берегу. Ближе, между островом и платформой, загорелись другие огни.

Баркасы! – прокричал Манго, прильнув к прицелу.

Пиви вновь подошел к окну, поднявшийся ветер раздувал его просторные одежды.

Рыболовный флот! – удовлетворенно буркнул он. – Начнем от них, как с аперитива. Потом перейдем к закускам.

Баркасы рванули к берегу, надеясь найти там убежище, но один, размерами побольше, медлительный, поплыл по ветру.

– Мы его достанем, – проревел Пиви, и Мэггз передала его приказ по системе громкой связи.

Крутые обрывы Черного острова заполнили небо, отсекая звезды на восточном горизонте. «А если на высотах орудия?» – подумал Том. Но если они и были, то стрелять по платформе не стали. Впереди он видел силуэт баркаса, чуть дальше – белую посылку прибора.

А потом впереди, совсем рядом, возникли новые буруны и Эстер закричала: «Пиви! Это ловушка!»

Буруны увидели все, но было поздно. Баркас, с его высокой посадкой, проскочил рифы, тогда как Танбридж-Уилз на полной скорости напоролась на них, и острые скалы взрезали днище. Платформа дернулась и застыла, сбив Тома с ног. Двигатели заглохли, и наступившую ужасающую тишину вдруг разорвал натужный вой клаксона, напоминающий рев испуганного быка.

Том на четвереньках добрался до окна. Внизу увидел темные улицы, по которым неслись потоки воды. Белые гейзеры пара вырывались из люков. Между них металась люда. Неподалеку на легкой волне покачивался баркас, любясь своей работой. Сотня ярдов отделяла обреченную платформу от крутого берега.

Рука ухватила его за плечо, потащила к двери.

– Ты идешь со мной, Томми, – прорычал Крайслер Пиви, схватив огромное ружье со стойки у стены и повесив на плечо. – Ты тоже, Эймс, Манго, Мэггз, вы идете со мной...

Пираты образовали защитный кордон вокруг своего мэра, который гнал перед собой Тома. Эстер пристроилась сзади.

Снизу раздавались крики. Вода добралась уже до третьего этажа.

– Покинуть город! – проревел Пиви. – Женщины и мэры выходят первыми!

По пути они завернули в личные апартаменты мэра, где его старшая дочь прижимала к себе испуганных братьев и сестер. Не обращая на детей ни малейшего внимания, Пиви прошествовал в угол к сейфу. Набрал на замке нужную комбинацию цифр. Когда дверца открылась, взял оранжевый узел, и они вышли на балкон, где море уже переплескивало через ограждение. Том хотел вернуться в комнату, чтобы помочь Кортине и младшим детям, но Пиви и думать о них забыл. Бросил оранжевый узел в воду, и тот развернулся в круглый спасательный плот.

– За борт, – рявкнул он, ухватив Тома и подталкивая к ограждению.

– Но...

– За борт! – Крепкий пинок перебросил его через ограждение на податливый резиновый пол плота. Манго последовал за ним, потом остальные, да так быстро, что плот едва не перевернулся.

– Ой! Ой! Ой! – донесся откуда-то слева голос Кортини, но, когда Том выбрался из-под мистера Эймса, платформа находилась уже далеко, корма погружалась в воду, а нос задирался к небу. Он поискал Эстер и увидел, что она, сжавшись в комок, сидит рядом. Мартышка Пиви верещала от страха, прыгая на его голове.

– Ой! Ой! Ой!

Крики доносились со всех сторон. Люди прыгали с палубы на уже бесполезные понтоны, падали в воду. Руки со всех сторон хватывались за плот, Пиви и Манго их отдирали, а Дженни Мэггз

палила из автомата, окрашивая воду вокруг плота в красный цвет. Платформа встала перевернувшись, послышалось громкое шипение. Вода проникла в топки, что-то громынуло, и Танбридж-Уилз на удивление быстро исчезла под водой. Вода кипела и кружилась в водоворотах. Какое-то время слышались крики, просьбы о помощи, прогремело несколько выстрелов: менялись хозяева обломков. Началась и закончилась более интенсивная перестрелка – несколько пиратов, добравшихся до берега, прорывались в глубь острова.

Потом наступила тишина. Плот описывал медленные круги. Течением его тянуло к берегу.

Глава 20. Черный остров

На заре Шрайк выходит на берег моря. Поднимается прилив и разглаживает глубокие колеи, уходящие в воду. На востоке дым поднимается над поселениями на Черном острове. Мертвое лицо Шрайка искажается в улыбке. Он очень доволен тем, что за Эстер Шоу тянется след разрушенных домов и уничтоженных людей.

Только мысли об Эстер заставили его пересечь болота. Только в ней думал он, волоча поврежденную ногу, с головой погружаясь в вонючую воду. Но, с другой стороны, ему не пришлось ее искать: платформа оставляла за собой заметную колею. Вот и теперь он следует за ней, входя в воду, как пловец, решивший поплавать ранним утром. Соленая вода бьется о линзы его глаз, просачивается сквозь дыры в броне. Крики чаек затихают, уступая место едва слышному гудению подводного мира. Воздух ли, вода – Воскрешенному человеку без разницы. Рыбы таращатся на него и уплывают прочь в заросли водорослей. Крабы уходят с его пути, пятясь и махая ему клешнями, словно поклоняясь крабьему богу, бронированному, неустрашимому. Он идет, следуя запахам масла и колесной смазки, которые приведут его к Танбридж-Уилз.

В нескольких милях от того места, где они вышли на берег, Крайслер Пиви останавливается на вершине крутого подъема и ждет, пока остальные догонят его. Подходят они медленно, сначала Том и Эстер, потом Эймс с картой, наконец, Мэггз и Манго, согнувшиеся под тяжестью оружия. Оглянувшись, они видят высокие обрывы острова, флотилию лодок и баркасов на том месте, где ушла под воду Танбридж-Уилз. Островитяне уже подогнали баржу с краном, стремясь как можно быстрее снять все ценное с затонувшей платформы.

– Паршивые моховики, – прорычал Пиви.

После того, как они ступили на берег, Том не перекинулся с мэром и словом. И теперь он с удивлением увидел, что на лице маленького человечка блестели слезы.

– Я очень сожалею, что не удалось спасти твою семью, мистер Пиви. Я пытался им помочь, но...

– Маленькие засранцы! – фыркнул Пиви. – Я плачу не о них. О моей прекрасной платформе! Ты только посмотри! Эти паршивые моховики...

И тут откуда-то с юга донеслась оружейная стрельба.

Пиви просиял. Повернулся к остальным.

– Слышите? Кто-то из парней добрался до берега! Против них моховикам не устоять! Мы соединимся с ними! И еще сможем захватить Воздушную Гавань. Несколько человек оставим в живых, чтобы они ее отремонтировали, остальных убьем и улетим на материк богачами. Свалимся на несколько жирных городов, прежде чем станет известно, что Воздушная Гавань стала пиратской. Может, даже захватим мегаполис!

Он двинулся дальше, перепрыгивая с валуна на валун, с сидящей на вилке обезьянкой. Остальные последовали за ним. Мэггз и Манго еще не пришли в себя после потери Танбридж-Уилз и, похоже, не очень верили в реальность последнего плана Пиви. Они переглядывались, перешептывались, если мэр не мог их услышать, но они все находились в незнакомой стране, на чужой территории, и Том сомневался, что в такой ситуации они посмеют взбунтоваться. Что же касается мистера Эймса, так никогда раньше он не ступал на голую землю.

– Это ужасно! – бурчал он. – Так трудно ходить... Вся эта трава! Тут могут быть дикие животные, змеи... Теперь я понимаю, почему наши предки приняли решение больше не жить на земле!

Том точно знал, какие чувства испытывает бывший учитель. На севере и на юге от них земля достаточно круто поднималась, перед ними возвышался громадный утес, в расщелинах которого завывал ветер. Эрозия так причудливо выела скалы, что создавалось впечатление, будто на вершине утеса расположены башни неприступного замка. Пиви повел свой отряд в обход, прежде чем они поняли, что, кроме камней, на утесе ничего нет.

– До чего красиво, – вздохнула Эстер, хромая рядом с Томом. Она улыбалась, погруженная в свои мысли, чего раньше за ней не замечалось, и даже насвистывала какую-то веселенькую мелодию.

– А чему ты радуешься? – полюбопытствовал он.

– Мы же идем к Воздушной Гавани, не так ли? – шепотом ответила она. – Она находится на острове, банде Пиви ее никогда не захватить, если моховики и жители Воздушной Гавани выступят против них. Пиратов убьют, а мы найдем корабль, который доставит нас в Лондон. Не забудь, что здесь Анна Фанг. Она опять сможет нам помочь.

– Она! – сердито воскликнул Том. – Разве ты не слышала, что сказал Пиви? Она – шпионка Лиги.

– Я так и думала, – призналась Эстер. – Иначе она не задавала бы столько вопросов о Лондоне и Валентине.

– Тебе следовало мне сказать! – возмутился Том. – Я мог открыть ей важный секрет!

– А что мне до этого? – удивилась Эстер. – И с каких это пор подмастерьям-историкам доверяют важные секреты? И потом, я думала, ты сообразил, что она – шпионка.

– Она не похожа на шпионку.

– Они все не похожи. Или ты полагаешь, что они носят объявление-сэндвич с надписью «шпион» на груди и спине или специальную шпионскую шляпу? – Она пребывала в несвойственном ей игривом настроении, и Том подумал, что знает причину: Черный остров напоминал Эстер тот, на котором она выросла. Внезапно она коснулась его руки. – Бедный Том! Ты узнаешь то, чему Валентин научил меня много лет назад. Никому нельзя доверять.

– Ха! – вырвалось у Тома.

– Нет, ты тут не причем, – торопливо добавила она. – Я думаю, тебе доверять можно, почти в этом уверена. После того, что ты сделал для меня на Танбридж-Уилз... заставил Пиви выпустить из клетки... Многие люди даже пальцем бы не пошевелили. Тем более ради такой, как я.

Том посмотрел на нее и яснее прежнего увидел добрую, застенчивую Эстер, выглянувшую из-под суровой маски. Улыбнулся ей с такой теплотой, что она покраснела (во всяком случае половинки лица по обе стороны шрама покраснели, а сам шрам стал багровым). Вот тут Пиви оглянулся на них и заорал:

– Прибавьте шагу, голубки! Хватит любезничать, быстро за мной!

Во второй половине дня небо очищается от облаков, и солнечный свет, пробивая толщу прозрачной воды, освещает верхнюю палубу Танбридж-Уилз. Шрайк движется по улицам платформы, поворачивая голову в разные стороны. По залитым водой помещениям плавают тела, словно пакетики с чаем, надолго оставленные в заварочном чайнике. Маленькая рыбка заскакивает в раскрытый рот пирата и тут же выплывает наружу. Вода шевелит волосы девушки. Над головой видны днища баркасов. Он ждет, затаившись в тених, пока трое нырнувших с одного из баркасов мальчишек проплываюот мимо него, энергично работая руками и ногами, оставляя за собой дорожку серебристых воздушных пузырьков. Они возвращаются на поверхность с ружьями, бутылками, кожаным поясом.

Эстер здесь нет. С затонувшей платформы Шрайк спускается на дно. Там полно обломков, а плавающие над головой тела направляют его к Черному острову.

Уже вечером он выходит из прибора, увитый водорослями, вода вытекает через дыры в его броне. Он трясет головой, чтобы прочистить глаз, и оглядывает черный песок под отвесным обрывом. Еще час уходит у него на поиски спасательного плота, спрятанного меж огромных валунов. Он выпускает металлические ког-

ти и рвет дно плота, отрезая ей путь в море. Эстер снова его. Когда она умрет, он возьмет ее на руки и двинется в обратный путь, через залитые солнцем глубины и лес водорослей, через болота и долгие просторы Охотничьих земель, к Кроуму. Принесет в Лондон, словно отец – спящего ребенка.

Шрайк опускается на четвереньки и начинает принюхиваться, ловя ее запах.

К закату они наконец-то вышли на гребень и выяснилось, что перед ними центральная часть острова.

До этого момента Том не понимал, что Черный остров – потухший вулкан, теперь же в этом не осталось ни малейших сомнений. Крутые черные скалы окружали практически круглую котловину, в которой леса перемежались полями. Прямо под ними, на берегу синего озера, находилось небольшое неподвижное поселение. Рядом с каменными зданиями расположились ангары для воздушных кораблей и причальные мачты, а чуть дальше, на ровной участке, подавляя своими размерами поселение, опиралась о землю доброй сотней посадочных стоек Воздушная Гавань, выглядевшая такой же беспомощной, как птица с перебитыми крыльями.

– Караван-сарай! – Пиви хохотнул, вытащил подзорную трубу, поднес к глазу. – Посмотрите, что они делают. Накачивают баллоны, чтобы подняться в небо. – Он быстро оглядел прилегающие склоны. – Наших парней нигде не видно. Если б у нас осталась хоть одна пушка! Но мы и так справимся, правда, парни? Этим пилотам перед нами не устоять! Пошли, подберемся поближе...

В голосе мэра слышались какие-то новые нотки. «Он боится, – вдруг дошло до Тома. – Но не может этого признать, потому что Манго, Мэггз и Эймс тут же перестанут ему подчиняться». Он и представить себе не мог, что будет испытывать жалость к мэру-пирату, но такое случилось. Пиви отнесся к нему по-доброму, пусть и преследовал свои цели, а вот теперь являл собой жалкое зрелище, спускаясь по мокрому склону и не зная, будет ли выполнен его следующий приказ.

Однако пираты последовали за ним в котловину, образовавшуюся на месте кратера вулкана. Однажды они увидели всадников: патруль островитян выискивал пиратов, спасшихся с затонувшей платформы. Один раз над их головами пролетел воздушный корабль, и Пиви приказал всем улечься на землю и замереть. Обезьянку укрыл мантией, чтобы заглушить ее громкие возражения. Воздушный корабль прошел по кругу, но солнце к тому времени зашло и в густых сумерках пилот не смог разглядеть фигуры людей, прячущихся от него, как мыши – от филина. Корабль приземлился у караван-сарая, а вскоре над восточными отрогами взошла полная луна.

Том облегченно выдохнул и встал. Его примеру последовали и остальные, недовольно ворча. Вниз полетели мелкие камушки, сдвинутые неловкими движениями. Том видел, как между домов

караван-сарая бегают люди с фонарями, а освещенные окна навевали мысли о том, до чего же хорошо сейчас в теплом и безопасном доме. Воздушную Гавань заливал яркий электрический свет, ветер доносил чей-то командный голос, отдающий приказы, музыку, смех.

– Во имя Пита! – прошипел Манго. – Мы опоздали! Воздушная Гавань улетает!

– Никогда, – возразил Пиви.

Но они все видели, что баллоны Воздушной Гавани практически заполнены. Еще через несколько минут до них донесся рев двигателей. Летающий город завис над землей, посадочные стойки сложились, утопи в гнездах.

– Нет! – закричал Пиви.

И побежал вниз по склону, падая, хватаясь за кусты, поднимаясь, спеша к плоскому дну кратера. До них доносились его крики:

– Вернись! Ты же моя добыча! Из-за тебя я утопил свой город!

Манго, Мэггз и Эймс двинулись за ним, Эстер и Том замкнули колонну. У подножия склона земля начала подаваться под ногами, появились бочажки воды, поблескивающие в лунном свете и огнях поселения.

– Вернись! – кричал Пиви, которого они никак не могли догнать. – Вернись! – А потом: – Ай! Ой! На помощь!

Они поспешили на голос бывшего мэра и дикие вопли мартышки и остановились на краю трясины. Пиви уже засосало по талию. Обезьянка сидела на его макушке, как моряк на тонущем корабле, лыбясь от страха.

– Протяните мне руку, парни! – молил мэр. – Помогите мне! Мы еще сможем захватить Воздушную Гавань. Она только проверяет работу двигателей! Она сейчас сядет!

Пираты молча смотрели на него. Они знали, что у них нет ни единого шанса захватить летающий город, а его крики, скорее всего, выдали островитянам их местонахождение.

– Мы должны ему помочь! – прошептал Том, двинулся к мэру, но Эстер удержала его.

– Слишком поздно.

Пиви засасывало все глубже, мэрская цепь тянула его вниз. Он выплюнул изо рта черную жижу.

– Да помогите же мне! Мэггз! Манго! Я же ваш мэр! Я старался для вас! – Безумным взглядом он нашел Тома. – Скажи им, Томми! Скажи им, что я хотел превратить Танбридж-Уилз в мегаполис! Хотел стать уважаемым! Скажи им...

Первый выстрел Манго сшиб мартышку с макушки Пиви. Кровь, ошметки меха и плоти полетели во все стороны. Второй и третий пришлось в грудь. Голова Пиви упала, трясина засосала его. На поверхности лопнуло несколько воздушных пузырей.

Пираты повернулись к Тому.

– Если б не ты, нас бы тут, скорее всего, не было, – пробурчал Манго.

– Если бы ты не вбивал в голову Чифа все эти идеи о хороших манерах и мегаполисах, – согласилась Мэггз.

– Разные вилки для каждого блюда, не разговаривать с набитым ртом! – фыркнул Эймс.

Том попытался. К его изумлению, Эстер заступила между ним и пиратами.

– В этом вина Тома нет!

– От тебя нам тоже никакого прока, – рыкнул Манго. – От вас обоих. Мы – пираты. Нам не нужны уроки этикета и девки-уродины. – Он поднял ружье.

Мэггз последовала его примеру. Даже мистер Эймс вытащил маленький револьвер.

И тут из темноты донесся скрипучий голос: «Они мои».

Глава 21. В Инженериуме

Лондон забирался на высокое плато, где изрезанную колеями городов землю припорошило тонким слоем снега. В сотне миль позади катил Панзерштадт-Байрут, уже не далекое пятно на горизонте, но гигантская темная гора гусениц и палуб, со сверкающей позолотой верхней палубой, отчетливо видной над дымом заводов и двигателей. Лондонцы собирались на кормовых смотровых площадках и в молчании наблюдали, как конебейшн медленно, но верно сокращает разделяющее их расстояние. Во второй половине дня мэр объявил, что для паники нет оснований и Гильдия инженеров обеспечит безопасность мегаполиса, но на нижних палубах уже начались бунты и грабежи магазинов, так что для наведения порядка вниз отправили несколько взводов бифитеров.

– Старик Кроум не знает, о чем говорит, – ворчал один из мужчин, работавших в тот вечер на лифтовой станции «Куирк-Серкус». – Никогда не думал, что произнесу эти слова, но он – дурак. Затащить бедный Лондон так далеко на восток, гнать и гнать его день за днем, неделю за неделей только для того, чтобы этот большущий конебейшн положил на него глаз. Как жаль, что здесь нет Валентина. Он бы знал, что нужно предпринять.

– Угомонись, Берт, – прошептал его напарник. – Опять они идут.

Оба мужчины вежливо поклонились двум Инженерам, подошедшим к турникетам, молодым мужчине и женщине в одинаковых больших зеленых очках и белых резиновых плащах с накинутым на голову капюшоном. Девушка показала золотой пропуск. Когда она и ее спутник вошли в ожидающую кабину лифта, Берт повернулся к напарнику.

– Должно быть, в Инженериуме очень важное собрание. Они вылезают из Нижнего Брюха, как полчища белых червей. Интересно, с чего это в такой момент они решили провести общее собрание Гильдии?

В кабине лифта Кэтрин села рядом с Бивисом Подом, чувствуя себя не в своей тарелке и вспотев в белом резиновом плаще, который он ей принес. Посмотрела на него, потом на свое отражение в стекле, чтобы убедиться, что красные колеса, которые они аккуратно нарисовали на лбу друг друга, не размазались. Она думала, что в капюшонах и очках они будут выглядеть белыми воронами, но Бивис заверил ее, что в эти дни так ходят многие Инженеры, и действительно, еще один пассажир лифта, толстый Навигатор, даже не посмотрел на них, пока кабина поднималась на Верхнюю палубу.

Кэтрин провела весь день в ожидании Бивиса, который пообещал принести ей одежду Инженера. В книгах и бумагах отца она не нашла упоминания об Эстер Шоу, зато в «Полном каталоге экспонатов Лондонского музея» имелась короткая ссылка на Пандору Шоу, кладоискательницу, жившую на Открытой территории, которая поставила Гильдии историков несколько окаменелостей и артефактов олд-тек. Указывалась и дата ее смерти: семь лет назад. Потом Кэтрин переключилась на «МЕДУЗУ» и выяснила, что так называлось чудовище в одной старинной истории. Она прекрасно понимала, что ни Магнуса Кроума, ни его Инженеров мифические чудовища заинтересовать не могли.

Никто не посмотрел на нее и Бивиса и когда они шагали по Верхней палубе к главному входу в Инженериум. Многие десятки Инженеров поднимались по ступеням. Кэтрин присоединилась к ним, зажав в руке золотой пропуск и держа поближе к подмастерью, в ужасе от мысли, что может потерять его в толпе одинаковых белых плащей. «Ничего у нас не выйдет!» – мысль эта не выходила из головы, но член Гильдии, дежуривший у входа, даже не смотрел на пропуска. Она бросила последний взгляд на закат, тающий за куполом собора святого Павла, и вошла в Инженериум.

Здание оказалось больше, чем она ожидала, и с более ярким освещением. В центре холла сияли сотни сферических аргоновых ламп, подвешенных на проводах разной длины. Кэтрин искала взглядом лестницу, но Бивис уже дергал ее за рукав и тянул за собой.

– Мы поднимаемся по монорельсу. Смотри...

Инженеры усаживались в маленькие вагоны монорельсовой дороги. Кэтрин и Бивис встали в очередь, слушая обрывки разговоров и шуршание резиновых плащей. В широко раскрытых глазах Бивиса, спрятавшихся за очками, стоял испуг. Кэтрин надеялась, что в вагончике монорельсовой дороги они будут вдвоем и смогут поговорить. Но подошли новые Инженеры, и ей нашлось место лишь напротив него, между двумя Инженерами из отделения исследований магнитных явлений.

– Из какого ты отделения, мастер? – спросил мужчина, сидевший по правую руку.

– Э... – Кэтрин испуганно взглянула на Бивиса, но тот сидел слишком далеко, чтобы шепотом подсказать ответ. И выпалила первое, что пришло в голову: – Отделение К.

– Ага, работаешь, значит, у старушки Твикси, – покивал мужчина. – Я слышал, с новыми моделями она добилась потрясающих результатов.

– Да, да, потрясающих, – заверила она мужчину, но тут вагончик двинулся по монорельсу, и ее сосед повернулся к окну, завороженный открывающимся видом.

Кэтрин полагала, что подъем по монорельсу ничем не отличается от подъема на лифте, но значительно большая скорость и движение по спирали привели к тому, что ей пришлось бороться с подступившей тошнотой. А вот другие Инженеры никаких неудобств не испытывали.

– Как вы думаете, о чем будет говорить лорд-мэр? – спросил один.

– Должно быть, о МЕДУЗЕ, – ответил другой. – Я слышал, они готовятся к испытанию.

– Будем надеяться, что оно пройдет успешно, – заметила женщина, которая сидела напротив Кэтрин. – Эту машину нашел Валентин, а он, сами знаете, всего лишь Историк. Им доверять нельзя.

– О, Валентин – человек лорд-мэра, – возразил кто-то еще. – И пусть символ Гильдии историков на лбу не вводит тебя в заблуждение. Он верен, как собака, пока мы даем ему достаточно денег и он может притворяться, что его дочь-иностранка – леди Высокого Лондона.

Спиральный подъем продолжался мимо кабинетов и лабораторий, забитых Инженерами, отчего здание очень напоминало собой пчелиный улей. Вагончик остановился на пятом уровне, Кэтрин вышла вместе с остальными, красная от злости. Вновь пристроилась к Бивису, и они все двинулись по холодным, белым коридорам. Скоро до нее донесся гул голосов, и пара поворотов привела их в огромную аудиторию. Бивис выбрал места неподалеку от одного из входов. Она огляделась, чтобы увидеть, нет ли поблизости надзирателя Ниммо, но, конечно же, не смогла засечь его в море белых плащей и лысых или прикрытых капюшонами голов. А тем временем все новые и новые Инженеры входили в аудиторию.

– Посмотри! – прошептал Бивис, двинув ее локтем. – Вон доктор Твикс, я тебе о ней рассказывал. – Он указал на приземистую бочкообразную женщину, которая усаживалась в первом ряду, о чем-то весело болтая с соседями. – Здесь чуть ли не все гранд-мастера! Твикс, Чабб, Гарстанг.. а вон доктор Вамбрейс, глава службы безопасности.

Кэтрин охватил страх. Если б ее разоблачили у двери, такое поведение могло сойти за простое любопытство, но теперь она проникла в святая святых Инженериума, где собрался весь цвет

Гильдии, то есть ожидалось действительно важное сообщение. Она, конечно, убеждала себя, что ей, дочери Таддеуса Валентина, Инженеры не причинят вреда, даже если узнают, кто она такая. И старалась не думать о том, что они могут сделать с Бивисом.

Наконец двери закрылись, свет потускнел. На мгновение в аудитории воцарилась тишина, а потом все пятьсот Инженеров в едином порыве вскочили.

Кэтрин и Бивис не отстали от остальных, через плечи стоящих впереди заглядывая на сцену. Магнус Кроум стоял на металлической кафедре, взгляд его холодных глаз обегал собравшихся. На долю секунды задержался на Кэтрин, и ей пришлось напомнить себе, что в белом плаще с капюшоном на голове и больших очках, да еще с такого расстояния, узнать ее нет никакой возможности.

– Можете сесть, – начал Кроум и держал паузу, пока присутствующие не заняли свои места. – Сегодня для Гильдии знаменательный день, друзья мои.

Аудитория возбужденно загудела, но Кроум поднял руку, призывая к тишине.

На потолке включился проектор, и на экране над головой Кроума появился первый слайд: схема огромной сложной машины.

– МЕДУЗА, – объявил Кроум, и Инженеры выдохнули в унисон: «МЕДУЗА!»

– Некоторые из вас уже знают, – продолжил Кроум, – что МЕДУЗА – экспериментальная боевая установка времен Шестидесятиминутной войны. Мы знаем об этом достаточно давно, собственно, с тех пор, как Валентин привез эти документы из путешествия в Америку, двадцать лет назад.

На экране появлялись все новые чертежи, какие-то надписи. «Отец мне этого не говорил», – подумала Кэтрин.

– Конечно, эти разрозненные чертежи и описания не позволяли нам реконструировать МЕДУЗУ, – говорил Кроум. – Но семь лет назад, опять же благодаря Валентину, мы заполучили удивительный артефакт олд-тек, добытый на давно заброшенной военной базе, затерявшейся в Американской пустыне. Возможно, это наиболее сохранившийся компьютерный мозг Древних. Более того, это компьютерный мозг МЕДУЗЫ, искуственный разум, который когда-то управлял этой боевой установкой. Благодаря упорной работе доктора Сплея и его товарищей по Отделению Би, мы смогли восстановить МЕДУЗУ. Друзья, дни, когда Лондону приходилось бегать и прятаться от других голодных мегаполисов, канули в Лету! С помощью МЕДУЗЫ мы можем в мгновение ока превратить любой из них в горстку пепла!

Инженеры бурно зааплодировали, Бивис Под ткнул Кэтрин локтем, дабы она не отставала от остальных, но ее руки, казалось, намертво вцепились в металлические подлокотники кресла. Кэтрин сидела, как пораженная громом. Она помнила все, что слышала о Шестидесятиминутной войне, о том, как ужасные

орудия Древних превращали в руины их неподвижные мегаполисы и отравляли землю и воду. Отец никогда бы не стал помогать Инженерам восстанавливать эту чудовищную машину уничтожения.

– Не будем мы теперь и охотиться за такой мелочевкой, как Солтхук, – продолжал Кроум. – Через неделю Лондон достигнет Батманкх-Гомпы, Щита-Стены. Тысячу лет Лига противников движения трусливо пряталась за этой стеной, сдерживая ход истории. МЕДУЗА уничтожит Батманкх-Гомпу одним ударом. Территория за ней, с огромными неподвижными городами, полями и лесами, с лежащими под землей полезными ископаемыми, станет новыми охотничьими землями Лондона!

Голос Кроума теперь едва прорывался через радостные крики Инженеров, которые, как волны, накатывали на стену за его спиной. И она медленно разошлась, открыв длинное окно, выходящее на кафедральный собор святого Павла и башенки Холла Гильдий.

– Но сначала нам придется заняться другим, неотложным делом. Хотя я надеялся, что нам удастся сохранить в секрете наличие у нас МЕДУЗЫ до того момента, как мы достигнет Щита-Стены, возникла насущная необходимость продемонстрировать ее мощь. Пока я говорю, команда доктора Спеля продолжает подготовку к огневому испытанию нового оружия.

Даже если бы Кэтрин и хотела услышать что-то еще, ее лишили такой возможности. Сидящие в аудитории Инженеры начали оживленно обсуждать услышанное. Те из них, кто принимал непосредственное участие в разработке проекта, поспешили к выходам. Поднялась и Кэтрин, последовала за ними. Мгновение спустя очутилась в пустом коридоре, гадая, что же делать дальше.

– Кейт? – Бивис появился у нее за спиной. – Куда ты? Люди заметили, что ты ушла. Я видел, как несколько сотрудников службы безопасности наблюдали за нами...

– Мы должны выбраться отсюда, – прошептала Кэтрин. – Ты знаешь, куда идти?

– Нет, – признал юноша. – Я никогда не был на этом уровне. Полагаю, нам придется возвращаться к монорельсовой дороге... – Он отскочил от Кэтрин, когда та попыталась взять его за руку. – Нет! Кто-нибудь увидит. Инженеры не прикасаются друг к другу...

Они шли по цилиндрическим коридорам, когда Кэтрин прорвало:

– Кроум солгал! Мой отец не был в Америке семь лет назад. Он летал на острова Западного океана. И не говорил мне, что нашел что-то важное. Он бы сказал мне, если б раскопал МЕДУЗУ. Он не имеет никакого отношения к оружию Древних, он...

– Но с чего лорд-мэру лгать? – спросил Бивис, который в душе гордился тем, что Гильдия подобрала ключи еще к одному секрету Древних. – И потом он не говорил, что твой отец летал в Аме-

рику за этой штуковиной. Может, купил ее у какого-нибудь кладоискателя или у кого-то еще. Любопытно, что имел в виду Кроум, говоря об испытании...

Он остановился. Они дошли до конца коридора, но монорельсовой дороги не нашли. Из трех дверей две были заперты, а последняя вела на балкончик, высоко над Патерностер-сквер.

– Что теперь? – спросила Кэтрин. От страха голос ее стал выше на две октавы.

– Не знаю, – так же нервно ответил Бивис.

Кэтрин вышла на балкон, чтобы немного отдышаться. Луна чуть просвечивала через облака, накрапывал мелкий дождик. Она подняла очки, подставив под него лицо, радуясь, что вырвалась из жары и стерильной атмосферы Инженериума. Думала она об отце.

Неужели он действительно нашел МЕДУЗУ? Бивис, конечно, прав, с чего лорд-мэру врать? Бедный папа! Он сейчас далеко, где-то над снежными пиками Шан Гуо. Если бы только она могла сообщить ему о том, как они намереваются распорядиться его находкой!

Низкий механический гул прокатился над площадью. Она посмотрела на мокрые плиты, но не смогла найти источник гула. А потом что-то заставило ее перевести взгляд на собор святого Павла. Она ахнула.

– Бивис! Посмотри!

Медленно, как гигантский бутон, купол древнего собора раскрылся.

Глава 22. Шрайк

Том и Эстер так и не узнали – то ли Шрайк только что подошел, то ли давно стоял на каменистом склоне, наблюдая за стычкой. Он шагнул вперед. Под его ногой задымилась трава.

– Они мои!

Пираты развернулись. Мэггз открыла огонь из автомата, ручной гранатомет Манго пробивал дыры в броне железного человека, Эймс стрелял из револьвера. Под свинцовым дождем Шрайка качнуло, а потом он медленно, как бывает, если в лицо дует сильный ветер, двинулся вперед. Пули отскакивали от его брони, одежда рвалась в клочья, из дыр, пробитых гранатометом, что-то сочилось, возможно, кровь, может – масло. Он вытянул руки, выскочил один стальной коготь, потом другие. Шрайк добрался до Мэггз, в горле у нее что-то булькнуло, она повалилась на спину и застыла. Эймс бросил револьвер и попытался бежать, но Шрайк мгновенно достал его, и бывший учитель застыл, глядя на стальные когти, вылезшие из груди.

Манго выпустил все гранаты, отбросил уже бесполезный гранатомет, вытащил меч, но прежде чем успел взмахнуть им, Шрайк

схватил его за волосы, оттянул голову назад и одним рубящим ударом снес голову.

– Том, – выдохнула Эстер. – Беги!

Шрайк повернул голову, шагнул вперед, и Том побежал. Не хотел, знал, что бесполезно, понимал, что должен защищать Эстер, но его ноги придерживались иного мнения, все тело хотело оказаться как можно дальше от этого жуткого, железного мертвяка, который спускался по склону. Но тут же земля ушла у него из-под ног и он плюхнулся в мокрую грязь, покатился вниз и угодил бы в трясины, засосавшую Крайслера Пиви, если б не наткнулся на торчащий из земли валун.

Оглянулся. Сталкер стоял среди распростертых тел. Воздушная Гавань висела над кратером, проверяя двигатели, и ее огни отбрасывали холодные отсветы на металлический, посеребренный луной череп Шрайка.

Эстер осталась на прежнем месте, не отступив ни на шаг.

«Она пытается меня спасти, – подумал Том. – Выигрывает время, чтобы я смог убежать! Но я не могу стоять и смотреть, как он будет ее убивать, не могу!»

Игнорируя бесчисленные внутренние голоса, слившиеся в едином крике: «Беги!» – Том пополз вверх по склону.

– Эстер Шоу!.. – Шрайк тянул слова, язык у него словно заплетался. Пар шел из дыр в груди, из него сочилась черная жидкость, пузырилась в уголках рта.

– Ты собираешься меня убить? – спросила девушка.

Шрайк кивнул лишь единожды.

– На короткое время.

– Что ты хочешь этим сказать?

Длинный рот растянулся в улыбке.

– Мы с тобой одного поля ягоды, ты и я. Я понял это, как только нашел тебя в тот день, на берегу. После того, как ты покинула меня, одиночество...

– Я не могла не уйти, Шрайк, – прошептала она. – Я не была частью твоей коллекции.

– Ты стала мне дорога.

«Что-то с ним не так, – думал Том, продолжал ползти. – Сталкерам неведомы человеческие чувства». Он помнил, практически все Воскрешенные люди сошли с ума. На голове Шрайка висели водоросли. Неужто у него заржавели мозги? Искры сверкали в его груди, в дырах, пробитых гранатами...

– Эстер!.. – Шрайк тяжело повалился на колени, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с ее. – Кроум дал мне слово, его сотрудники узнали секрет моей конструкции.

От ужаса по спине Тома побежали мурашки.

– Я отнесу твое тело в Лондон, – говорил Шрайк девушке. – Кроум воскресит тебя как железную женщину, твою плоть заменит сталь, нервы – провода, мысли – электрические импульсы. Ты станешь красавицей! И моей подругой на веки вечные.

– Шрайк, – прошептала Эстер, – Кроум не захочет меня воскрешать.

– Почему нет? Никто не узнает тебя в новом теле. У тебя не останется ни воспоминаний, ни чувств, ты не будешь представлять для него угрозы. Но я буду все помнить, дочь моя. Мы вместе выследили Валентина.

Эстер рассмеялась диким, безумным смехом, от которого у Тома свело челюсти. Он уже добрался до тела Манго. Тот по-прежнему сжимал пальцами рукоятку меча. Том протянул руку, начал их разжимать. Посмотрев вверх, увидел, что Эстер шагнула к Сталкеру. Откинула голову, подставляя шею под удар.

– Хорошо. Но позволь Тому уйти.

– Он должен умереть, – настаивал Шрайк. – Это часть моей сделки с Кроумом. Ты не вспомнишь его, когда проснешься в новом теле.

– Пожалуйста, Шрайк, пощади его, – молила Эстер. – Скажи Кроуму, что он убежал или утонул, умер на Открытой территории, и ты не смог принести его в Лондон. Пожалуйста.

Том ухватил меч за еще влажную от пота Манго рукоятку. Теперь, в решающий момент, от страха он едва мог дышать, не говоря уж о том, чтобы подняться и вступить со Сталкером в бой. «Я не могу этого сделать! – думал он, – Я – историк, не воин!» Но не мог он и бросить Эстер, которая спасала его ценой собственной жизни. Он находился достаточно близко, чтобы увидеть страх в ее глазах, яркий блеск когтей Шрайка, когда тот протянул к ней руку.

– Очень хорошо... – Сталкер нежно погладил лицо Эстер кончиками когтей. – Пусть юноша живет. – Он занес руку для удара. Эстер закрыла глаза.

– Шрайк! – завопил Том и бросился в атаку, выставив перед собой меч, почувствовав, как зеленый свет ударил ему в глаза, когда Шрайк начал поворачиваться к нему. Железная рука двинулась навстречу, отбросила назад. Он почувствовал резкую боль в груди, какое-то мгновение пребывал в полной уверенности, что его разорвало пополам, но Сталкер ударил его предплечьем, а не кистью со стальными когтями-лезвиями, поэтому на землю он упал единым целым, а не двумя половинками, откатился в сторону, ахнув от боли, ожидая, что Шрайк сейчас прыгнет на него и отправит в Страну без солнца.

Но Шрайк лежал на земле, Эстер стояла, склонившись над ним, и Том увидел, как мигнул глаз Сталкера, внутри что-то взорвалось, и из груди вырвался клуб дыма. Рукоятка меча торчала из одной из брешей, пробитой гранатами Манго, и сверкала синими искрами.

– О, Шрайк! – прошептала Эстер.

Шрайк осторожно убрал когти, чтобы она могла взять его за руку. Неожиданные воспоминания всплыли в распадающемся мозгу, и внезапно ему открылось, кем был до того, как его поло-

жили на Камень воскресения, чтобы превратить в Сталкера. Он хотел что-то сказать Эстер, поднял большую железную голову, но прежде чем успел произнести хоть слово, смерть настигла его, и умирать второй раз было ничуть не легче, чем в первый.

Железный остов застыл, дым унес ветер. Внизу, на дне котловины, трубили трубы, и Том увидел, как отряд всадников поднимается к ним от караван-сарая, привлеченный грохотом выстрелов. Судя по копьям и факелам в их руках, не для того, чтобы оказать им дружеский прием. Попытался встать, но едва не потерял сознание от боли.

Эстер услышала его стон и повернулась к нему.

– Зачем ты это сделал? – прокричала она.

Даже пощечина удивила бы Тома не больше этих слов.

– Он же хотел тебя убить! – запротестовал он.

– Он хотел, чтобы я стала такой же, как он! – закричала Эстер, обнимая Шрайка. – Разве ты не слышал, что он сказал? Он собирался осчастливить меня: лишить воспоминаний, чувств. Представь себе, каким стало бы лицо Валентина, когда я подошла бы к нему! Ну почему ты всюду лезешь?

– Он бы превратил тебя в чудовище! – Том возвысил голос, боль и страх уступили место злости.

– Я уже чудовище! – выкрикнула она.

– Нет, ты не чудовище! – Тому удалось встать на колени. – Ты – моя подруга! – прокричал он.

– Я тебя ненавижу! Ненавижу! – визжала Эстер.

– А я тебя защищаю, нравится тебе это или нет! – орал Том. – Ты думаешь, что никто, кроме тебя, не терял отца и мать? Я тоже злой и одинокий, как и ты, но из-за этого не бросаюся на людей, чтобы убить их, не пытаюсь превратиться в Сталкера! Ты просто жестокая, постоянно жалуешься на судьбу...

Больше он ничего сказать не успел, потому что внезапно стало светло, как днем, и он ясно и отчетливо увидел городок на дне котловины, Воздушную Гавань, приближающихся всадников. Увидел, как померкли звезды, как лицо Эстер застыло в крике, как в уголках рта поблескивают капельки слюны. Увидел свою тень, пляшущую на залитой кровью траве.

Над утесами, окружающими котловину, ночное небо наполнилось неземным светом, словно новое солнце вспыхнуло над Открытой территорией где-то далеко на севере.

Глава 23. МЕДУЗА

Кэтрин, словно зачарованная, наблюдала, как лепестки бутона-купола собора святого Павла расходятся по черным швам и откидываются назад. Изнутри что-то медленно поднималось вдоль центральной башни, увеличиваясь на ходу, орхидея холодного, белого металла. Гул мощной гидравлики прокатывался по площади, вызывая вибрации в Инженериуме.

– МЕДУЗА! – прошептал Бивис Под, стоя за ее спиной на балкончике. – Они не реставрировали кафедральный собор! Они собирали МЕДУЗУ внутри собора святого Павла!

– Мастера?

Они обернулись. У двери стоял Инженер.

– Что вы здесь делаете? Выход на балкон разрешен только сотрудникам отделения Л...

Он замолчал, вытаращившись на Кэтрин, и она заметила, что Бивис тоже смотрит на нее, а его темные глаза округлились от ужаса. Лишь мгновение она не могла понять, в чем дело, а потом ее осенило. Дождь! Она забыла про символ Гильдии, нарисованный между бровей, вот теперь краска и потекла по лицу.

– Во имя Куирка, что все это значит? – ахнул Инженер.

– Кейт, беги! – крикнул Бивис, отталкивая Инженера в сторону, и Кэтрин побежала, услышав, как злобно вскрикнул свалившийся на пол Инженер. Затем Бивис оказался рядом, схватил ее за руку. Они неслись по пустым коридорам, поворачивая то направо, то налево, пока не наткнулись на лестницу. Спустились на один пролет, на другой, слыша позади громкие крики. Завыли сирены охранной сигнализации. Но лестница уже вывела их в маленький холл, у заднего фасада Инженериума. Большие стеклянные двери вели на Верхнюю палубу, но их охраняли два Инженера.

– В здании посторонний! – Бивис, тяжело дыша, указал на лестницу, по которой они спустились. – На третьем этаже! Я думаю, он вооружен!

Инженеров уже встревожил вой сирены. Они переглянулись, один двинулся к лестнице, доставая на ходу газовый пистолет.

Бивис и Кэтрин воспользовались представившимся шансом.

– Моя коллега ранена, – объяснил Бивис красные потеки на лице девушки. – Я веду ее в лазарет!

Двери распахнулись, выпустив их в желанную темноту.

Они бежали, пока не очутились в тени собора святого Павла. Там остановились. Кэтрин прислушалась. Натужно гудела техника, но еще сильнее отдавались в ушах удары собственного сердца. Мужской голос выкрикивал приказы, к ним приближались тяжелые шаги, гремела броня.

– Бифитеры! – прошептала Кэтрин. – Они захотят проверить наши документы! Они откинут мой капюшон! О, Бивис, не следовало мне просить тебя о помощи. Беги! Оставь меня!

Бивис посмотрел на нее, покачал головой. Он уже пошел на рекорд Гильдии и рискнул всем, помогая ей, вот и не теперь не собирался оставлять ее одну.

– О, Клио, помоги нам! – прошептала Кэтрин, и что-то заставило ее посмотреть в сторону Патерностер-сквер. Чадли Помрой стоял на ступенях перед Холлом Гильдий, держа в руках какие-то конверты и папки, и смотрел куда-то вверх. Никогда она так не радовалась, увидев знакомое лицо. Побежала к нему, таща за собой Бивиса Поды. Тихонько позвала:

– Мистер Помрой!

Безразличный взгляд, которым он их окинул, сменился изумлением, когда она отбросила этот идиотский капюшон, открыв лицо и слипшиеся от пота волосы.

– Мисс Валентин! Что, во имя Куирка, происходит? Посмотри, что эти паршивые Инженеры сделали с собором святого Павла!

Она вскинула голову. Металлическая орхидея полностью раскрылась, отбрасывая тень на площадь у собора. Только это была не орхидея. Скорее поднявшаяся над куполом собора чашеобразная часть установки напоминала раздувшийся воротник огромной кобры, и чаша эта поворачивалась в сторону Панзерштадт-Байрута.

– МЕДУЗА! – воскликнула Кэтрин.

– Кто? – переспросил Чадли Помрой.

На площади завывала сирена.

– Пожалуйста! – Она повернулась к толстяку-Историку. – Они гонятся за нами! Если поймают Бивиса, не знаю, что они с ним сделают...

Надо отдать должное Помрою – он не спросил «почему?» или «что ты натворили?». Просто взял Кэтрин за одну руку, Бивиса – за другую и повел к гаражу Холла Гильдий, где ждал его «жук». Шофер помогал им усаживаться, когда мимо пробежали бифитеры, но они не удостоили Помроя и его спутников даже взгляда. Историк засунул плащ и очки Кэтрин под свое сидение, а Бивису Поду велел улечься на пол «жука». Потом уселся на заднее сидение рядом с Кэтрин и предупредил, когда «жук» выехал на Патерностер-сквер:

– Говорить буду я.

Около лифтовой станции уже собралась толпа: люди таранились на непонятную конструкцию, которая вылезла из собора святого Павла. Бифитеры остановили «жук», молодой Инженер пытался рассмотреть, кто сидит внутри. Помрой открыл маленькое окошко в фонаре, спросил:

– Что случилось?

– В Инженериум проникли посторонние. Террористы Лиги противников движения...

– Тогда ты ищешь не нас. – Помрой рассмеялся. – Я весь вечер работал в своем кабинете в Холле Гильдий, а мисс Валентин любезно помогала мне разобрать кое-какие бумаги...

– Все равно, сэр, я должен обыскать «жук».

– Да перестань! – воскликнул Помрой. – Неужто мы похожи на террористов? Разве ты не можешь найти себе более интересного занятия в последнюю ночь Лондона, которого вот-вот настигнет этот ужасный конейбейшн? Я пожалуйюсь Совету Гильдий! Это безобразие!

Инженер заколебался, потом кивнул и отошел в сторону, чтобы шофер Помроя мог загнать «жук» в грузовой лифт. Как только двери кабины захлопнулись, Помрой облегченно выдохнул:

– Эти чертовы Инженеры. Я не хотел обидеть тебя, подмастерье Под...

– Я и не обиделся, – донеслось снизу.

– Спасибо! – прошептала Кэтрин. – Спасибо, что помог нам!

– Пустяки. – С губ Помроя сорвался смешок. – Я всегда готов помочь тем, кто чем-то досадил Кроуму и его лакеям. Этому собору тысячи лет, а они взяли и превратили его... не знаю, во что они его превратили, но уж точно без нашего ведома... – Тут он глянул на Кэтрин и увидел, что она его не слушает. – Что же ты такого натворила, мисс Кэтрин, раз они так переполошились? Можешь не говорить мне, если не хочешь, но если ты и твой друг в опасности, а я могу хоть чем-то помочь....

Кэтрин почувствовала, как слезы жгут глаза.

– Пожалуйста, отвези нас домой.

– С удовольствием.

Они молчали, пока «жук» ехал по улицам Первой палубы к парку.

В темноте бегали и кричали люди, указывая на кафедральный собор. Бегали и другие: сотрудники службы безопасности гильдии Инженеров в сопровождении бифитеров. Когда «жук» остановился у «Клио Хауз», Помрой вылез из салона, чтобы проводить Кэтрин до двери. Она попрощалась с Бивисом и последовала за Историком.

– Ты сможешь подвезти подмастерье Пода к лифтовой станции? – спросила она. – Ему нужно вернуться в Брюхо.

На лице Помроя отразилась тревога.

– Не знаю, мисс Валентин. Ты видела, как засуетились Инженеры. Я знаю их повадки. Сейчас уже заблокированы все заводы и общеджития. Они, возможно, выяснили, что он исчез вместе с двумя белыми плащами с капюшоном...

– То есть он не может вернуться? – При мысли о том, чем это грозит бедному Поду, голова у Кэтрин пошла кругом. И вина целиком лежала на ней. – Никогда?

Помрой кивнул.

– Тогда я оставлю его в «Клио Хауз», – решила Кэтрин.

– Он – не бродячий кот, дорогая моя.

– Но по возвращению отец сможет все уладить, не так ли? Объяснить лорд-мэру, что Бивис ничего такого...

– Это возможно, – согласился Помрой. – Твой отец очень близок с гильденмейстером Инженеров. Некоторые полагают, слишком близок. Но я думаю, что «Клио Хауз» – не самое подходящее убежище для твоего друга. Лучше я отвезу его в Музей. Место там для него найдется, а Инженеры не смогут искать его там, не предупредив нас заранее.

– Ты правда это сделаешь? – Кэтрин боялась вовлекать в эту историю еще одного ни в чем не повинного человека. Но, с другой стороны, речь шла лишь о нескольких днях, оставшихся до возвращения отца. А уж потом все образуется. – Большое спасибо! –

Она приподнялась на цыпочки, чтобы поцеловать Помроя в щеку.
– Большое спасибо!

Помрой покраснел, просиял, начал что-то говорить, но она, хотя и видела, как шевелятся его губы, не слышала ни слова. Голову заполнил какой-то странный звук, пронзительный рев, который все нарастал и нарастал, прежде чем она поняла, что идет он не изнутри, а откуда-то сверху.

– Посмотри! – воскликнул историк, вскинув руку.

Страх заставил ее забыть о переменах, происшедших с собором святого Павла. Теперь, взглянув на Верхнюю палубу, она увидела, что чашеобразная часть МЕДУЗЫ начала искриться фиолетовыми молниями. Крохотные волоски на ее руках и шее встали дыбом, когда она протянула руку к Помрою, между подушечками ее пальцем и его одеянием проскочили искры.

– Мистер Помрой! – воскликнула она. – Что происходит?

– Великий Куирк! – вырвалось у Историка. – Кого теперь разбудили эти идиоты?

Призрачные огненные сферы начали отделяться от сверкающей машины и поплыли над Круговым парком, как надувные шары. Молнии заплясали на шпильях Холла Гильдий, Рев становился громче и громче, выше и выше. Кэтрин зажала уши руками, но рев все равно раскаленной иглой пронзал голову. А потом внезапно ослепительно яркий энергетический луч вырвался из воротника кобры, чтобы в мгновение ока долететь до верхних палуб Панзерштадт-Байрута. Ночь раскололась пополам, и половинки эти умчались, чтобы спрятаться за горизонтом. С секунду Кэтрин видела объятые огнем палубы далекого конебейшна, а потом они исчезли. В полной тишине на земле вспыхнуло белое солнце, стало красным, к небу взлетел столб огня, и очень скоро по освещенному пламенем снегу до них докатилась звуковая волна, глухо гроыхнуло, словно где-то далеко-далеко в глубинах земли захопнулась огромная дверь.

Луч погас, на Круговой парк пала тьма, и в наступившей тишине она услышала, как в доме безумно воеет Собака.

– Великий Куирк! – прошептал Помрой. – Все эти бедные люди...

– Нет! – услышала Кэтрин свой голос. – О, нет, нет, нет, нет!

Она побежала через сад, глядя на искрящееся молниями облако, накрывшее развалины Панзерштадт-Байрума. Из Кругового парка, с обзорных площадок доносились крики. Слов она не разобрала, поначалу решила, что люди кричат от ужаса, как ей того хотелось... Но нет, они восторгались, восторгались, восторгались победой!

Окончание следует

По техническому недосмотру в части тиража №2 не пропечатался заголовок романа «Смертельные гонки». Приносим свои извинения читателям.

ПРОБА ПЕРА

Стас НЕСМИРНОВ

22 года, г. Орел

ШОРОХ ПАЛЬЦЕВ

ИГРА

Золото твоих волос
Вздорный ветер мне принес.
Ну а глаз прозрачных синь
Из озёр лесных испил.
Что за чудная игра?
«Продолжай, – шепчу, – до дна»

За глотком – ещё глоток.
Тает неба потолок,
Опускается ниже и ниже.
Ночь обволакивает по самые крыши.
Словно пью я не воду, склонён,
Не в тебя, словно в небо, влюблён.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Безукоризненно белый,
С запахом голубого,
Предчувствием серого,
Что будет в конце другого
Дня, что был вначале
Просто лиловый.

* * *

Хоть грудью ложись на звёзды,
До того они хороши!
Сверкают, будто бриллианты,
На створках души.

Мне тоже так казалось,
И я имел виды
На взгляды женщин прекрасные
И с безднами тайн манускрипты.

Думал: запрыгну на небо обманом,
Запретам и страхам не вняв,
Возьму – и сам звездой стану,
Звёздную пыль разметав.

ХУДОЖНИКУ

Рисуешь закат. Он тобой обещен:
Краснеет, смущённый потупив взгляд,
Ты только за кисть. А он уже неженка:
Над озером меряет новый наряд.

Вот жёлтый, коричневый, как в сонное зеркало,
Глядится в озёрную гладь,
В своё отражение, как юноша, втрескался
И взгляда не хочет отнять.

В. В. МАЯКОВСКОМУ

Кто теперь вы? – Самоубийца.
Крест чугунный да земной порог.
Это даже проще, чем кириллица:
Каждому назначен Богом срок.

Срок поэтов на Руси недолог,
Всех умерших знали наперёд,
Может, пуля постучится в голову,
Может, выйдет вешаться черёд.

* * *

Тебя как лучшую из книг
И невпопад, и не с начала,
Косноязычно и коряво
Переводил на свой язык.

Корпел над каждой строкой,
Вёл медленно, за буквой буква,
В припадке тайного безумства
Нетерпеливою рукой.

В ПОДРАЖАНИЕ И. СЕВЕРЯНИНУ

У особенной женщины
Есть одно преимущество,
Женским критикам нудным
На ворчанье – ответ:
Она может быть взбалмошной
И немного распущенной,
Но ее не разлюбит
Горделивый поэт.

У особенной женщины
Есть её одиночество:
Тонкий запах духов
И мерцание свеч.

Так порой в единении
Отдохнуть ей захочется
От случайных попутчиков
И нечаянных встреч.

У особенной женщины
Есть красивое свойство,
В это свойство заключено
Счастье многих мужчин,
И хотя её темы
Мной давно уж изучены,
Не любить её яростно
Я не вижу причин.

* * *

Вы смотрели с улыбкой пьяной
На погибший букетик мимоз,
И не то чтоб вы что-то сказали,
И не то чтоб я принял всерьёз

Я ушёл по-английски просто,
Кутаясь в сумрачный день.
Здесь поэту высокого роста
подавали дешёвый портвейн.

* * *

Тихий шорох пальцев рук.
Перебор. Начнём сначала.
Ах, как музыка звучала
В дымных кольцах пенных струй.

Сочлененье плеч и спин.
Шёпот, шёпот. Остановка.
На груди – татуировка.
Жилки бледных серпантин.

СОНЕТ

Устал б я твой путь сотней нежных стихов, да только
Ключевое слово кожу рвёт до боли.
Последнее слово.

Последнее слово, последний цветок сорван.
Летит, закружась, лепесток вздорный.
Танцует соло.

Чёт-нечет, нечет-чёт..
Ладонь обхватила воздух.
Пальцы не верят, суеверие врёт,
Помнят они лепесток тот на ощупь.

Мгновенье одно ещё.
Растаял в белёсом дыме
Последний шанс. Окончил расчёт
Игрок, слёзы сдержать не в силе.

* * *
Пустите, я птицею буду,
Девицей во блюде.
На пальцев твоих окончаньях
Кольцом обручальным.
Я тайна, я вечная тайна,
Меня угадай ты.

* * *
Раскачал на волнах, как бумажные,
Колыбели блуждающих звёзд,
Океан небес, пряно пахнущих
Наших душ и сердец верховод.

Он ажурное пены кружево
Оправлял на горящий закат,
Тушил копны дрожащие, сдюживал
Сотен солнц обезвоженных глав,

Тушил вечер – ночи приспешник,
Из глубин небес и воды,
Слив в единый порыв волны бешеные,
Там и здесь хватив полноты.

ИГРА В ПОЭЗИЮ, или Несколько слов о стихах Стаса Несмирнова

К листочкам со своими стихотворениями Стас приложил коротенькое письмецо. Перечисляя своих любимых поэтов, он упоминает Игоря Северянина, Николая Заболоцкого и Андрея Вознесенского, а свои присланные нам творения называет «циклом юношеских стихов». Наверное, это не самое главное, но я, хоть убей, не вижу в стихах Стаса никакого цикла: «цикл» предполагает некую единую мысль, общую цель, общую тему, объединяющую стихи из разрозненных в нечто цельное. Стихи же Стаса – это типичный лирический дневник молодого человека, поэтически отзывающегося на то, что его взволновало, о чем он не может не высказаться. Так что и мы давайте будем рассматривать стихи Стаса каждое по отдельности, не связывая их одно с другим.

Они очень разные по мысли, по поэтическому мастерству: одни совсем беспомощные и неумелые, другие «сделаны» крепче. И вот здесь я хотел бы вернуться к письму Стаса, к тем его строкам, где он перечисляет свои поэтические пристрастия. Я, конечно, понимаю, что любить какого-нибудь поэта – это вовсе не значит ему подражать. Но почти всегда это происходит безотчетно: в мелодике лп, в темах, в поэтических сравнениях обязательно

где-нибудь да проглянет тот поэт, которого ты любишь, которого считаешь своим учителем. Нотки импрессионистической поэзии Игоря Северянина обнаруживаются легко, почти сразу (и не только в стихотворении, написанном в подражание ему); увлечение Вознесенским читается в нетрадиционности формы, в том, что в стихах Стаса рифмы зачастую заменены простыми созвучиями, он не считает нужным придерживаться в стихотворениях единого поэтического размера, даже размещает их не так, как принято в русской поэзии. Но вот Николай Заболоцкий... Может быть, мое ухо в данном случае глухо, но ни единой ноты его поэзии в стихах Стаса я не чувствую. Может быть, это и неплохо. Плохо то, что Стасу не пришло в голову поучиться у такого грандиозного мастера русского стиха, как Николай Заболоцкий, точности, выверенности каждого слова, его необходимости быть именно тут, именно в этой строке. И именно им, этим словом, должна быть выражена мысль поэта.

А вот с мыслями у Стаса, извините, плоховато. Его стихи, их обилие удивляют своей необязательностью, отсутствием той самой поэтической неотвратимости, когда, читая стихотворение, понимаешь: автор не мог его не написать. А Стасу нравится писать лирические зарисовки, «взгляд и нечто», поэтические упражнения, что ли; но когда задаешь себе вопрос – а зачем, собственно, написано то или иное стихотворение, что послужило толчком к его созданию? – ответить, как правило, не можешь. Может быть, это связано именно с юношеским восприятием мира, когда словам просторно, когда они приходят на ум вне зависимости от того, догадался уже поэт или не догадался, что, собственно, он хочет донести до читателя. И оттого многие стихотворения Стаса – пусть он не обижается! – имеют даже комический эффект.

Ну, к примеру стихотворение «Пустите, я птицей буду...». Здесь всё намешено – и «девица во блюде», и обручальное кольцо на окончаниях пальцев (интересно, а всё же где у пальцев окончания? и где всё же носят кольца?), и утверждение «я вечная тайна...». Стихотворение получилось, к сожалению, совершенно пустым и ложно многозначительным. Не девица – скорее, слово во блюде.

Так же забавно читать стихотворение «Вы смотрели с улыбкой пьяной...», где «поэту высокого роста подавали дешевый портвейн». Мне кажется, рост поэта и стоимость портвейна не очень-то сопрягаются. И как это можно уйти «по-английски просто»? Или по-английски, или просто. Читаем: «и не то чтоб вы что-то сказали, и не то чтоб я принял всерьез...» Увы, Стас, поэзия – серьезная штука, в ней кровь нужна, сердечный трепет. А когда по жилам стихотворения течет портвейн, да еще дешевый... Тут волей-неволей ничего всерьез воспринимать не будешь. Сидишь и стараешься понять – о чем это? Зачем это?..

Ну ладно, оно, это стихотворение, хоть короткое, восемь строк всего. А что сказать про «Сонет»? Можно, конечно, так доэкспериментироваться с формой, что не сразу читатель-то и сообразит, что сонет – перевернутый: шесть строк с определенной рифмовкой, которыми должен заканчиваться классический сонет, идут вначале, а два четверостишия, которыми он должен начинаться, – в конце. О классической сонетной рифме тоже говорить не приходится – какое-то строки у Стаса рифмуются, какие-то – нет (с чем, к примеру, рифмуется слово «на ощупь», я так и не обнаружил). Но форма –

Бог с ней, с формой, поэт вправе как угодно экспериментировать со словом. А вот что поэт хочет сказать читателю — вообще непонятно. И где то самое «колючее слово», которое «кожу рвет до боли», с чего Стас начинает свой «Сонет»? Все эти цветки, лепестки и пальцы не оставляют впечатления чего-то колючего — скорее тут всё белое и пушистое. И кто же такой этот игрок, который всплакнул в конце стихотворения? Ребус, да и только.

Такая же словесная мешанина и в стихотворении «Раскачал на волнах, как бумажные...». Смысл его, мысль поэта, в отличие от «Сонета», совершенно ясны. Но как же плохо, невнятно оно написано! Вот, к примеру: «...пены кружево оправляя на горящий закат...» Что значит — оправляя? Оправлять можно во что-то — если имеется в виду «оправа». Думаю, не вспоминал же при написании стихотворения Стас известное воинское выражение «Вольно, оправиться»? (Хотя, может быть, здесь в рукописи просто опечатка, имеется в виду слово «отправляя». Но и в этом варианте яснее не становится.) А дальше — «...тушил копны дрожащие, сдюживал сотен солнц обезвоженных глав...» Ритмическое ударение здесь должно быть на первом слоге, получается — «тушил». Но так ведь сказать нельзя! А как можно «сдюживать... глав»?

Складывается впечатление, что Стас просто играет в какую-то придуманную им игру. Этот путь мне не кажется плодотворным для молодого автора. Читатель сразу чувствует, что эти стихи — не от сердца, а от головы, от забав разума, и автору, в общем-то, безразлично, поймет его он, читатель, или нет. А в таком случае интерес к творчеству Стаса сразу как-то пропадает.

Из всего присланного мне понравились только два стихотворения. Одно — «Тихий шорох пальцев рук...» — слова найдены точно, нет ничего лишнего, этому стихотворению сразу веришь. А другое стихотворение — то, которое обращено к памяти Маяковского. Но здесь, увы, поэт грешит другим — вторичностью мысли. Со времен Каролины Павловой и Лермонтова можно было бы, наверное, составить целую книжку стихотворений о трагической доле русского поэта. И включить в эту книгу, к примеру, вот эти восемь забываемых строк:

*Как просто можно жизнь покинуть эту,
Бездумно и безбольно догореть,
Но не дано Российскому поэту
Такою светлой смертью умереть.*

*Всего верней свинец душе крылатой
Небесные откроет рубежи,
Иль хриплый ужас лапою косматой
Из сердца, как из губки, выжмет жизнь.*

Эти чеканные ахматовские строки 1925 года, если сравнивать их со стихотворением Стаса Несмирнова, сразу дают понять — что такое подлинная поэзия и что такое игра в стихотворчество. Стас, видимо, пока этого не понимает. Но стоит надеяться, что с возрастом такое понимание к нему придет.

И.В.

ПРОБЛЕМА ИЗ КОНВЕРТА

Всё меняется в этом мире, вечным остается только одно: человек и те чувства, которые он испытывает. Молодые люди влюбляются, страдают, переживают неудачи и непонимание – или, наоборот, счастье и ответное, встречное прекрасное чувство, кому что выпадет. Но большинству – судя по получаемым нами письмам – почему-то выпадают страдания и переживания. Наверное, это закономерно: на то она и первая любовь, чтоб быть ей не особенно удачной. Но что делать: никто не смог еще объяснить, почему мы влюбляемся именно в этого человека и почему именно он не отвечает нам взаимностью... Но вот иногда первая любовь бывает такой, что о взаимности нельзя даже и мечтать – просто, как говорится, «по определению». Почему?

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ - ЖЕСТОКАЯ ИГРА

Коллаж Сергея Минина

Не будем спорить: каждая любовь прекрасна по-своему. Мы, слава Богу, научились это понимать и никого ни за что не осуждать. Ведь любовь, какая бы и к кому бы она ни была, дарит нам прекрасные переживания, сильные эмоции, наполняет нашу жизнь светом, идущим из души и расцветивающим нашу жизнь яркими красками. Ну и что, что девушка или парень, без которого ты уже не можешь жить, не смотрит на тебя, а увлечен совсем другим человеком? Но всё равно: ты влюблен – или влюблена, и у тебя появляется не изведанный доселе смысл жизни, надежда на счастье...

Но бывает и так, что первая любовь никакого счастья не приносит. Его просто не может быть – потому что никогда, ни при каких обстоятельствах ты не станешь для этого человека самым дорогим, самым близким. Правду говорят – надежда покидает человека последней. А если ее нет и не было? Но всё это верно лишь в том случае, если то, что ты испытываешь, – действительно любовь. Но бывает, увы, и иначе. Ну какая может быть надежда у девушки, влюбившейся в известного актера, певца, музыканта? А ведь таких случаев мы знаем немало. Но давайте задумаемся – а любовь ли это? Может быть, это чувство всё же сродни болезни? Которую надо быстрее лечить. И для начала давайте прочитаем письмо, рассказывающее о подобном чувстве, которое мы получили совсем недавно.

«Не так давно в библиотеке мне попала подшивка журнала «МЫ» за прошлые годы. И в одном из номеров я прочитала статью «Как избавиться от любовного помешательства?». Мне кажется, что то, что произошло со мной, – как раз из этой серии. Я решила написать о том, как я прожила целых три года, мучаясь безответной любовью. Возможно, что кто-то, прочитав мое письмо, легче пройдет через подобное чувство.

Сейчас мне семнадцать лет. А всё началось, когда мне было четырнадцать. Из писем девушек, которые я читала в «МЫ», я знаю, что они часто влюбляются в артистов, в музыкантов. А я влюбилась в своего брата... двоюродного брата.

Я тогда училась в девятом классе. Представьте себе девочку среднего роста, худенькую, неприметную среди остальных девчонок класса. Одноклассницы меня называли тихоней, затюканной, забитой. Такой я была. Со мной не общались – со мной было скучно. Я это понимала и всегда находилась в стороне. Я подружилась только с одной девчонкой в классе – Наташей. Так уж получилось, что ОН стал основной темой наших разговоров.

Мой двоюродный брат... У него самое красивое на свете имя – Игорь. Он на двадцать лет старше меня. Не буду вдаваться в подробности его жизни, скажу только, что он очень падок на молоденьких девушек. И все девчонки на-

шего поселка были от него без ума. И это понятно – он красив, высок, строен. Ведь именно на это девушки обращают внимание в первую очередь. И Наташа не была исключением. Она была от него без ума, следила за ним, ходила по пятам. А потом рассказывала всё мне. Сначала говорила только она, а я слушала, потом сама начала интересоваться им, пыталась больше узнать о нем.

Любовь приходит внезапно, как болезнь. И я заболела им! Я, конечно, знала, что живёт на свете мой брат Игорь, но узнавать получше начала только из рассказов подружки. Мы плохо знали друг друга из-за большой разницы в возрасте, редко виделись. Но когда я поймала себя на том, что все мои мысли заняты только им, я поняла: влюбилась. Любовь! Какое красивое и светлое чувство, но сколько несчастий она может принести.

Он, конечно, ничего об этом не знал. А меня мучил вопрос: не схожу ли я с ума? Можно ли полюбить двоюродного брата?

Он снился мне по ночам. Я мечтала о нем. Мечтала, как бы он меня поцеловал в первый раз и что было бы дальше? О чем может мечтать четырнадцатилетняя девушка, почти ребенок? Конечно, о первом поцелуе; о первом свидании; о цветах, подаренных любимым; о признании в любви. Но я выросла. Мне исполнилось пятнадцать лет, затем шестнадцать. Но лю-

бовь – или болезнь? – она не проходила, наоборот, прогрессировала.

У меня начались беды. В десятом классе я скатилась до троек. Часто ссорилась с мамой – только не из-за него. Она ничего не знала, никто ничего не знал. Несколько раз я пыталась уйти из дома. Почему? Мне было больно, и я хотела сделать больно своим родным. Он, он во всём виноват, он не обращает на меня внимания, не видит, не замечает. Он не видел, что, заметив его машину, едущую мне навстречу, я опускаю глаза, краснею, но радуюсь. Радуюсь, что смогла увидеть его, хоть одно мгновение посмотреть на него. На больше я не рассчитывала. А на что может рассчитывать худенькая, невзрачная девчонка? Я ведь для него только сестра! Сестра... какое холодное, страшное слово. А почему не девушка, не любимая?

От подружки Наташи я узнала, что у него появилась девушка, всего на три – четыре года старше меня. Они стали жить вместе, а потом она забеременела. Когда я узнала об этом, мне захотелось умереть. Я ревновала, по ночам я плакала, а оставшись дома одна, просто выла от боли. Боль сидела во мне, грызла меня изнутри, но не хотела уходить. Вы не представляете, каково это – лежать ночью без сна, знать, что твой любимый в данный момент занимается любовью с другой и плакать от бессилия, от отчаяния,

от злости. Я проклинала его, старалась ненавидеть, но всё безуспешно. Любовь не уходила. Безответная любовь – это страшно.

Маму стали вызывать в школу – у меня появились двойки. Мама никак не могла понять, что со мной. А всё было просто – я потеряла интерес к жизни. Я жила только в мечтах о нем, а как только спускалась с небес на землю, то умирала от тоски. Но у меня были и маленькие радости. Он приходил к нам домой, к моему отцу (своему дяде). Эти дни становились для меня праздниками. Я могла посмотреть на него, услышать его голос. Но иногда он приезжал с ней, с разлучницей, и... А что можно сказать? Она была с ним, а я – со своими мечтами. Всё время, пока он был у нас дома, я сидела в своей комнате и просто слушала его голос. Для меня его голос был музыкой... Мое сердце как будто пело, а когда он уезжал, оно замолкало и опять начинало болеть. Иногда он был в одном шаге от меня, разговаривал со мной. Я чувствовала его тепло, его запах. Я хотела, чтобы он меня обнял, поцеловал, сказал хоть одно ласковое слово, но он отворачивался и уходил. Он не знал, что делает мне больно. Совершенно случайно ко мне попала его фотография. И теперь его маленькая частичка всегда со мной.

А теперь он стал приезжать к нам очень-очень редко. И это понятно – у него малень-

кий сынишка, которого он очень-очень любит. А я стала замечать, что могу не думать о нем целыми неделями. Значит, всё прошло?

Иногда я смотрю на его фотографию. Он улыбается мне, и я чувствую, как мое сердечко начинает колотиться быстро-быстро, пытаюсь вернуть страсть, вернуть сильное светлое чувство... Но оно ушло. Теперь я знаю точно – ушло и больше не вернется. Когда я смотрю на его сынишку, то мысленно желаю Игорю счастья с ней, с той девушкой. У них семья! Так пусть он будет счастлив! Я отпустила его! Только фотография осталась мне на память.

И сейчас, пережив всё это, эти одновременно ужасные и счастливые три года, я задаю себе вопрос: если я желаю ему счастья, то, значит, я любила его по-настоящему, чистой и светлой любовью? И отвечаю себе: да! Ты любила, любила тихо, любила про себя. Я знаю, что его никто не будет любить так, как я. Он был любим. Пусть он не знает об этом и никогда не узнает, но он был любим! Но когда я сейчас о нем вспоминаю, то думаю, что мы могли бы пожениться. Мы ведь двоюродные брат и сестра, и некоторые так делают.

Вот и всё. Сейчас я живу неплохо. Конечно, парня у меня пока нет, но у меня всё еще впереди. И я буду счастлива!

Я очень хочу, чтобы мое письмо напечатали на страницах «МЫ», чтобы о моей истории узнали другие. Я думаю,

что мое письмо им поможет, может быть, в нем они найдут ответы на свои вопросы.

Я хочу пожелать всем юношам и девушкам, которые «болеют» так же, как болела я, скорее выздороветь. Время – лучший лекарь. Нужно только реже видеть героя своих грез и ждать. Любовь как пришла, так и уйдет. Только постарайтесь не совершать глупостей!

Татьяна
Московская область»

Вот, уважаемые читатели, какое длинное и искреннее письмо написала нам Татьяна. Я не стал ничего в нем сокращать и исправлять, чтобы каждый прочитавший мог попытаться разобраться в этой истории, имея все, как говорится, исходные данные.

А что касается нашей точки зрения... Боимся, что вы нас не поддержите, не воспримете нашего взгляда на историю Таниной любви. И всё же промолчать мы не имеем права.

Кто же герои этого несостоявшегося романа? Итак, она: четырнадцатилетняя (теперь семнадцатилетняя) девушка, неавторитетная в классе, одна из тех, кого одноклассники именуют «забытыми». И он: тридцатичетырехлетний (сейчас еще старше) состоявшийся мужчина, которому нравятся молодые девушки. Но насколько молодые? Таня пишет, что избранница Игоря старше ее на три – четыре года. А это значит, что в тот момент, когда Игорь обратил на

нее свое внимание, ей было лет девятнадцать – двадцать. Это, как пишут в учебниках, условия задачи. А теперь вопрос: могли Игорь заинтересоваться (как мужчина) своей юной родственницей? Ответ мне кажется однозначным: нет. Если не брать в расчет клинические случаи патологических любителей совсем уж юных девушек (а Игорь к их числу явно не относится), то у Тани, как говорится, нет и не было шансов привлечь к себе его внимание.

Наверное, могут сказать: ну при чем тут вся эта арифметика, дело-то ведь в чувствах. Давайте будем разбираться с чувствами.

То, что многим девушкам свойственно влюбляться в певцов, актеров, знает, наверное, каждый, кому довелось почитать девичьи письма о любви. Причем в этой своей страсти девушки (при всей ее безнадежности) могут быть весьма и весьма настойчивыми и совершать, как говорится, в трезвом уме и твердой памяти вполне неоднозначные поступки. Рассказывали, что в далекие теперь уже времена группа влюбленных в Юру Шатунова юных дам не пожалели собственной красоты и вырезали (бритвой) его имя на своих руках. Интересно, что теперь они думают, глядя на изуродованные шрамами руки? А другая решительная девушка, влюбленная в одного из солистов группы «На-На», исхитрилась закинуть веревку на балкон четвертого, кажется, этажа дома,

где располагается офис группы и квартиры ее участников, и лезла по этой веревке с криками: «Я тебя люблю!» Ее снимали пожарные. К чему мы об этом вспомнили? Вроде бы получается, что Таня права, когда пишет про время, которое излечит любовь, но только глупостей делать не нужно.

Но психологи давно установили, что подобными «любовями» страдают далеко не все девушки. Есть среди них своя «группа риска». И, как правило, подобная любовь посещает тех девушек, которые не смогли реализоваться в настоящей, реальной жизни, «белые вороны», «забитые», то есть те, с которыми сверстники общаются неохотно, у кого мало друзей и подруг и кто нередко проводит время в бесплодных умствованиях и фантазиях. А фантазии нередко принимают уродливые формы. Вот и Таня как раз из этой группы. В классе – одна только подружка, себя считает некрасивой, парня, понятное дело, нет и пока не предвидится. Вот и произошло то, что психологи именуют красивым словом «сублимация», которое буквально означает – «замещение». То есть несостоявшееся или отсутствующее подлинное замещается придуманным, несуществующим.

Давайте скажем честно: вся эта Танина большая и красивая любовь – не более чем выдумка. Выдумка в том плане, что никакой любви-то и не было, а было то, что называют «первым выбросом гормонов»: в девушке просыпается

женщина, появляются чисто женские желания и мечты. Да, они пока что вполне детские – цветы, поцелуи, красивые слова... Конечно, женщины в любом возрасте ценят все эти атрибуты любви, но те, кто постарше, этим уже не ограничиваются. Вспомните, что Таня пишет о своем избраннике: «высок, строен, красив». И всё. Что он за человек – совершенно неясно. Дальше она, правда, добавляет, что именно на эти качества мужчин девушки в первую очередь обращают внимание. Такие, как она, – да. Недавно Танина сверстница написала нам, что влюбилась в парня потому, что ей понравились его джинсы и серая кепка. Всё это говорит о несерьезности, выдуманности этого «всепоглощающего» чувства, которое не давало Тане спокойно спать три года. Просто Игорь, видимо, соответствует ее представлениям о мужской красоте, поэтому он невольно и попал в герои романа. Тем более что Таня живет в небольшом поселке, название которого мы не стали, понятное дело, печатать, и выбор красавцев там не очень-то и велик.

Так родилось это чувство, которое исхитрилось просуществовать аж три года. Сейчас Таня пишет о нем довольно спокойно и благостно, даже не без некой литературности, вставляя в свой рассказ расхожие сентенции типа «любовь – красивое и светлое чувство», «время – лучший лекарь», «сестра – какое страшное слово», «ге-

рой моих грез» и т.д. Но ведь эти «прекрасные и ужасные три года» были не слишком приятными не только для самой Тани, но и для ее близких. И вот маленькая деталь: то, как она сама пишет об этом, говорит о ее капризности, душевной черствости, отсутствии сердечного добра и жалости даже к самым близким людям. Таня замкнута только на себе. Она и ее любовь – это важно, а на остальное наплевать. Понять это можно, но вот оправдать... Ну чем, скажите, виновата Танина мама, которой пришлось ходить в школу и выслушивать там не слишком приятные слова о любимом ребенке? Которой пришлось пережить ссоры с дочерью, оставляющие рубцы на ее не слишком молодом сердце? Которой пришлось терпеть Танины взрывы типа попыток «уйти из дома»? Куда она, интересно, собралась? Да никуда. Она и уходить не хотела – просто надо было себя выказать, своему настроению дать выплеснуться. Просто, по-бабьи: поскандалить хотела. Таня пишет об этом весьма логично и элегически: мол, мне было плохо, и я хотела сделать плохо своим близким. Мол, имею на это право. Любовь у меня, понимаешь! Знаете, от такого «любящего сердца» хочется держаться подальше... И почему, собственно, нужно скатываться на двойки и тройки, если ты влюблена? Тем более что любовь эта – безсобытийная (как написал

один поэт, «я живу с твоею фотокарточкой»): ничего не происходит, девушка живет только в плену собственных мыслей и фантазий: а вот как было бы, если бы он меня поцеловал, и что было бы после... Но Игорю, естественно, это и в голову не пришло. Потому что Таня в этом плане для него – грубо говоря, пустое место: ну не станет взрослый, серьезный, красивый мужчина интересоваться нескладным четырнадцатилетним подростком. Так что мучилась Таня, по большому счету, напрасно. Хотя излечилась ли она от своей болезни окончательно – вопрос открытый. Размышляет же она на такую благодатную тему, как могли бы они или не могли бы пожениться. Странно! Для того, чтобы пожениться, все же любить надо. А Игорь-то любит не Таню, а совсем другого человека...

А заметьте, какие слова она употребляет: жену Игоря называет «разлучницей» (интересно, кого и с кем разлучила эта девушка, просто нашедшая свое счастье и свою семью); говоря о конце своих переживаний, пишет: «Я его отпустила». Чувствуете, друзья, романский накал страстей? Отпустила! Чтобы «отпустить», надо сначала «получить». А этого, как мы знаем, не было и не могло быть. Девушка просто играла – не в куклы, а в любовь. Эта игра дала ей почувствовать, что ее жизнь перестала быть пустой и жалкой жизнью «серой мышки»,

а наполнилась неким потаенным смыслом.

Но не будем так уж строго осуждать Таню. Все подростки эгоистичны, собственный мир, пусть даже выдуманный, кажется им самым важным в жизни, самой большой их ценностью. Просто нам, взрослым, бывает очень обидно за девочек, подобных Тани: вместо того, чтобы занять голову чем-то полезным, они хором влюбляются, к примеру, в Майкла Джексона или пишут в редакции письма вроде вот такого: «Напишите мне скорее, женат ли актер Вдовиченков? Если женат, то я не знаю, что со мной будет!» А что, собственно, может быть? Если ты не полная дура – то переживешь. Может, поскорее выкинешь его и придуманную к нему любовь из головы.

Нам могут сказать: всё, что вы говорите, может, и правильно, но Таня-то написала вам о любви. А с любовью не поспоришь. Согласен. Но еще раз повторю: не было у Тани никакой любви. Была первая в ее жизни, довольно болезненная влюбленность в красивого мужчину, которая несколько подзатянулась и доставила Тани и ее близким немало огорчений. И Танино письмо с этой точки зрения – настоящая «история болезни», ценный материал для специалистов по подростковой психологии. Понимаю, что Тани от этого не легче. Но давайте представим себе на минуту, если бы в этот период в Таниной жизни появился бы просто парень-сверстник, ко-

торый сломал бы стену отчуждения, которая отделяет Таню от ее одноклассников, который заинтересовался бы ею, увидел в ней не угловатого нескладного подростка, а родственную душу, человека, с которым ему хотелось бы дружить, общаться... Уверен на сто процентов – Танина «любовь» к Игорю не прожила бы и недели. Но для того, чтобы это произошло, нужно, чтобы такой человек нашелся. А чтобы он нашелся – Таня должна проявить иные свои достоинства, не связанные с ее любовным сдвигом. Ибо, как ни жестоко это звучит, любовь – личное дело каждого человека. Она не делает его ни красивей, ни умнее, ни душевнее; он не становится более привлекательным как человек, как собеседник, как товарищ, с которым хочется идти по жизни дальше рядом. Таня же замкнулась в трех соснах своих выдуманных любовных переживаний...

К ее письму была приложена просьба пересылать ей письма тех, кто откликнется на ее письмо, чтобы она могла им «помочь, дать хороший совет». «Я никого не обижу!» – горячо пишет Таня. Но ведь Таня обидела прежде всего сама себя, потратив три года своей жизни на слезы и вой (помните ее слова: «оставаясь дома одна, я просто выла») по Игорю. Сама себе «хорошего совета» она дать не смогла.

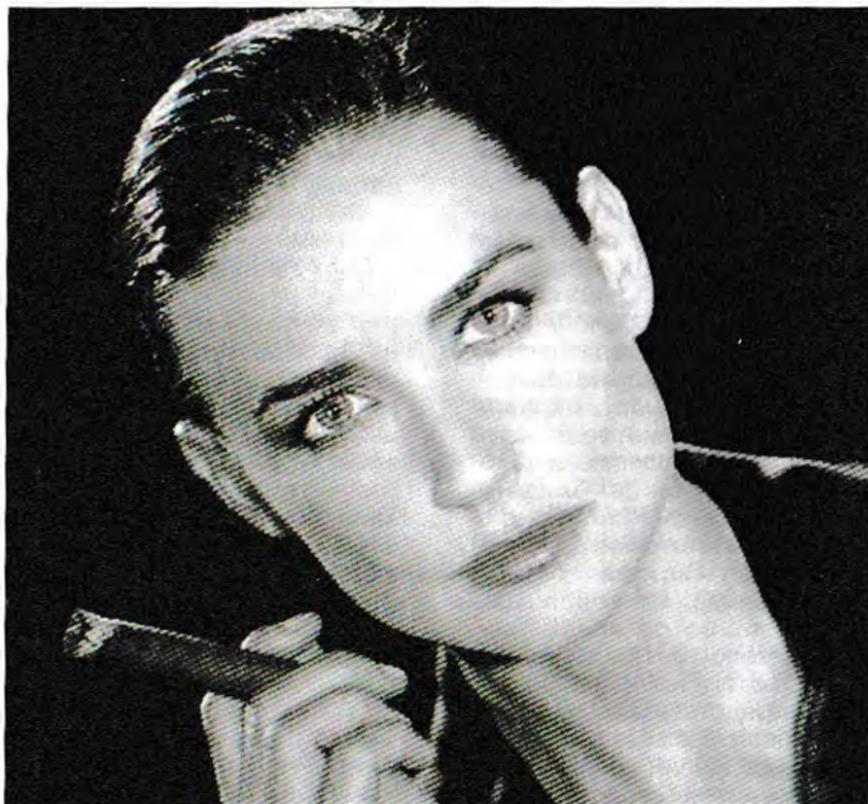
Так какой же совет она может дать другим?

Вас. ИВЛЕВ

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Она выросла в семье алкоголиков, богемная жизнь приучила ее к наркотикам и выпивке, ее осуждали за то, что в период беременности она снялась обнаженной для обложки известного журнала, разнесли в пух и прах за обнаженную грудь в одном из скандальных фильмов, но она не только заслужила репутацию рискованной девочки, но и достигла славы, став одной из самых популярных и высокооплачиваемых актрис Голливуда. Вот такая уж она, эта

ДЕМИ МУР – ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ И НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ

За более чем два десятилетия в кино она снялась в тридцати пяти фильмах, испытала фантастическую славу, черную депрессию и любовь, о которой можно только мечтать. Что касается кино, то самым запоминающимся событием конца восьмидесятых годов в ее карьере была главная роль в фильме «Привидение».

После многочисленных малозаметных фильмов, выжимавших слезу, «Привидение» мгновенно вознесло актрису на вершину голливудского Олимпа. Деми играет в нем скульптора Молли. Завистливый компаньон убивает ее возлюбленного, а потом начинает готовить убийство ее самой. И лишь вмешательство потусторонних сил спасает Молли от гибели.

Хотя сценарий и не давал актрисе больших возможностей проявить себя в полную силу – ей отводилась второстепенная роль внезапно осиротевшей молодой женщины, но даже на фоне блистательной Вупи Голдберг она запомнилась зрителям благодаря удачно найденному внешнему облику и точно расставленным мелодраматическим акцентам. Участие в этом зрелищном фильме сыграло решающую роль в карьере молодой актрисы, поставив ее в один ряд с такими признанными авторитетами, как Джемми Ли Кертис, Мишель Пфайффер, Джулия Робертс.

Но подлинный успех пришел к ней вместе со скандальными ролями и экстрава-

гантными выходками, мягко говоря, приводящими публику в недоумение, а порой вызывающими общественное осуждение. В девяностом, когда актриса ожидала первого ребенка, за месяц до родов она согласилась позировать обнаженной для обложки знаменитого журнала. На снимке Деми стояла, развернувшись в профиль, одна рука прикрывала грудь, другая поддерживала большой круглый живот. По признанию звезды, на этот шаг ее подвигла не менее знаменитая фотография Настасьи Кински со змеей, обвивающей ее нагое тело. А вот уж пригласить фотографа на съемки родов своего первого ребенка – эта идея целиком принадлежит самой Деми Мур. Своеобразное рекламное ноу-хау. Так же, как еще одна фотография на обложке всё того же журнала: абсолютно голая Деми в нарисованном прямо на теле смокинге.

Однако все эти фотографии не идут ни в какое сравнение со скандалом вокруг фильма «Непристойное предложение». Рецензии на этот фильм пестрели заголовками типа «Как она могла согласиться», «Предательство за миллион долларов», «А вы бы продали свою жену?»... Причем подобные заголовки были еще самыми безобидными.

Действительно, режиссер фильма Эдриан Лейн представил зрителям весьма скользкую и, безусловно, эпатажную проблему. Его героиня Дайана Мэрфи в ис-

полнении Мур, агент по продаже недвижимости, замужем за архитектором, который неожиданно теряет работу. Естественно – финансы поют романсы. И тогда в голову молодоженам приходит безумная идея. Они занимают пять тысяч долларов и отправляются в Лас-Вегас, надеясь разбогатеть с помощью рулетки, но теряют всё до последнего цента. Видя отчаянное положение молодой пары, миллиардер Кейдж предлагает Дайане провести с ним ночь за миллион долларов. После мучительных раздумий молодожены решают, что нельзя упускать свой шанс разбогатеть. При этом можно поступиться нравственными принципами, можно ради будущего благополучия пойти на уступки собственной совести – ведь их любовь всё равно останется с ними. Можно ли? Вот квинтэссенция ситуации, предложенной создателями фильма.

Эдриан Лейн, опытный режиссер, умеющий поймать ветер удачи в свои паруса, работал со многими звездами, и интуиция не подвела его и на этот раз: выбрав Деми Мур, он обеспечил фильму успех. Очарование молодости, женственность, обаяние делают ее неотразимой в глазах опытного ловеласа и толстосума и привлекают зрителей.

Не менее провокационной оказалась и роль актрисы в фильме «Разоблачение», где она играет крутую

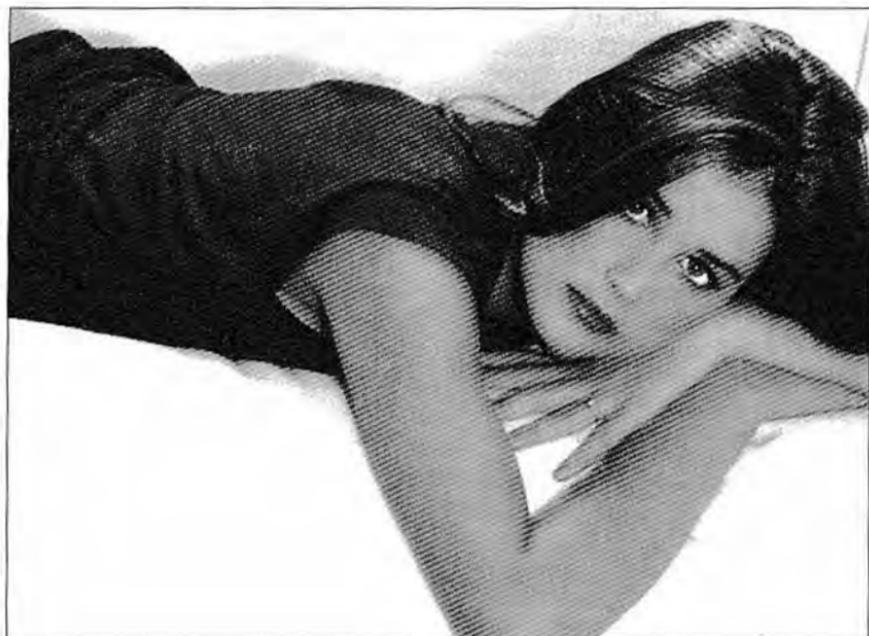

технократку, усвоившую не только деловую хватку феминизированной женщины, но и циничную мораль: в погоне за карьерой она утрачивает всякую порядочность и человечность. В одном из интервью Деми призналась, что завидовала Шерон Стоун, снявшейся вместе с Дугласом в «Основном инстинкте». И когда одна из актрис отказалась от этой роли, Мур, не раздумывая, согласилась ее заменить. После «Разоблачения» о Деми Мур заговорили как о наследнице Джона Кроуфорд, знаменитой голливудской звезды пятидесятых годов, прославившейся ролями злых и безжалостных героинь. Фильм показал неприглядную изнанку жизни карьерной женщины, и по своему обыкновению Мур не побоялась выступить в столь незавидной роли.

В 1995 году актриса снялась в фильме, поставленном по роману классика американской литературы Натаниэля Готорна «Алая буква». Ее героиня впадает в великий грех – соблазняет молодого священника и рождает от него ребенка. За это до конца своих дней она должна носить на платье алую букву – символ греховности и позора. Ей приходится выдержать множество издевательств, в том числе и поругание у позорного столба, но в конечном итоге она одерживает моральную победу над своими врагами, преодолевая стену человеческой ненависти. Роль непростая, но в характере и стиле Деми Мур.

Не менее скандальным, чем предыдущие, стал и

фильм «Стриптиз», за участие в котором актриса получила двенадцать с половиной миллионов долларов. Впервые в Голливуде она получила столько же, сколько актеры-мужчины такого ранга, как Сталлоне и Де Ниро. Перед съемками актриса подвергла себя хирургической операции, дабы убрать излишнюю полноту и подправить грудь: ей очень хотелось доказать голливудской общественности, а главное – самой себе, что она потрясающая женщина и талантливая актриса. По замыслу авторов, героиня фильма Ирен Гранд должна была предстать на экране не только обольстительной танцовщицей ночного клуба, но и умной решительной женщиной, способной постоять

за себя. Возможно, кого-то актрисе и удалось в этом убедить, но тем не менее именно за этот фильм она была удостоена титула «самая плохая актриса 1996 года».

Однако подобные неудачи никак не сказались на карьере Деми Мур. Режиссеры всегда обращаются к ней, особенно тогда, когда нужно создать образ независимой женщины, потому что она стала олицетворением тех черт, которые помогают современным женщинам на равных соперничать с мужчинами. Огромный успех фильма «Солдат Джейн», где ее героиня преодолевает все трудности службы в спецвойсках, — еще одно тому доказательство. Правда, несмотря на готовность актрисы жертвовать собой, в результате чего ее лицо и тело в конце концов превращаются в сплошной кровоподтек, фильм, скорее всего, убеждает в том, что женщинам нечего делать в этих самых войсках.

Надо сказать, что в репертуаре Деми Мур встречаются роли подчас диаметрально противоположные (стриптизерша и морской пехотинец). Но в каждой из них она создает абсолютно правдивый и совершенно новый образ, отдавая всю себя работе над ним. Чтобы сыграть стриптизершу, она превратила свое тело в подобие статуи греческой богини. А для роли солдата Джейн обрелась наголо и накачала чудовищные мышцы. Что ж, вовсе не случайно многие

годы она занимала верхние позиции в списках самых очаровательных звезд, собирая миллионы зрителей на свои провокационные роли в блокбастерах. Но здесь нет ничего удивительного: звезда есть звезда.

Мы уже привыкли к тому, что в каждом деле, точнее, в каждом роде деятельности есть свои звезды: в кино, спорте, шоу-бизнесе и просто бизнесе. Поэтому нет ничего невероятного в том, что есть они даже среди бродяг и бездомных. И не только у нас, но и в благополучной

Америке. Безусловно, одной из них была и Вирджиния Гуайнс. Папарацци не спускали с нее глаз и объективов фотокамер. Еще бы, ведь эта пожилая женщина была родной матерью другой звезды – голливудской актрисы Деми Мур.

Когда-то они жили вместе, Вирджиния помогала Деми и ее мужу Брюсу Уиллису воспитывать их старшую дочь, и актриса в знак признательности подарила матери белую «Хонду» в день ее сорокапятилетия. А потом всё пошло кривь и вкось. Вирджиния стала пить. Дальше больше – снялась голой для какого-то порножурнала, дабы доказать, что и у неё фигура не хуже, чем у знаменитой дочки. Во хмелю становилась буйной, дралась, устраивала скандалы.

И однажды, не выдержав, Деми выгнала мать из дома. Некоторое время та жила в разбитой и проржавевшей от времени машине, скрываясь в ней от осеннего дождя и зимнего холода. Затем долго скиталась, пыталась покончить жизнь самоубийством и в результате была отправлена на принудительное лечение от алкоголизма. Но до этого она успела поджечь бар, потому что бармен не захотел отпустить спиртное изрядно подвыпившей женщине. Суд приговорил ее к трем годам условно и к выплате штрафа в семь тысяч долларов – огромная сумма для ничего не имеющей женщины. Правда, американское госу-

дарство выплачивало ей как неимущей пятьсот долларов в месяц, да еще какой-то благотворительный фонд ежемесячно выдавал продукты на шестьдесят долларов. На это она и жила, потому что прихотилось отдавать пособие в счет уплаты штрафа. А ее знаменитая дочь зарабатывала в то время пятнадцать тысяч за один съемочный день. Но она и слышать не хотела о беспутной матери: обида была сильнее родственных чувств.

Впрочем, если обратиться к детству будущей знаменитости, то неблагодарной дочери будет впору и посочувствовать. Ее первые десять лет жизни были наполнены болью, и прежде всего физической. Деметра (таково полное имя актрисы: мать назвала ее так в честь известного тогда грека-парикмахера) постоянно болела. В пять лет у нее обнаружили тяжелую форму воспаления почек. Врачи сказали матери, что дочь практически обречена, и на всякий случай предложили попробовать новый, еще не разрешенный к применению препарат. Произошло чудо – Деметра поправилась. Но тут обрушилось другое несчастье: начались проблемы со зрением. Деми сделали несколько операций, и она долгое время ходила с черной повязкой на лице.

Деметрия Гуайнс родилась в Росвелле, штат Нью-Мексико, 11 ноября 1962 года в семье рекламного агента-неудачника, которому прихо-

дилось постоянно переезжать с места на место в поисках работы. Как подсчитала Деми, они сменили более тридцати городов еще до ее совершеннолетия. У девочки не было друзей, потому что ей приходилось переходить из одной школы в другую, и в конце концов она пришла к выводу, что друзья ей попросту не нужны.

Родители воспитывали дочь исключительно подзатыльниками, да и то лишь тогда, когда их вызывали в школу, да за воровство спиртного из домашних запасов, что случалось довольно часто. «Кому-то по нраву запах дорогого французского парфюма, а мне больше нравится, как пахнет виски, – говорила четырнадцатилетняя сорвиголова ошалевшим подружкам, открывая дверцы бара, за которыми стояли родительские бутылки. – Долюю немного воды, поставлю обратно, и ничего не заметят», – продолжала она, вытягивая очередную сигарету из отцовской пачки. Хотя прекрасно знала, какой грандиозный скандал ожидает ее вечером.

Во время одного из таких скандалов она случайно услышала фразу, адресованную матери: «Не нагуляй ты дочурку от того чертова летчика, мы давно бы уже жили, как нормальные люди, и мне бы не пришлось выслушивать от старых перенчик из попечительского совета, какой я дрянной отец. Будь Деми моей дочерью, она бы не росла такой тупицей». Так девочка

узнала, что ее настоящий отец – летчик Чарлз Хармон, который состоял в браке с ее матерью всего лишь два месяца. Эта новость повергла ее в шок, она никак не могла поверить в услышанное и страшно переживала, тем более что действительно любила отца. А через неделю ее ждало новое испытание: телефонный звонок врача «скорой помощи» сообщил, что глава семьи покончил жизнь самоубийством в запертой машине, в салон которой провел выхлопные газы. Вирджиния Гуайнс наскоро упаковала чемоданы и вместе с детьми отправилась в Лос-Анджелес, где жила ее родная сестра.

В доме, где они нашли себе приют, квартировала молодая актриса из Германии – Настасья Кински. Она плохо знала английский и попросила Деми читать для нее сценарии. Проглатывая объемные тексты, девочка, конечно же, воображала в главных ролях только себя. А в перерывах между чтением носилась на мотоцикле – худая, с развевающимися волосами, похожая на дикую злую кошку. «У меня было такое чувство, что я – ничто», – вспоминала актриса о тех временах.

В общем, в семнадцать лет Деми была обычной американской девочкой, живущей в провинции и мечтающей о карьере актрисы. Мать смеялась над ее мечтаниями и советовала почаще глядеться в зеркало. Красотой в том возрасте она и впрямь

не блистала: тощая, плоская, с торчащими ушами и странным взглядом – последствием перенесенного косоглазия, – она никак не вписывалась в привычный стандарт голливудских звезд.

Однако у маленькой мечтательницы было одно важное качество – уверенность в себе и умение добиваться поставленной цели. Для начала, чтобы избежать тирании истеричной матери, Деми сбежала из дома и, решив попробовать себя в модельном бизнесе, снялась обнаженной для нескольких эротических журналов. Правда, без особого успеха. Тогда она решила, что для достижения цели ей необходимы связи в шоу-бизнесе, и записалась в группу фанатов известного музыканта, вокалиста группы «Кэтс» Фредди Мура. Вскоре новоиспеченная поклонница была по уши влюблена в своего кумира, смотрела на него с восхищением, буквально по пятам преследовала его и делала всё, чтобы он ее заметил. Удивительно, но факт: из сотен фанаток рок-певец выделил именно ее, более того, оставил жену и двоих детей ради новой супруги.

Взяв фамилию мужа и превратившись в Деми Мур, девушка очень быстро разочаровалась в бывшем кумире, который попросту оказался самовлюбленным наркоманом. На протяжении трех лет они были вместе, связанные общим пристрастием к наркотикам и алкоголю. Не удивительно, что Деми стала

больше походить на собственную тень, нежели на перспективную соискательницу главных ролей на рынке киноиндустрии. Но, возможно, именно этот образ как раз и подходил для ее участия в телесериале «Главный госпиталь», помог молодой актрисе выбраться, наконец, из череды эпизодических ролей и хоть как-то обратить на себя внимание.

Совершенно очевидно, что уж одного-то режиссера она заставила обратить на нее очень пристальное внимание, в результате чего девушке удалось получить роль в фильме «Огни Святого Эльма». Джоэль Шумахер не только проявил отеческую заботу о попавшем в беду человеке, но и заставил ее завязать с наркотиками и алко-

лем, хотя по сценарию ей предстояло играть наркоманку. Деми, уставшая жить в мире иллюзий и бесперспективной погони за птицей счастья, была готова на все.

Пока она проходила курс реабилитации, ее супруг развлекался по полной программе с юными фанатками, о чем с гордостью сообщил Деми, как только та вышла из больницы. Разводу предшествовали многочисленные скандалы, но Мур уже стал для нее пройденным этапом. Тем более что на съемочной площадке, давшей старт многим голливудским звездам, актриса познакомилась с Эмилио Эстеви-сом, сыном известного актера Мартина Шина, старшим братом Чарли Шина.

Юноша мечтал стать режиссером и в 1987 году поставил свой первый фильм «Уиздом». Своего героя Джо Уиздома он представил как нового Робин Гуда, помогающего бедным, грабя богатых. Деми сыграла Кэрин, подружку Джо. Став его соучастницей как бы помимо своей воли, она затем полностью отдается увлекательной криминальной игре. Но мечта о помощи бедным лопается как мыльный пузырь, когда Кэрин убивает полицейского. Скрываясь от полиции, молодые люди совершают еще несколько преступлений и в конце концов погибают. После выхода фильма об этой актерской паре заговорила как о новых Бонни и Клайде, легендарных героях преступного мира прошлых

лет. Тем более что уже было объявлено о помолвке двух восходящих звезд, а сама актриса успела признаться журналистам: «Эстевиc был моей первой любовью».

Естественно, что на съемки своего нового фильма Эстевиc пригласил Деми Мур, которая сохранила за собой фамилию бывшего супруга, как бы показывая тем самым, что она не имеет ничего общего с кланом алкоголиков Гуайнс. Но интрига состояла в том, что одну из главных ролей Эмилио предложил Брюсу Уиллису. Откуда ему было знать, что еще на вечеринке, посвященной выходу в свет тех самых «Огней...», Деми и Брюс обозначили новый поворот своих жизненных путей. Девушка не могла не обратить внимания на обаятельного нахала, не сводившего с нее глаз. К тому же подруга подлила масла в огонь: «Это же Брюс Уиллис. Он настоящая звезда! Все женщины сходят по нему с ума». Ну а дальше случилось то, что обычно происходит между мужчиной и женщиной, когда у них возникает взаимная симпатия.

Однажды ночью Деми не вернулась к Эмилио, а утром, как ни в чем не бывало, пришла на съемочную площадку, чтобы оказаться в кадре в объятиях Брюса. Так продолжалось день за днем, обстановка становилась взрывоопасной, и однажды Эмилио, обиженный и терзаемый ревностью, после разборок с Деми ударил девушку по лицу. Тем же вечером Брюс взял

напрокат «кадиллак», посадил рядом любимую, стараясь не глядеть на лицо, сохранившее следы побоев, и укатил в Лас-Вегас, где они наскоро обвенчались, обменявшись кольцами. Придя утром на съемочную площадку, Брюс подошел к Эмилио и мощным ударом сбил его с ног. «Никто не смеет бить мою жену», – заявил он и покинул студию.

До знакомства с Брюсом Деми не была ни красавицей, ни высокооплачиваемой звездой. Собственно, она вообще никем не была – просто одна из многочисленных девиц, которые годами ждут настоящей роли, но так и остаются безликими героинями второсортных фильмов. Скорее всего, ей бы ничего не светило на конкурсе красоты, но она нравилась мужчинам. В ней было что-то беззащитное и мужественное одновременно, в ней была индивидуальность, потому что она была ни на кого не похожа.

Когда Уиллис и Мур поженились, в Голливуде не было ни одного человека, который поверил бы в прочность их брака. Брюс был пьяницей и скандалистом, бабником, не пропускающим ни одной юбки, к тому же весьма популярным благодаря главной роли в сериале «Детективное агентство «Лунный свет»», кстати, знакомого и российским телезрителям. Ни одна женщина не могла рассчитывать на его верность. Деми тоже была не ангелом и не церемонилась

в отношениях с мужчинами. Оба – и он и она – вышли из рабочей среды, всего добились сами и встретились как раз тогда, когда были в самом начале пути к успеху. Деми нашла в Брюсе то, чего так не хватало ей самой, – умение относиться к жизни легко и не переживать по поводу неудач. Они понимали друг друга с полуслова. Единственным препятствием на пути к счастью было совместное пьянство. И кто знает, когда и чем закончился бы их союз, если бы не беременность Деми. Думая о будущем ребенке, они оба решились на лечение от алкоголизма и отправились в закрытую наркологическую клинику.

Брюс перестал пить и волочиться за женщинами, его карьера резко пошла вверх: он вошел в десятку самых высокооплачиваемых актеров Америки, а его имя стало гарантией коммерческого успеха практически любого фильма с его участием. Сам же актер не переставал повторять, что самое главное в его жизни – жена и дочери.

Деми Мур подарила любимому супругу трех дочерей, она боготворила его и на сорокалетие пригласила из Лондона самого Тома Джонса. Ее желание доставить мужу удовольствие не остановил даже гонорар певца в десять тысяч долларов, не считая двух тысяч, которые он получил в виде подарков. Деми сама оплатила авиабилеты для гостей, истратив на это тридцать четыре тысячи

долларов, а еще пять тысяч стоили цветы, которые в этот вечер украшали их дом. Сам же юбиляр получил от любящей жены целый магазин подарков стоимостью шестьсот восемьдесят тысяч долларов.

В перерывах между родами Деми активно снималась, становилась знаменитой и богатой – ее гонорары росли даже быстрее, чем у Брюса. Целых одиннадцать лет их союз считался самым прочным в Голливуде, их семья стала для миллионов американцев символом счастья и процветания. А летом 1998 года как гром среди ясного неба разнеслась весть о том,

что звездная парочка разводится.

Что стало истинной причиной краха этой семейной идиллии, можно только догадываться, но, скорее всего, поводов для этого было достаточно. Конечно, Брюс чрезвычайно ревниво относился к успехам своей супруги – каждая ее удачная роль наносила болезненный укол его самолюбию. Серьезный конфликт разгорелся перед съемками картины «Стриптиз». Брюс был категорически против того, чтобы его жена обнажалась на экране. Однако Деми настояла на своем. После выхода фильма Брюсу пришлось выслушивать реплики типа: «Ну, ты настоящий счастливчик. Представляем, какие шоу закатывает тебе дома супруга». Оскорбленное самолюбие даже вынудило Брюса на время уйти из дома. Подобным образом он поступал впоследствии не раз, когда находился соответствующий повод.

По большому счету они не смогли уберечь свою любовь, разменяв ее на мелкие интрижки. Деми вдруг увлеклась юным Ди Каприо, Брюс в отместку откопал где-то точную копию молодой Деми – Мишель Хойт. Деми случайно обнаружила счета за квартиру в Нью-Йорке, которую муж снял для своей любовницы. А тут еще журналисты подлили масла в огонь, поместив на обложке одного из изданий фотографии Брюса и Мишель. Это случилось как раз

тогда, когда умирала от рака мать Деми. И хотя Брюс всячески поддерживал жену в это трудное время, она считала его поведение предательством и заявила, что разводится с ним.

После этого голливудская звезда решила уединиться в своем домике в горах Айдахо и целиком посвятить свою жизнь дочерям. Да, было время, когда Деми Мур вознамерилась уйти из кино и заняться воспитанием детей, превратившись в домохозяйку. «Но однажды я посмотрела в зеркало и не узнала себя, – говорит Мур. – Я выглядела старой и уставшей. И тогда я подумала, что нужно срочно заняться собой». На свое преображение она потратила более полумиллиона долларов и целый год. Она хотела снова стать двадцатилетней, а в наше время это всего лишь дело техники, ну и, конечно, денег. Естественно, не обошлось без диетолога (двадцать две тысячи долларов), инструктора по фитнесу (двадцать пять тысяч), инструктора по йоге (пятнадцать тысяч), персонального тренера по кик-боксингу (двасти тридцать тысяч), по сравнению с чем всевозможные процедуры, делающие лицо похожим на маску Нефертити, стоили просто копейки – каждая по четыре тысячи, поскольку их нужно было делать три раза в год. Не забыла Деми и о зубах – белоснежные фарфоровые коронки обошлись в шестнадцать тысяч, увеличение губ – в шесть тысяч, выкачивание из груди не-

модного уже силикона – в десять тысяч. Исчезло всё лишнее, в том числе и уродливые мужские мускулы, выращенные специально для роли в фильме «Солдат Джейн». Над созданием образа юной красавицы поработал лучший художник по макияжу, к которому присоединился стилист, подбиравший одежду, соответствующую новому имиджу. Гардероб же обошелся в четверть миллиона. Одна только покраска волос вылилась в шесть тысяч долларов. Но актриса считает, что она не переплатила.

Друзья понимают, зачем Деми пришлось пойти на такие траты и расстаться с двадцатью годами. Она не хочет быть выброшенной из кинобизнеса и играть в нем роль статистки. Ведь теперь она вполне конкурентоспособна и может на равных соперничать с молодыми и напористыми соискательницами славы. Вернув себе молодость и очарование, Деми вновь отправилась в Голливуд, с блеском исполнив роль злодейки во второй части популярного комедийного боевика «Ангелы Чарли» про трех девушек-суперагентов.

Став свободной женщиной, Деми обрела вторую молодость, а молодость, как известно, – время любви. Первой жертвой стал ее же инструктор по кик-боксингу Оливер Уиткомб, его сменил Ди Каприо, затем настала очередь его друга Тоби Магуайра, за ним последовал Гай Осери, владелец звукозапи-

Деми Мур, Брюс Уиллис, их дочь Талула Белль и Эштон Катчер на премьере "Ангелов Чарли-2"

сывающей фирмы, заработавший кучу денег на записи последнего альбома Мадонны. Среди бой-френдов побывал и Колин Фаррелл, но, как выяснилось, Мур интересовала его с одной-единственной целью – насолить ее бывшему мужу Брюсу Уиллису, с которым они подрыг разругались на съемках фильма «Война Харта». «Я уверена, большинство людей думает, что я – охотница за мужчинами. Это совсем не так. Я просто наслаждаюсь свободой», – скромно, но откровенно заявляет актриса.

Но если верить слухам, вскоре ее свободе наступит конец: Голливуд с нетерпением ожидает нового бракосочетания – сорокаоднолетняя красотка выходит замуж за своего юного бой-френда, двадцатипятилетнего актера

Эштона Катчера, знакомого нам по культовому молодежному кинохиту «Где моя тачка, чувак?». Для Эштона разница в возрасте вроде бы не имеет никакого значения, зато он стал необычайно популярен, его называют самым завидным холостяком в мире. А молодая, но умудренная опытом Деми Мур за фотографии первых поцелуев с любимым затребовала от журналов от пятидесяти до ста десяти тысяч долларов в зависимости от степени их откровенности. Что ж, это в ее духе, ведь, собственно, вся карьера актрисы построена на невинных шалостях. Вот такая она по жизни и есть, эта Деми Мур, – очаровательная, провокационная, непредсказуемая.

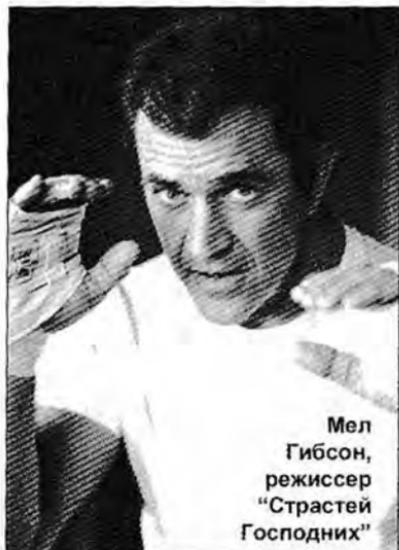
Ал. БРОДНИКОВ

НА МАЛОМ ЭКРАНЕ

Мел Гибсон поставил фильм «Об Иисусе Христе. Ничего не скажешь, мужают крутые парни Голливуда. Сначала футуристический экстремал *Mad Max* из одноименного фильма, потом наш современник, полицейский-экстремал из «Смертельного оружия». Тогда казалось, что актерский ресурс Гибсона выработан, дальше повторение пройденного и тупик. Но не тут-то было – в 1990 году Франко Дзеффирелли приглашает Гибсона на роль Гамлета в экранизации знаменитой драмы Вильяма Шекспира. Затем десять лет, которые не то чтобы потрясли мир, но показали большой диапазон актерских возможностей Гибсона – от комедий до экше-

нов (здесь и «Человек без лица», и «Выкуп», и «Теория заговора», но и «Маверик», и «Чего хотят женщины»). В 1995 году Гибсон дебютирует в режиссуре фильмом «Храброе сердце», в котором исполняет главную роль вождя шотландцев. Гибсон-режиссер выводит Гибсона-актера на прямую дорожку к «Оскару». И наконец в 1999 году в эпосе Роланда Эммериха «Патриот» он играет фермера Бенджамина, который становится подлинным героем войны американцев за независимость. Давайте согласимся, что герои и патриоты – это тоже экстремалы: они бесстрашны, обладают редкой силой духа, способны к самоотречению и подвигу «во имя».

Учитывая все вышеизложенное, на вопрос: что дальше? – Гибсон должен был ответить именно так, как ответил: фильмом об Иисусе Христе «**Страсти Господни**». Фильмом, который выйдет на экраны только 25 февраля одновременно в Америке и в большинстве стран Европы, но уже сейчас дает немало поводов для разночтений, дискуссий и упреков. Иначе, наверное, и быть не могло, потому что Гибсон, приступая к фильму о последних часах жизни Христа, анонсировал его, как «экстремальный». А что такое «экстремальный» в понимании актера, мы знаем, уже видели и в начале специально перечислили некоторые из его фильмов, чтобы ос-

Мел Гибсон, режиссер «Страстей Господних»

вежить вашу память. Мел Гибсон, принадлежащий к радикальному крылу католицизма, решил показать самым натуралистическим образом ту жестокость, унижение и насилие, которым был подвергнут назарянин после ареста. Далее: Гибсон решил заставить актеров играть на тех языках, на которых преимущественно говорили в то время – арамейский, греческий, древняя латынь, да еще при этом он подумывает запустить всю эту неперевожимую архаику даже без титров. Гибсон также решил совершить антиголливудский демарш, пригласив только итальянских актеров, причем не звезд. Исключение было сделано только для Моника Беллуччи, которая играет Марию Магдалину, и Джима Кавъезела, исполнителя главной роли Иисуса Христа. Естественно, в ответ на такую «упертость» большие студии Голливуда возмутились и сказали «нэт». Завиральных фанатерий Гибсона, не просто актера, а мегга-звезды, иконы голливудского кинематографа, не вынесли ни «Уорнер Бразерс», ни «Парамант», ни «XX век ФОКС», поэтому проект актера-режиссера стал принципиально независимым. Еще никто не видел ни кадра, но уже развернулась кампания обвинений в антисемитизме, инициированная евреями США. Характер журнальных выступлений был настолько жестким и непримиримым, что кинокомпания «ФОКС», согласившаяся было прокатывать фильм, вынуждена была отказаться. Прокат взяла на себя небольшая и супернезависимая прокатная фирма «NewMarket», которая прокаты-

«Страсти Господни»: Моника Беллуччи в роли Марии Магдалины

вала такие фильмы, как «Мементо», «Донни Дарко» и «Монстр» (см. дальше). Пока достоверно известно только одно: экстрим Гибсона-режиссера выразался в том, что он не щадил ни себя, ни других. Он снимал почти полностью обнаженных актеров, невзирая на ледяные ветры и песчаные бури, он работал сам и заставлял работать других вопреки бессонным ночам, с полной самоотдачей, страстно, на износ, потому что хотел максимально приблизиться к тем реальным обстоятельствам, которые взял за основу фильма. По свидетельству очевидцев, двух итальянских режиссеров-документалистов, снимавших фильм о фильме, в массе своей люди были солидарны с режиссером. Хотя были и те, кто не чаял сбе-

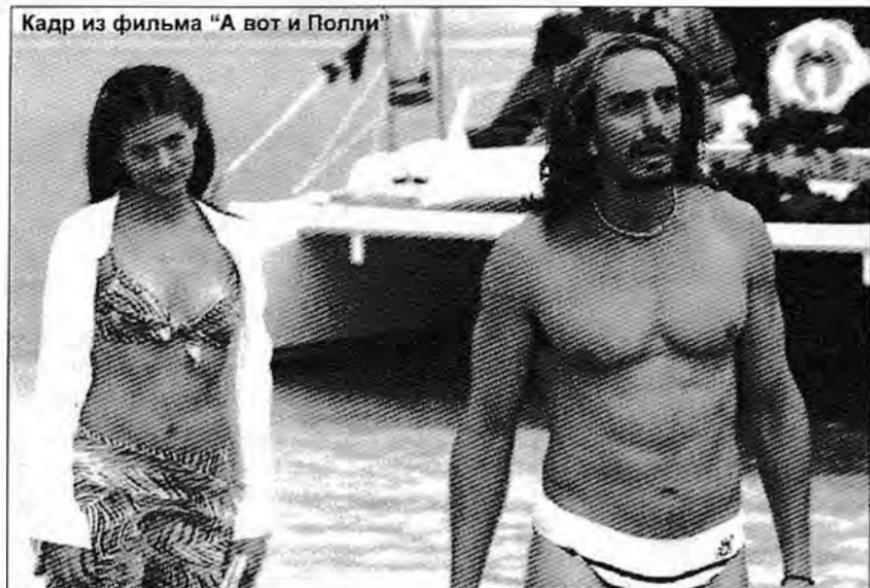
жать со съемочной площадки, равно как и те, кто, закончив свою часть работы, были не в силах оторваться от этого общего подвижнического творчества. Конечно, фильм беспощаден к Синедрону (совет старейшин в Иудее, осудивший Христа на смерть), что, впрочем, не отличает фильм от других известных картин об Иисусе, избежавших упреков в фанатизме и антисемитизме. Говорят, что Ватикан предложил Гибсону устроить так называемый предпремьерный показ с тем, чтобы внести в окончательный монтаж картины необходимые коррективы, но Гибсон отказался. Он заявил, что не хочет быть политкорректным, что хочет идти своим, «третьим» путем. Как это следует понимать? Гибсон имел в виду, что фильмы об Иисусе Христе делятся на две категории: первые иллюстративны в театрально-живописных традициях – «Иисус из Назарета» Франко Дзеффирелли, «Царь царей» Сесиль Де Милля; вторые используют тему для исследования современности, как это делал Пьер Паоло Пазолини в «Евангелии от Матфея», за что был обвинен в том, что его Иисус коммунист; или Норман Джуисон, предложивший хипповую версию в рок-опере «Иисус Христос-Суперстар»; или Мартин Скорсезе в «Последнем искушении Христа», взявший Иисуса как модель для исследования вечного конфликта божеского и человеческого, духовного и физического, нормального и исключительного в людской природе.

Вообще следует сказать, что не было ни одного сколько-ни-

будь заметного фильма об Иисусе Христе, который бы не подвергался критике и преследованиям со стороны церковных властей. В Евангелии говорится, что Христос – это «знак противоречий», и, наверное, настоящему художнику, думающему, анализирующему, именно этим он и интересен.

После столь серьезного и утомительного путешествия на съемочную площадку к Мелу Гибсону давайте радикально отвлечемся и посмотрим, над чем можно будет посмеяться в ближайшее время. Итак, комедии.

Новая комедия с участием звездных комических актеров Бена Стиллера и Дженнифер Энистон **«А вот и Полли»** заслуживает вашего внимания в первую очередь. Хотя надо заметить, что фильмы Бена Стиллера, одного из ведущих комиков Америки, получают то сверхположительные, то сверхотрицательные оценки, так что самого артиста следовало бы назвать «неровным», если бы не зрители, которые идут на его фильмы независимо от того, раздражены критики или воодушевлены. Стиллер собирает зрителей, зрители делают кассу, таким образом у продюсеров не возникает вопроса – делать ставку на Стиллера или нет. Критики не у дел. Дженнифер Энистон, известная по телесериалу «Друзья», а также как супруга Брэда Питта, тоже не новичок в комедии. Но несмотря на присутствие двух бесспорных звезд, фильм критикам активно не понравился. Их не вдохновила история любви некоего Рубена,

обожающего во всем идти на риск, и его школьной подружки Полли, которая как раз вовремя появилась в его жизни и вправила ему мозги, а то кто знает, куда бы влип этот рискованный парень. Один ядовитый журналист назвал «Полли» «картиной, в которой многое не вышло, – в том числе и сама картина». Юмор рецензенты называют не иначе как «сортирным», а один ехидный критик написал: «Полли пришла и ушла через канализацию». Но, повторю, критики могут друг перед другом упражняться в остроумии, зрители же отдадут явное предпочтение юмору Бена Стиллера.

Еще одна комедия с амурным флером – **«Выиграй свидание с Тедом Хэмилтоном»** с молодыми и малоизвестными актерами Кейт Босуорт и Джошем Дюамелем. Представьте себе типичный маленький сонный городок

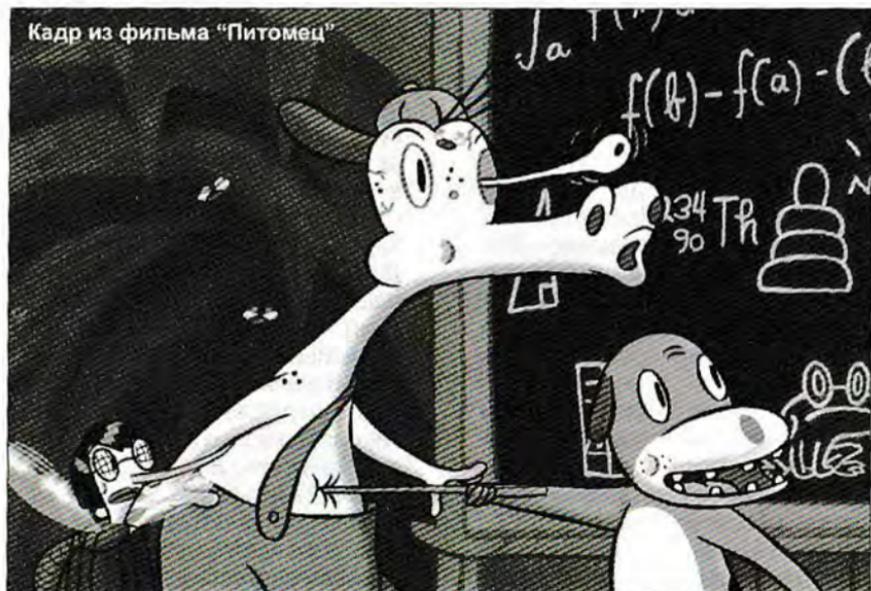
в Западной Вирджинии. Я не шушу, в американских фильмах мы видели сотни, тысячи таких городков, которые обычно снимаются в голливудских декорациях, так что представить будет совсем нетрудно. Девушка по имени Розали работает продавцом в супермаркете и однажды по Интернету выигрывает свидание со своим кумиром. Кумиром же оказывается кинозвезда Тед Хэмилтон, в роли которого дебютирует звезда телемыла Джош Дюамель. Тед, со своей стороны, решает воспользоваться ситуацией, превратив свидание в поклонницей в рекламный трюк, который поможет ему изменить амплуа «плохого парня» на противоположное. Пускайся на такую хитрость, он даже представить себе не мог, что: а) влюбится в свою поклонницу, обычную провинциальную продавщицу; и б) влегкую променяет свою славу и

звездную судьбу на роль ковбоя, живущего на заброшенном ранчо в Западной Вирджинии. Когда его менеджер и агент узнают о таком неслыханном демарше, они решают во что бы то ни стало вернуть Теда, дабы не платить неустойку продюсеру нового бойцовского фильма, с которым они подписали контракт. Вот такая весьма подробно рассказанная комедия. И тем не менее в ней есть еще: прекрасные актерские работы, оставшиеся за рамками пересказа; смешные диалоги; сказочность «навыорот», когда не Золушка (в нашем случае Золушк) становится принцессой, а наоборот – звезда спускается с небес, чтобы стать, как все мы, и жить повседневной жизнью своих многомиллионных поклонников. Вполне достойная просмотра комедия.

По разряду комедии можно посмотреть и новый мультфильм

«Любимчик учителей» (в нашем прокате, видимо, пойдет под названием «Питомец»). Веселый и остроумный мультителесериал для детей «Teacher's Pet», который много лет идет на американском телевидении и увенчан десятками премий, превратился в полнометражный мультипликационный фильм. Кинокомпания «Дисней» сделала ставку на прикольный юмор, обаятельных персонажей и старинную технику рисованной анимации. Главный герой фильма пес по кличке Спот в результате экспериментов полубезумного ученого превращается в человека по имени Скотт. Конечно, не «Собачее сердце», но ход тот же, со множеством возможностей даже для воспитательного детского фильма. В итоге просмотра можно констатировать: во-первых, рисованную мультипликацию хоронить еще рано; во-вто-

Кадр из фильма «Питомец»

Гвинет Пэлтроу
в фильме "Сильвия"

рых, изобретательность и остроумие, эти родовые свойства диснеевской мультипликации, не истреблены окончательно; в третьих, история, сделанная на двух уровнях, одновременно понятная детской и взрослой аудитории, вновь оказалась привлекательной для отличного семейного времяпрепровождения.

От комедий с амурным сюжетом перейдем к мелодрамам, которые не дадут вам возможности посмеяться, но зато позволят опустошить слезные мешочки. Хотя в случае с **«Сильвией»** у меня нет уверенности, что даже лучшая половина человечества, для коей жанр мелодрамы придуман, всплакнет над историей любви двух английских поэтов и супругов, Сильвии Плат и Теда Хьюза. Они познакомились в студенческие годы в холодном и уютном Кембридже, полюбили друг друга и поженились. Они поселились в холодной и уютной квартирке, где писали стихи: Тед – великие,

а Сильвия – обыкновенные. Во всяком случае, сама Сильвия именно так оценивала творчество мужа и свое собственное. Она не любила показывать свою поэзию критикам, хотя, когда это случалось, они неизменно хвалили ее стихи за красоту и гармонию. Она не стремилась к признанию, убежденная в том, что рядом с гением ей вообще не пристало заниматься рифмоплетством. Умные американские психоаналитики назвали бы ее поведение «заниженной самооценкой». Мораль такова: поэты, не женитесь на поэтессах. Ну и наоборот, конечно. Одной творческой единицы на семью обычно хватает с избытком. Иначе возникает то, что фатально погубило Сильвию: самоуничтожение, усугубленное комплексом нереализованности. Наверное, если бы эта история не была правдивой, ее никто не стал бы снимать и никто не пошел бы смотреть. Но поскольку у нас своих поэтесс хватает, которые и писали лучше, и судьбы которых были куда как

“Дом из песка и тумана”.
Внизу - знаменитый Бен Кингсли

драматичнее, то едва ли сентиментальный, но лишенный поэзии фильм о позах кого-то всерьез взволнует. Впрочем, поклонники Гвинет Пэлтроу, к числу которых я себя не отношу, возможно, захотят посмотреть новую работу тридцатилетней хорошистки, вполне достойную и на этот раз оценки «хор.».

Но если мои прогнозы насчет «Сильвии» окажутся верными, то, надеюсь, другая мелодрама **«Дом из песка и тумана»** вознаградит вас, милые дамы, с лихвой. Запаситесь не менее чем дюжиной бумажных платков, отправляясь на этот фильм, в котором сильные чувства, я бы даже сказала, страсти сыграны двумя блестящими актерами – красавицей и лауреатом премии «Оскар» Дженнифер Коннелли и превосходным Беном Кингсли, получившим некогда «Оскара» за фильм «Ганди». Коннелли играет

молодую женщину по имени Кэти, в прошлом алкоголичку, успешно излечившуюся, которую власти лишают ее дома, маленького бунгало на берегу моря. Виною тому какие-то финансовые, как потом выяснится, недоразумения. Дом продают иранскому полковнику, принужденному эмигрировать вместе со своей семьей в Америку. Для Кэти возвращение ее единственной собственности становится смыслом жизни. Но в дуэль с полковником вмешиваются чувства, которые, как мы знаем, имеют привычку «нечаянно нагрянуть». То, что Дженнифер Коннелли и Бен Кингсли великолепные драматические актеры, было известно и до этой первой их совместной работы. Но то, что они окажутся превосходными возлюбленными, не скрою, представить было трудно. Однако именно благодаря этому

Дженнифер
Коннелли

фильм, который создатели позиционировали как триллер, стал в действительности превосходной мелодрамой. И даже некоторый перебор с социальной проб-

лематикой, вроде алкоголизма, эмиграции и административного своеволия, не портит впечатления от картины.

Фабула картины **«Голова в облаках»** может быть определена двумя словами – «любовный треугольник». Но если следовать классическому толкованию, то «любовный треугольник» – это когда безоблачная любовь двоих подвергается искушению со стороны третьего (или третьей): либо у мужа, либо у жены появляется на стороне кто-то, к кому они начинают испытывать романтические чувства или непреодолимую страсть. Конфликт нарастает постепенно и может развиваться во что угодно: в мелодраму (это само собой!), в комедию, в драму и даже трагедию с насильственным летальным концом для одного из трех участников этой геометрической фигуры. В фильме режиссера Джона Дуигана «Голова в обла-

Чарлиз Террон и Пенелопа Круз
в фильме «Голова в облаках»

ках» треугольник понимается гораздо более современно, хотя действие фильма происходит в 1939 году в Париже накануне Второй мировой войны. Героиня Чарлиз Терон по имени Джильда, фотограф и женщина-вамп, завлекает в свои любовные сети испанку Миа (Пенелопа Крус) и ее возлюбленного студента Кембриджа по имени Гай (Стюарт Таунсенд). Режиссер уверяет, что Париж накануне войны, когда предчувствие грядущей катастрофы было болезненно-острым, жил напряженной чувственной жизнью, словно люди торопились успеть вкушать все самое запретное, снять все любовные табу, буквально раствориться в гедонизме и плотских наслаждениях. Таким образом, резюмирует режиссер, они заглушали свой страх. Это, конечно, объяснение допустимое, хотя тотчас возникают вопросы: а как же быть с соседней Испанией, где к тому времени уже полным ходом шла война? Но не будем слишком привередливы, в конце концов, кинематограф нас так редко радует красивыми любовными историями с красивыми актрисами, сгорающими в пылу страсти в объятиях друг друга. И какая разница, что фильм снимали не в Париже, а в Монреале, ибо бюджет в 20 миллионов долларов не позволил съемочной группе совершить круиз за океан, и какая разница, что режиссер подводит сомнительную идейную базу под свой амурный сюжет? Главное – есть клубничка, на которую наверняка найдутся любители. Может быть, я слишком строга? Чарлиз Терон получила немало хвалебных оце-

нок за свою актерскую работу, так что Пенелопа Крус, которая прислала подруге сценарий с предложением пуститься вдвоем в это любовное киноприключение, может гордиться своим метким выбором.

Скарлетт Йоханссон, о которой мы узнали совсем недавно благодаря фильму Софии Кополы «Погрешности в переводе», снялась еще в одной исторической мелодраме. Фильм называется **«Девушка с жемчужной сережкой»** – точно так же, как называется полотно голландского живописца Яна Вермера Делфтского, написанное в 1665 году. Снятый по одноименной книге Трейси Шевалье, фильм раскрывает тайну портрета девочки, которая, оказывается, была посудомойкой в доме Вермера. Однако глаз художника оказался таким проницательным, что увидел в голландской Золушке, в обязанности которой входило содержание в чистоте его костюма, очарование женственности и таинственную привлекательность девственности. Благодаря фильму вы также узнаете, что девочка с жемчужными серьгами ухитрилась не только стать источником вдохновения, но и объектом домашних ссор и жесточайшей ревности. Замечательная работа оператора и художника фильма позволит вам почувствовать себя частью художественного мира Вермера, который имел вкус к игре теней и света, атмосферы и человеческого характера. Я уверена, что люди образованные, по вечерам глядящие не столько «в ящик», сколько в хорошо издан-

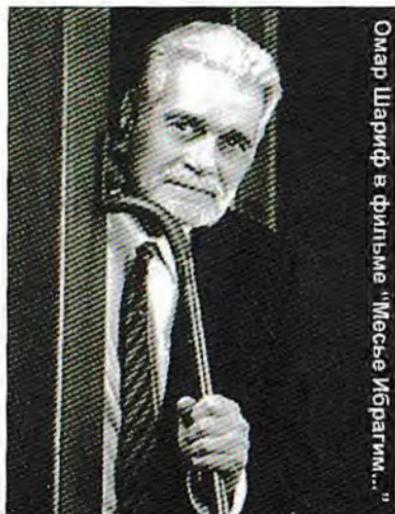

Кадр из фильма
"Девушка с жемчужной
серезжкой"

ные альбомы по живописи, с удовольствием посмотрят этот фильм. Глаз радуется, мозг отдыхает.

Французский фильм **«Месье Ибрагим и цветы Корана»** тоже очень трогательный, хотя в нем нет любовной истории, но есть крепкая мужская дружба мальчика и старика. Париж, шестидесятые годы. На улице Блёр встречаются двое – месье Ибрагим (Омар Шариф), мусульманин, наркоман, личность незаурядная, эксцентрическая, и парнишка по имени Момо, по национальности еврей. Постепенно между ними, совершенно разными, если не сказать противоположными людьми, возникает глубокое человеческое притяжение, благодаря чему месье Ибрагим узнает, что такое тепло сыновней любви, а Момо находит свою дорогу в жизни, чувствуя отеческую

опеку Ибрагима. Фильм, поставленный по рассказу Эрика-Эммануэля Шмидта, который с успехом идет на многих европейских театральных сценах, рассказывает обезоруживающе простую, почти фольклорную

Омар Шариф в фильме «Месье Ибрагим...»

историю. В сказках многих народов есть такая пара – старик и мальчик: один олицетворяет мудрость и опыт, другой наивность и чистоту. В фильме, конечно же, есть большее – например, религиозное и философское понимание жизни, которое разнит героев. Но пафос фильма в том, что вопреки этой «разности» они способны жить в мире, быть друзьями. Омар Шариф, которому сейчас 71 год, актер старой реалистической школы, немало игравший в европейском кино и настоящая душа фильма. Молодые люди едва ли его знают, многие годы он решительно отказывался от сценариев и фильмов, считая их ужасными, но час пробил, и актеру еще раз выпало счастье сыграть глубокий ха-

актер и заставить своих зрителей, сопереживая маленьким людям, подумать о том, как неправильно устроен большой мир.

С большим воодушевлением ожидается в американском прокате еще один фильм, дрейфующий между драмой и мелодрамой, – «Женщины с календаря» режиссера Найджела Коула. Фотография из календаря, на которой снялись шесть обнаженных женщин в возрасте за пятьдесят, уже обошла все популярные журналы. Она и в самом деле выглядит весьма приколочно, как сказала бы нынешняя молодежь. А история в фильме такова: типичные английские дамы, воспитанные в викторианских традициях, прекрасные кулинарки, цветоводы, вышивальщицы, искали способ

Героини фильма
«Женщины с календаря»

заработать деньги на йоркширский госпиталь, где лежат больные лейкемией. Мысль родилась странная, но, как оказалось, прибыльная. Они решили издать ежегодный календарь, где наряду с тортами, композициями из сухих цветов, рецептами яблочного джема была помещена фотография, о которой я уже упоминала выше. Любопытно, что история взята из реальной жизни. Шесть подруг не только сумели заработать для больных 600 тысяч фунтов стерлингов, продав три сотни тысяч календарей, но и прославиться аж в Голливуде. Поскольку у нас проблема благотворительности не так обнажена, думаю, фильм вызовет незначительный, чисто теоретический интерес. Хотя кто знает, может быть, идея укоренится и на нашей почве, и мы тоже получим календарь с обнаженными новыми русскими да-

мами, решившими поддержать, ну, например, Дом ребенка. Россия страна очень восприимчивая к чужому опыту.

Все еще жив старый испытанный вестерн. Режиссер Джон Ли Хэнкок снял одноименный римейк «Аламо» (1960), первого фильма, в котором знаменитый голливудский ковбой Джон Уэйн выступил в качестве режиссера. Настоящий образец мужского фильма, в котором реконструированы события 1836 года, когда в течение тринадцати дней мексиканская армия держала в осаде городок Аламо, в котором находились двести североамериканцев. Исторический колосс снимался в Техасе семь месяцев, из них целый месяц ушел на съемки битвы. За это время картину покинули режиссер Рон Хоуард, переметнувшийся на другой вестерн «Пропавший без

Кадр
из фильма
«Аламо»

Бен Аффлек в фильме
«Час расплаты»

вести» (см. предыдущий «Видеобзор»), актер Рассел Кроу, уступивший свое место Деннису Куэйд, и даже сценариста заменили, чтобы сделать фильм более политкорректным и не обидеть ни погибших в ходе чудовищных массовых убийств американцев, ни истреблявших их мексиканцев. Давние разборки на Дальнем Западе, возможно, кого-то заинтересуют и у нас.

Но вот триллеры, оставленные под финал, заинтересуют, полагаю, многих.

Фильм «Час расплаты» режиссера Джона Ву сравнивают с другой успешной его картиной – «Без лица». В обеих лентах в отличие от хайтековской «Матрицы» режиссер следует апробированным традициям хичкокковского хоррора. Пример классической научной фантастики и высокопрофессионального, интеллектуального и эмо-

ционального киностилля. Бен Аффлек играет инженера, который уступает свой мозг в пользование Мефистофелю, сильно напоминающему двойника Билла Гейтса (Аарон Экхарт), вследствие чего полностью утрачивает память. Чтобы вернуть себе себя, герой Аффлека вынужден обратиться к помощи другого ученого-гуманиста, роль которого играет Ума Турман. В фильме вы не найдете ни любовной истории, ни кровавых спецэффектов. Классический добропорядочный триллер, предполагающий, по формуле Хичкока, «1+1», т.е. одного убийцу и одного убитого. Рецензии на «фильм Бена Аффлека», как его окрестили критики, намного лучше, чем рецензии на его «худший фильм года» с экс-невестой Дженнифер Лопес «Джилли», но назвать их хорошими было бы слишком смело. Обыгрывая название фильма (в буквальном переводе

– «Платежный чек»), один критик замечает, что «нельзя винить Аффлека за то, что он получил свой чек за этот фильм. Количество нулей было так велико, что актер не удосужился прочесть сценарий». Критикам не угодишь: ругали «Матрицу» за перебор с компьютерными спецэффектами, теперь Джона Ву упрекают за их отсутствие – якобы «фильм выглядит дешевым, как будто авторам не хватило денег». Думаю, здесь вопрос в другом, а именно в том, как перестраивается наше зрительское сознание. Эффекты сообщают картине эффектность (слова то однокоренные). А их отсутствие делает ее в нашем представлении «скромной, неприязательной». Эффекты вытесняют человеческое содержание, но привлекают зрителей (т.е. человек). Противоречие усугубляется постоянной погоней за оригинальностью, кото-

рая противоположна классичности. Будучи поклонницей Хичкока, я очень надеюсь, что «деликатный хоррор» (так называл свой метод маэстро) не будет смыт потоками кровищи и что количество убиенных в фильме не превысит цифру, записанную в чеке Бена Аффлека.

И снова триллер и снова Чарлиз Терон, только на этот раз ужасная, отталкивающая, серийная убийца. Фильм **«Монстр»** – еще один хоррор «с человеческим лицом», если можно так выразиться. В основу картины положена реальная история проститутки Эйлин Уорнос, которая жила в штате Флорида в восьмидесятые годы прошлого века и тогда же укущила семерых своих клиентов, за что была приговорена к смертной казни, приведенной в исполнение в 2002 году. Мотив убийств всегда был один – деньги для себя и своей любовницы-

Чарлиз Террон

Кристина Риччи

лесбиянки, в роли которой Кристина Риччи. Серийную убийцу поймали только в 1991 году. В Чарлиз Терон вы ни за что не узнаете гламурную топ-модель, стильную актрису, очаровательную красавицу. Все, что она делает в этой ленте, по общему убеждению, не актерская игра, а полное перевоплощение. Терон абсолютно неузнаваема: мало того, что она поправилась почти на 20 кг, она сумела изменить психический облик, превратившись из старлетки в матерую, тупую убийцу. Со времен «Ревущего быка» Мартина Скорсезе, где Роберт Де Ниро, игравший боксера Джека Ла Мота, радикально изменил свои физические данные во имя максимального правдоподобия, на киноэкране не было такого впечатляющего перевоплощения. Метаморфоза актрисы Чарлиз Терон усиливает впечатление от устрашающего «Монстра». Волей-неволей возникает мысль о том, что патология уродует человека, меняет его личность до неузнаваемости. Уж если это случилось с хорошенькой старлеткой Терон на экране, то чего же ждать в жизни? Режиссеру Патти Дженкинс удалось снять впечатляющий фильм не только благодаря удачному выбору актрисы, но и точному попаданию в стилистику документального, то есть жизнеподобного кино.

Изрядное количество мелодрам, напомним, объясняется тем, что начало года – не самое прокатное время. Обычно к лету поспевают блокбастеры, которых в этом году обещают немало. Завершает работу Рональд

Брэд Питт
на съемках
«Троянской войны»

Эммерих («День независимости», «Годзилла») над новым апокалиптическим проектом «День, который наступит послезавтра»; к концу года поспеет грандиозный проект исторического пеплума о жизни завоевателя Александра Македонского, снятый Оливером Стоуном; Вольфганг Петерсон к середине лета обещает выпустить мифологическую «Троянскую войну» с Брэдом Питтом в главной роли; Антоин Фука экранизирует легенды о Короле Артуре и его рыцарях круглого стола. Как видите, скучать не придется. Надо только набраться немного терпения.

Елена НИКОЛАЕВА

И ПРЕЖНИХ ЛЕТ ВОЛНУЮЩИЕ ЛУНЫ...

Говорят, любопытство – мать всех пороков. А по-моему, наоборот: двигатель истории. Лично моей – наверняка. Чистое любопытство толкнуло меня узнать, что такое придумала руководитель Центра Высшей Магии Анжелика Долгополова, назвав свое изобретение «Лунные Карты». Познакомилась с нею самой и узнала столько интересного, что решила поделиться этим и с читателями журнала, совсем недавно прочитавшими статью о талисманах («Мы» №1 за этот год). А Анжелика, кроме всего прочего, талисманами и занимается... По своему опыту я поняла: если следовать ее советам, очень простым и не содержащим в себе ничего дурного, – жизнь станет куда лучше и интереснее. Впрочем, судите сами.

– Анжелика, новая ваша книга называется «Библия ведьмы». Вы – простите за прямой вопрос – ведьма?!

– Давайте сначала разберемся, кто такая ведьма. Само слово произошло от санскритского корня «вед» и означает всего-то навсего «ведающая», то есть «знающая». А в сознании многих людей ведьма – злущая баба, которая наводит на всех порчу. Такие легенды бытовали в Средние века и дошли до наших дней. Но если говорить всерьез, то я – маг. И не только по провозглашенному великим магом и философом Алистером Кроули принципу: «Любое действие, совершенное нами сознательно, уже есть магия», хотя это главный принцип для меня и он же становится глав-

ным для людей, которые обращаются ко мне за советом. Я работаю методами **внутренней** магии, а не внешней, поэтому называю себя Мастером Высшей Магии, чтобы подчеркнуть эту разницу. Мои средства – методики работы с сознанием и подсознанием на астральном и ментальном уровне, и это средства более высокого уровня, чем показные техники земного плана.

При слове «магия» люди обычно представляют, как некий волшебник при помощи если не палочки, то неких обрядов, узелков на нитках, сушеных травок сделает так, что сверхъестественным образом вы на халяву получите большие деньги или заставите кого-то полюбить себя. Так вот: магия – никакая не халява, и никто ничего за вас

не делает. Мы можем только помочь человеку совершить внутреннюю работу над собой, которая одна лишь и способна дать желанный результат. Истинная магия – никакие не внешние манипуляции, присушки-отсушки. Когда-то я тоже занималась и обрядовыми техниками, и заговорами, работала под псевдонимом Юлхэ... С этого начинала.

– Но вы рано поняли, в чем ваше предназначение?

– Мне с детства было ужасно интересно то, что считалось тайным, необычным, в том числе и то, что называлось словом «магия». Я ощущала это как некую иную реальность, в которой мне хотелось побывать и разгадать ее тайны. Например, на уроке русского языка в первом или втором классе учительница настойчиво пыталась объяснить мне, что солнце, как предмет неодушевленный, отвечает на вопрос «что?». Но я упорно возражала: солнце – не что, а кто, потому что оно живое. «Внутри него есть некий дух, как и у каждой планеты или звезды» – говорила я. А еще моим отличительным от сверстников качеством было то, что я решительно отказывалась принимать на веру те догмы, которыми нас зомбировали родители и школа. Все дети боялись учителей только потому, что детям внушали: их надо бояться. А я спокойно могла разгова-

ривать с ними, как с равными, а если какая-то маразматичка, которая сама в школе на тройки училась (как потом выяснилось от ее одноклассниц), начинала читать мораль, то я спокойно говорила ей в глаза, что я о ней думаю. Я всегда была уверена, я могу делать все, что захочу. Так что мне повезло быть сразу наделенной тем качеством, которое подходит обязательно иметь магу или ведьме. Маг – это тот, кто свободен от ограничивающих установок, поэтому он может себе это позволить. И никогда не делает того, что неправильно. Маги, ведьмы всегда считались асоциальными элементами, потому что не хотели вписываться в рамки общественных норм.

– А как проявлялся ваш интерес к магии в детстве?

– Конечно, ребенком я, как и все, представляла ее как некие чудеса и внешние изменения. И очень хотела найти источник знаний, найти «настоящих колдунов», которые передадут мне нужные знания и силу. Не понимала еще тогда, что сила Мага заключена в его внутренней свободе и что она уже была у меня, потому что для меня не существовало запретов (детям это намного проще!). Моя бабушка гадала на картах. От нее я научилась гадать, сначала на обычной колоде из тридцати шести карт. Гадала школьным подружкам, хорошо получалось. Но

уже в школе начала наблюдать за людьми, за теми законами, которые управляют их жизнью, проводила аналогии, например, строения коллектива и строения атома, свои наблюдения записывала в дневник. Можно сказать, что интересовалась психологией, но я бы назвала это видением законов жизни. Моя мечта осуществилась через несколько лет: начинала, естественно, с методов низшей магии, покупала книги с заговорами и обрядами, которые тогда только начинали продаваться. И в детстве не представляла, что мой интерес может стать делом жизни (не было же прежде такой профессии).

Как-то, услышав по радио о картах Таро, сразу поняла, что хочу научиться работать с ними. Но... поступила в университет на факультет прикладной математики. И только когда мне исполнилось девятнадцать лет, начала заниматься эзотерикой серьезно: нашла в книге обряд самостоятельного посвящения в Маги и выполнила его. А потом, кстати, узнала, что именно этот возраст – девятнадцать лет – считается солнечным посвящением, и после него как раз начинали свой путь в магию адепты многих оккультных учений... Вот тогда-то до меня и дошло: магия происходит внутри человека. Можно сказать,

в его голове (если точнее, то в подсознании и сознании). Магия – это изменение сознания человека. А под изменением сознания, говоря простым русским языком, я понимаю выбивание дури из башки.

– Люди, используя ваши Лунные Карты, делают свои прогнозы, а вы помогаете им их правильно интерпретировать, причем ваш прогноз часто выглядит более оптимистическим, чем тот, что вам прислан, хотя карты одни и те же. Чем это объясняется?

– Человек интерпретирует карты с точки зрения своего мировосприятия. И если оно оторвано от реальности, то восприятие карт будет субъективно. Поэтому правильность интерпретации расклада (это относится не только к Лунным Картам, но к любым видам прогнозирования: обычным гадальным, Таро, Рунам и так далее) любой может оценить очень просто: если сбился расклад, значит, все было понято правильно. Если нет – значит, ваши субъективные представления, жесткая картина мира, помешали воспринять информацию. То есть вы просто не захотели или не смогли ее увидеть.

Попробуйте начать с самого простого: сделать расклад на неделю, записать свой прогноз, а потом сравнить его с тем, что было на самом деле. В таком случае вы сразу увидите, что

в действительности означали для вас те или иные карты. А если вдруг где-то не совпало, будет интересно сравнить: как вы пытались умом воспринять эту карту и что она значила для вас на самом деле. Это даст повод для размышлений. Тем, кто хочет заниматься прогнозированием (обычно его называют гаданием), очень полезен наш талисман на развитие интуиции – один из многих, которые мы делаем по заказам наших читателей и посетителей нашего сайта.

Часто спрашивают, чем отличаются одни талисманы от других, какой из талисманов лучше выбрать. На сайте мы подробно отвечаем на этот вопрос, а сейчас скажу коротко. Талисманы разные: на удачу в бизнесе, в делах; на богатство (повышение уровня доходов); на продвижение в карьере; на увеличение внутренней энергии, магической силы, способствующий тому, что все ваши желания реализуются быстрее; на защиту семьи или любовных отношений; на привлекательность – причем он вызывает к вам симпатию даже со стороны клиентов, если ваша работа связана с людьми, если вам предстоит конкурс, собеседование, экзамен, выступление на публике; на любовь... Последний обычно действует так: появляется человек в вашей жизни, который именно и только вам подходит, тот, кто вам нужен – ваша «половинка». Знакомство может произойти со-

вершенно случайно, или вдруг появляется человек, с которым вы были раньше знакомы.

Приведу пример. Л. приобрела у нас талисман на любовь и нахождение своей половинки. После этого она совершенно случайно через Интернет вступила в переписку с женщиной, и оказалось, что они были давно знакомы, это ее одноклассник. Кроме того, оказалось, что и живет он где-то поблизости. Сейчас они вместе. Л. сказала мне, что этот человек действительно подходит ей во всех отношениях, и удивительно, что только через Интернет она нашла того, кто уже много лет был рядом, но она его не замечала...

– Так случилось и у меня: стоило приобрести у вас в Центре талисман, нашелся друг, который пропадал аж на восемь лет: мы переехали, потом он переехал, потеряли друг друга. Так что на собственной семье, можно сказать, проверена действенность талисмана. Но ведь они не простые у вас – вы индивидуально их заряжаете?

– Да, каждый делается с ориентацией на имя заказчика, его натальную карту (проще говоря – дату рождения). И каждый специально заряжается. Талисман, если он заряжен, сработает в любом случае, так как в нем заложена программа. Но тут есть важное условие: вы не

должны своими мыслями вмешиваться в его работу, то есть каждый день контролировать, что происходит, изменилось ли что-то. В вашем случае талисман сработал именно поэтому: вы не ждали немедленного результата, не могли просчитать такого развития событий. Оптимальный вариант: положить талисман в нужное место и вообще забыть о нем. А если думать о талисмানে, то только с твердой уверенностью, что он работает. Поэтому, если вы даже приобрели заряженный талисман, но только и делаете, что каждый день ждете результата, да еще с мрачными мыслями о своей проблеме, то вы сами помешаете ему сработать.

Но надо помнить еще, что талисман сам по себе не делает все за вас, он просто поможет убрать мешающие энергетические блоки, запустит в вашем подсознании программу на успех. Будучи заряженным в определенное время, он привлечет вам на помощь нужные космические энергии. Вот этим наши талисманы отличаются от тех, что можно приобрести в магазинах... Они делаются из особого состава, по свойствам близки к камню, красивые, цветные с руническими знаками. Для каждого конкретного талисмана в инструкции указано, где он должен храниться и как инициализироваться, то есть – побуждаться вами к действию. Срок действия талисмана – минимум год. Но результаты его работы начнут

проявляться уже в ближайšie недели после того, как вы его получите. Заказать талисман можно по адресу: <mailto:talisman@themagic.ru>.

– Вы говорите о позитивном восприятии мира. А если не везет, да к тому же еще – разложишь карты или руны и видишь, что и тут – негативные... Откуда взяться позитивному мышлению? Моя подруга – очень хорошая художница, но ее картины практически не продаются. Я сделала ей расклад – выпали нехорошие карты, одна даже смерть могла означать, другая – чью-то зависть, что в творческих профессиях случается нередко и сильно портит жизнь. И что же я должна была ей сказать?

– На самом деле нет «плохих» карт и «хороших». А подруге – да и себе заодно – надо сказать следующее. Человек сам формирует для себя картину мира и получает соответствующий мир вокруг себя. Меня всегда поражало, почему же многим так нравится видеть мир в черном свете. Видимо, очень удобно сваливать ответственность на судьбу, на невезение, на других людей, которые только и делают, что наводят порчу. Потому что в этом случае ничего делать не надо: вроде бы все бесполезно, от нас же ничего не зависит...

Если же человек вдруг поймет, что только ОН САМ и никто другой создал этот мир для себя, тогда ведь придется что-то МЕНЯТЬ!

ЭТО ЖЕ ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ НАДО! Ну, не спешите паниковать. Есть и другой выход: создали сами этот мир для себя, так просто честно признайте, что он вас устраивает, и прекратите жаловаться на проблемы.

Если же он вас все-таки не устраивает, так действия от вас потребуются не внешние – внешней пустой активности и так вокруг достаточно, от нее ничего не меняется. Нет, менять мир в этом случае придется ИЗНУТРИ.

Вы видели фильм «Матрица»? Вот он – как раз про нашу жизнь. Как толпы зомбированных людей живут в иллюзорном мире, компьютерной виртуальной реальности, созданной искусственным разумом, поработившим человечество, а думают, что живут в мире реальном. В фильме один из представителей искусственного разума рассказывает, что они сначала создали для людей виртуальный мир без всяких проблем, идеальный, который соответствовал многовековым утопическим мечтам людей о рае. Но оказалось, что не хотят люди жить в таком мире! И в реальной жизни так же – многие никак не хотят расставаться со своим черным миром и видят только то, что хотят увидеть. Почему из всего контекста значений карты сразу надо видеть только смерть?

Далее – порча. Значит, я не виновата и не в силах ничего сделать! Такая негативная установка. Вот эта уста-

новка и вызывает «невозможность». У вашей подруги она действительно просто как бетонная плита. Да, тут она права, никакой талисман ей не поможет. Пока она сама не захочет выкинуть свою иллюзию из головы. Работая с теми, кто приходит в наш центр, я сразу же пытаюсь выявить внутренние причины, почему идет такой негативный прогноз для человека. Могу и вас, и любого научить, как это делать, – попробуйте! Порча – если даже она и есть в каких-то случаях, так значит, в самом человеке есть некая установка, которая вход этой порче открывает. Подобное притягивается подобным. Есть у человека установка на невезение – так она и внешнюю энергию невезения притянет.

– Хорошо, ну, не порча, ну, скажем, приворот на человека сделан – вы же не станете отрицать, что это для него вредно и безнравственно, а главное – от него самого тут ничего не зависит: он ведь не знает об этом...

– Что касается происхождения несчастий, болезней, вызванных якобы порчей или приворотом, так это собственное бессознательное человека эти процессы запускает. Если душевное состояние человека оставляет желать лучшего, если у него внутренние метания, – что же удивляться, что и на физическом плане проблемы

идут? Впрочем, я очень много – и положительного, и отрицательного – написала о приворотах в своей новой книге, так что просто отошлю вас и читателей журнала к ней – к чему повторяться?

– *Для большинства молодых людей, прежде всего подростков, всегда актуальна и болезненна тема знакомства. Многие боятся сами подойти... Девушки, как правило, считают, что женщина должна ждать, пока мужчина проявит к ней внимание. Как лучше вести себя, на ваш взгляд?*

– Интересно! Вы спрашиваете о девушках, а в моей почте больше вопросов такого типа от мужчин: «Я знаю, что нравлюсь одной девушке, она мне тоже очень нравится, даже более того... Но мы никак не можем начать встречаться с ней, будто что-то мешает, есть какая-то преграда... Помогите, дайте совет!»

Причина здесь может быть в том, что и этот парень, и эта девушка – оба не хотят делать первого шага, а ждут инициативы от другого. При чем у них одинаковый энергетический уровень. А когда уровень одинаковый, никто не может выступить с инициативой. Обычно люди знакомятся благодаря общим интересам или увлечениям, и разговор о таких интересах – всегда самый хороший повод для завязывания отношений. Нужно найти эту об-

щую точку соприкосновения, отыскать эти общие интересы, общие взгляды, общие стремления в жизни. Если же их совсем нет, тогда у отношений нет перспективы. Любовь, эмоции... хорошо, конечно, но на них долго не протянешь, ведь это область чувств, а человек живет в земном реальном мире. Без общих интересов может существовать только пара разного уровня, например, мужественный муж – и жена, которая нуждается в надежной опоре в жизни, сильным мужчине, который подпитывает ее финансами и энергетически. Или, наоборот, мягкий мужчина под опекой сильной женщины-мамы. У них могут быть и совершенно не пересекающиеся интересы, но они гармонично дополняют друг друга энергетически, потому и держится их союз.

– *А если, несмотря ни на что, человек остается одиноким... Можно ли найти в этом одиночестве душевный комфорт? Ведь люди отчаянно боятся одиночества...*

– Нужно отбросить страх одиночества. Да, я одна или один, ну и что? Мне интересно наедине с собой, мою жизнь наполняют различные увлечения, моя работа...

– *Но если таковых нет?*

– Тогда их обязательно стоит завести. Потому как должно быть что-то лично ва-

ше. Если этого нет, то где же вы? Все люди притягиваются к тому, кто представляет собой личность, хоть какую-нибудь, но со своей индивидуальностью. Потому что кармический смысл всех контактов между людьми – обмен информацией для обогащения опыта нашей высшей сущности, нашего духа. Каждый человек – носитель определенной информации, а если у человека ничего, как говорится, «за душой» нет, чем с ним обмениваться? Очень важно научиться быть счастливым и самому по себе. Потому что если этого нет, вы и рядом с партнером будете ощущать себя одинокой или одиноким...

В первую очередь нужно любить себя такими, какие мы есть: здоровый эгоизм и восхищение собственной персоной – вот что стоит развивать в себе, не занимаясь самокопанием! И вообще меньше думать, а больше заниматься делом. Думайте о том деле или увлечении, которое вас интересует, а тоскливое размышление о своей персоне – самое вредное, что только может быть в жизни человека. Это отрыв от реальности. Каждый человек интересен именно своими особенностями, какими бы они не были. Множество психологических исследований уже доказали: люди, думающие таким образом, всегда счастливы в личной жизни. Но что самое главное: счастливы те, кто находится рядом с таки-

ми людьми. Потому что такие люди излучают энергию и настоящую, пусть даже приземленную, радость, а не возвышенную печаль и тяжелые эмоции. Мы воплощены на земле в физическом теле. Поэтому должны получать земные радости и, ища связи с Высшим, не терять связь и с землей.

Посмотрите на кошку, на собаку. У них нет психологических проблем, потому что они живут своими естественными потребностями. А человеку разум дан тоже не затем, чтобы думать только о своей персоне, выискивая недостатки. Потому что нет таких понятий, как плохие и хорошие качества человека: все качества равны и все нужны. Любое самоосуждение – это отрыв от реальности. Вместо того чтобы контактировать с реальными людьми и что-то делать для них реально, не задумываясь об этом, вы занимаетесь самодеструкцией, растрачивая на него свою жизнь.

– И еще один наболевший вопрос – о верности в любви, Насколько я могу судить, понятия «верность в любви» для вас не существует...

– Это так. Желание верности есть не что иное, как проявление чувства собственности, подсознательного желания власти и получения эмоциональной энергии. Конечно, ничего особо страшного в этом нет, так как практически у всех нас есть подобные желания,

поэтому не надо стыдиться признать их, если они есть.

В идеале любовь предполагает, что вы не требуете эмоциональной энергии от партнера, а даете ее сами. А по магическому принципу – какую энергию вы направляете на человека, такую получите от него. То есть любовь не может быть не взаимной! Часто причиной измены в семье становится именно недополучение мужчиной любви на эмоциональном уровне, эгоистическая позиция женщины. Жена думает, что любит мужа, но именно ДУМАЕТ, то есть направляет на него энергию ментального уровня. Женщина начинает рассуждать: а достаточно ли он меня любит? Если я проявлю любовь, что я получу взамен? И вот муж ищет на стороне недостающий источник эмоциональной энергии. Любовь же эмоционального уровня бескорыстна, она не ждет ответной реакции, а просто выплескивается на партнера. Когда ум вмешивается, он только все портит. Точно так же, в свою очередь, путают эмоциональную энергию с сексуальной: получают секс, а подсознательно желают получить любовь.

Желание верности, ревность проистекают от недостаточной любви к себе (отсюда желание получить ее от других) и недостаточной уверенности в себе (отсюда попытка утвердиться за счет власти над другим), от самоограничения своей свободы (отсюда ограничение свобо-

ды другого). В противном случае человек бы даже не задумывался о подобных вещах: тот, кто ценит свою свободу, никогда не будет ограничивать свободу другого человека. Тот, кто любит себя и уверен в себе, автоматически получает любовь других, ему не надо этого требовать. В любви думать вредно! Если вы постоянно думаете о партнере, анализируете ваши отношения, партнер чувствует давление, зависимость. И пытается сбежать от него на сторону. Измена – часто знак протеста против попытки ограничить свободу.

Что касается ревности, она допустима, если идет от эмоций, а не от ума. Иногда ревность полезно проявить в игровой форме, но тут многое зависит от характера вашего партнера. Некоторые люди не выносят, когда их ревнуют, другие, наоборот, воспринимают это как знак небезразличия, им это приятно.

Жизнь постоянно подкидывает нам самые разные вопросы, и мы готовы помочь вам найти на них верный ответ. А еще приглашаю всех на наш – Центра Высшей Магии – сайт www.themagic.ru – там вы узнаете, какие мы можем сделать лично для каждого из вас талисманы, чем можем еще быть вам полезны. Буду рада каждому новому гостю и обещаю каждому внимание и заботу.

**Беседу вела
Наталья ВАСИЛЬКОВА**

НОВОСТИ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА,

ИЛИ

ВО ЧТО БЫ НАМ СЫГРАТЬ?

ПЕТКА 4: ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

Требования к оборудованию:

Процессор Pentium 200 МГц
и выше
Оперативная память 32 Мб
8-скоростной CD-ROM
Свободное пространство
на диске 500 Мб
Совместимая с DirectX
видеокарта с 4 Мб памяти
Звуковая карта, совместимая
с DirectX
Дополнительно DirectX 8, 1
Управление – клавиатура, мышь
Windows 98/2000/ME/XP

Похоже, что скоро количество серий в популярном игровом сериале о приключениях легендарного комдива Василия Ива-

ныча и его ординарца Петьки сравняется с количеством анекдотов на эту же тему. Но это и понятно: это ж наши народные любимцы. И поэтому нисколько не удивительно, что весь сериал про Петьку (или, как его называют в чатах, «ПиВИЧ») – это один большой анекдот. Таким он был задуман и увидел свет еще в стенах компании «S.K.I.F.», таким остается и по сей день, сменив к третьей серии разработчика на «Сатурн-плюс», которой мы и обязаны частью четвертой.

Несмотря на то, что с момента появления первой части прошло уже несколько лет, все четыре части выдержаны в едином пародийно-сатирическом ключе и воспринимаются как единое целое. Куда только с тех пор не забрасывала судьба – по воле разработчиков игры – Чапаева с Петькой! И галактику нашу они спасали (они ее в каждой игре спасают) от злобных инопланетян, и в Терминатора играли, устраивая бедной Америке судный день, и вызволяли с Аляски свое родное Гадюкино. А теперь для них настал «День независимости».

Но несмотря на все их многочисленные приключения, ничему не научились наши герои

за все это время. Они так и не сумели как следует разобраться, как все-таки работает этот чертов аппарат под названием «Машина времени», который достался им от инопланетян. Ну не получается у Петьки управлять им как следует. Вечно попадают куда-то не туда. Вот и в этот раз не повезло. Так хотелось ветеранам квестовых приключений попасть обратно из будущего в прошлое, свое, родное. Так хотелось обратно в Россию. Так ведь нет, снова неудача. Промахнулись опять. И вместо родного Гадюкина оказались они в летающей тарелке, которая, по счастью, именно в Россию и держит путь. И что удивительно – именно в районе любимого Гадюкина эта тарелочка и причалить собирается.

Успокоились было, совсем расслабились, ну вроде как «попутку» поймали, а зря.

По своей красноармейской привычке отправились на разведку, и выяснили: за бортом 2050 год, температура воздуха нормальная, поют птички, светит солнце, Россия поднялась из руин и является единственной в мире сверхдержавой. Только вот непонятно, что эти инопланетяне опять задумали, для чего в Россию намылились? В результате умелых боевых действий легендарного комдива и его боевого товарища удастся нашим героям выяснить: у инопланетян есть к России имущественные претензии. Давным-давно царь Иван Грозный (ну, помните, тот, что Иван Васильевич) заключил с ино-

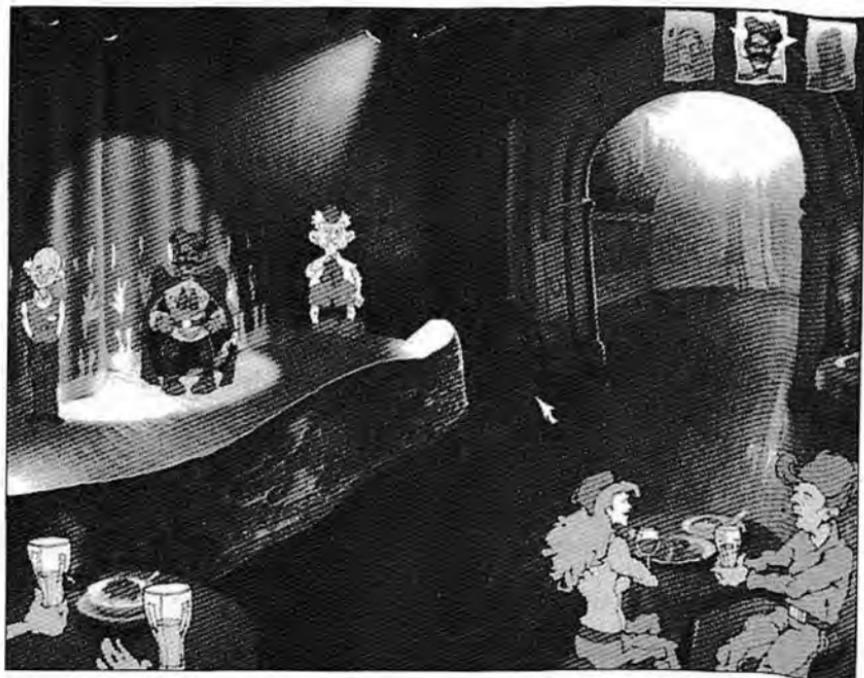
планетными супостатами договор. Они, эти черти инопланетные, помогают ему, самодержцу Российскому, при взятии Казани. За эту помощь причитается им к выплате нехилая сумма в 2050 году. Договор оформлен по всей форме (на берестяной грамоте) и хранится в историческом музее.

Время расплаты пришло, за прошедшие столетия проценты набегали, и сумма достигла астрономической величины. Родное Отечество в опасности! И единственный способ спасти Россию – снова воспользоваться машиной времени.

Вам вместе с Петькой и Василием Ивановичем (Анка присоединится к вам чуть позже) нужно срочно отправиться в прошлое. Вариантов у вас (вместе

с вашими любимыми героями) всего два – либо сорвать подписание договора, либо (Казань-то жалко отдавать обратно) просто слегка подправить эту грамоту.

С точки же зрения игрового процесса, четвертая часть ничем не отличается от третьей. Графика так же превосходна, даже значительно усовершенствована со времени «Петьки 3». В ней все так же достаточно юмора и по-прежнему присутствуют абсолютно нелогичные задачки. Это все тот же так полюбившийся нам «русский квест» с его неспешными переходами из одной локации в другую и поисками какой-нибудь очередной ерудовой штуковины. Вещь эта совершенно непонятно зачем нужна, но с ее по-

мощью потом можно будет что-нибудь открутить или повернуть, сломать или, наоборот, починить, зажечь или погасить. Как всегда, вас ждет нескончаемое количество приключений, и чтобы везде успеть, вам придется освоить нуль-джампер для быстрых перемещений во времени и пространстве. Вы побываете в совершенно непонятных местах, вам придется послужить в армии, а за попытку откосячить от нее – посидеть в сумасшедшем доме (где медсестрой работает симпатичная Анна Сергеевна). В конце концов вы окажетесь в Москве шестнадцатого века, мало отличающейся от современной, где, наконец, и встретитесь лицом к лицу с Иваном Грозным. И все это время Петька и Василий Иванович бу-

дут рядом с вами и обсудят между собой каждое ваше правильное и особенно неправильное действие.

Продолжение знаменитой игровой серии, несомненно, порадует поклонников квестов превосходной двухмерной графикой, веселыми остроумными шутками и, конечно, новыми приключениями полюбившихся легендарных героев: Петьки, Василия Ивановича и Анки. И если вы из их числа, то смело вступайте в борьбу за восстановление межгалактической справедливости. Перед вами отступают и время и пространство. Когда рядом с вами такие герои, вам все по плечу – даже изменить прошлое.

Наталья ЯКОВЛЕВА

ИЩУ ДРУГА

В марте этого года друзья поздравляли с шестнадцатилетием свою подругу Катю. Но Кате, видимо, мало тех друзей, какие есть, – иначе, наверное, она не стала бы писать нам письмо. «Хочу найти друзей мужского пола. Возраст не имеет значения!» Да, видно, с парнями в деревне Грядцы совсем плохо: не растут они, что ли, на местных грядках? Катя любит читать, танцевать, слушать музыку в исполнении красавцев-SMASH'евцев, себя считает романтиком. И еще – очень не любит скучать. А без парней – какое же веселье? Пишите, ребята: *Морозова Катя, д. Грядцы Торопецкого р-на Тверской обл., 172853.*

А вот и другая Катя – тоже 16-летняя и тоже хочет переписываться с парнями (предпочитает тех, кто служит в армии, в возрасте 16-19 лет. Полковники и майоры не нужны). «Я обаятельная брюнетка с чувством юмора, по знаку Зодиака Овен. Любимого музыкального направления нет. Иногда пишу стихи, люблю читать и не могу обходиться без природы. Надеюсь получить высшее медицинское образование».

Михайлова Екатерина, с. Вотolino Демянского р-на Новгородской обл., 175330.

«Меня зовут Инна, мне 15 лет, по знаку Зодиака Скорпион. По натуре – уравновешенная, понимающая и романтическая. Люблю читать детективы, слушать музыку и рисовать комиксы. Обожаю кошек».

Инна, ул. Первомайская, 43 – 1, Карса Воткинского р-на, Республика Удмуртия, 427411.

19-летний Дима хотел бы найти друзей по переписке из

разных уголков России. «Про себя: увлекаюсь спортом и никогда не сижу на одном месте». Правильно, Дима: одно место надо беречь смолоду. Шутка!

Дмитрий, абон. ящик № 37, Москва, 117452.

«Мне 15 лет. Живу в маленьком селе, учусь в десятом классе. Люблю природу, увлекаюсь спортом. В людях ценю честность, преданность, чувство юмора, доброту, настойчивость. Люблю песни под гитару, сама пою. Хотела бы переписываться с ребятами, которые служат в армии».

Щекатурова Лена, ул. Школьная, д. 20, с. Гилевка Завьяловского р-на Алтайского края, 658511.

А вот у другой Лены, 16-летней, проблемы, похоже, посерьезней. «SOS! Я схожу с ума по Италии и итальянскому футболу! Все вокруг считают меня сумасшедшей, никто не понимает. Но я надеюсь, что есть такой человек, который меня поймет и напишет мне!»

Усова Лена, ул. Чапаева, д. 11А, комн. 80, г. Саратов, 410056.

Парни из армии у девушек прямо нарасхват! Вот и 17-летняя Алена просит их (особенно тех, кто увлекается спортом) написать ей. Алена любит футбол, бокс и фигурное катание, читает французские романы, из музыки предпочитает Шакиру, Кристину Агилеру, Аврил Лавинь. «В свободное время сочиняю стихи, готовлю разные вкусные блюда, ухаживаю за цветами, увлекаюсь вязанием и шитьем. Изучаю французский язык, хочу выучиться на дизайнера».

Сартакова Алена, ул. 22-го Партсъезда, д. 23, кв. 3, г. Куртамыш Курганской обл., 641430.

«Мне 17 лет, зовут Мария. Я не очень постоянный человек в своих увлечениях – их у меня очень много, но в итоге получается, что я ничем конкретным не занимаюсь. Но в дружбе очень постоянна и преданна. Мой друг может быть кем угодно и каким угодно, главное, чтобы он меня понимал».

Пальчикова Мария, ул. Карельская, д. 7, кв. 70, г. Костомукша, Республика Карелия, 186930.

«Ищу друзей среди поклонников фильма «Матрица». Также мое письмо адресовано тем, с кем жизнь поступает жестоко за их мировоззрение и неординарность. Ребята!

Объявим войну одиночеству! Пишите мне, единомышленники!»

Храпова Екатерина, ул. Свободы, д. 34, кв. 49, Москва, 125364.

«Мне 15 лет, я – бойкая, шустрая девчонка с веселым характером. Очень хочу найти друзей по переписке. Люблю веселые компании, обожаю летними вечерами посидеть у костра. Хорошо играю на гитаре. И, конечно же, не могу жить без рока и рэпа».

Альбина, ул. Солнечная, д. 23, с. Бураево, Республика Башкортостан, 452960.

Николаю 16 лет, он пишет стихи – пока еще, увы, несовершенные, но мы надеемся, что дальше у него будет получаться лучше. Он хотел бы переписываться с теми, кто разделяет его увлечения, а они таковы: он любит фантастику, учится играть на гитаре, увлекается психологией.

Гагилев Николай, ул. Степная, д. 16, с. Сестры Ивантевского р-на Саратовской обл., 413963.

«Перед вами открывают Все читатели сердца, Потому что они знают: Если «Мы!» – то навсегда!» Такой вот мадригал в честь нашего журнала сочинила 15-летняя Марина, которая любит спорить, слушать музыку, петь и танцевать, бывать на природе. «Я очень упрямая, прикольная и в то же время серьезная, смешная. Со мной не соскучишься!»

Гребенкина Мария, пер. Совхозный, д. 12, г. Заринск Алтайского края, 659106.

Ксения, наверное, самая «взрослая» из наших сегодняшних клиентов – ей уже 23 года. «Хотела бы найти подружку по переписке приблизительно моего возраста. Мое хобби – кулинария, люблю слушать музыку, верю в гадания и гороскопы. В людях ценю искренность, честность, скромность и доброту».

Ксения, абон. ящик № 9, г. Новоуральск-5 Свердловской обл., 624135.

«Меня зовут Юля, я очень хочу найти друзей по переписке. Я люблю рисовать, слушать музыку, писать рассказы, стихи и тексты песен, ходить на дискотеку. Напишите мне, если у вас есть проблемы, нет друзей, меланхоличное настроение – я постараюсь помочь. Или ты просто хочешь познакомиться...»

Андреянова Юлия, Лоссиновское шоссе, д. 22, корп. 1, кв. 152, г. Петрозаводск, 185014.

«Мне 14 лет, хочу переписываться с парнями и девочками от 14 до 17 лет. О себе: слушаю музыку (люблю «Чай вдвоем»), обожаю КВН, есть любимые команды. Хотела бы, чтобы мне написали нерусские ребята – лишь бы русский язык знали».

Зоя, ул. Железнодорожная, д. 20, п. Гуамка Апшеронского р-на Краснодарского края, 352662.

ВАШИХ ПИСЕМ ЖДУТ:

Надя, ул. Малая Садовая, д. 6, кв. 58, г. Железнодорожск Красноярского края, 662973. 16 лет, по знаку Зодиака Весы, любит «Rammstein», пишет стихи, увлекается психологией.

Манагарова Настя, ул. Южная, д. 3, кв. 6, х. Садки-1 Красносулинского р-на Ростовской обл., 346388. 14 лет, по знаку Зодиака Рыбы, любит животных, музыку, танцевать и играть в волейбол.

Ленц Марина, ул. Зеленая, д. 5, кв. 2, с. Кронштадтка Спасского р-на Приморского края, 692207. 15 лет, по знаку Зодиака Рыбы, любит музыку (особенно группу «Многоotchие»), слушать песни под гитару и веселые компании.

Наташа, ул. Гоголя, д. 57, кв. 5, г. Минусинск Красноярского края, 662608. 17 лет, увлекается шейпингом и ведет здоровый образ жизни. «Обожаю красивых, спортивных, умных молодых людей. Напишите!»

Виринская Саша, ул. Терешкова, д. 2, кв. 4, с. Очуровка Николаевского р-на Волгоградской обл., 404048. 16 лет, по знаку Зодиака Рыбы, любит читать, музыкальных пристрастий нет.

Оксана, ул. Гагарина, абон. ящик № 29, г. Байкальск Иркутской обл., 665932. 18 лет. «Обожаю рэп и рэперов, ищу себе подобных».

**ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!
ЖДЕМ НОВЫХ ПИСЕМ!**

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

В процессе отмечания Международного Женского дня пришла нашим юмористам в голову такая неожиданная мысль: а как все же они, юмористы, относятся к лучшей половине человечества?

Сперва все завопили: да мы! Да наших женщин! Да на руках! Пылинки сдувать! Но потом, одумавшись и прочитав собранный к празднику материал, закручинились: да, юмористы всегда и во всем остаются юмористами. Даже к женщинам они относятся с юмором. Вот, к примеру, какой стишок сочинил женолоб Илья Вайнштейн, что родом из екатеринбургской «Красной бурды»:

Рано утром тихонько привстану,
Посмотрю на любимой чело,
На ее красоту без изъяну.
Как, родная, тебе повезло!

Разогрею на завтрак котлету,
Тихо чаю в стаканы налью...
Пусть ума в голове твоей нету,
Но тебя без ума я люблю!

Вот так-то. Сдул, понимаешь, пылинки. На пьедестал поставил. А уж что классик Аркадий Инин и неклассик Дмитрий Кочетков написали... Людей бы постыдились! Но всё равно – «женские» рассказы и стихи, а также «научная статья» показались нам достаточно забавными, чтобы ими в мартовском номере поздравить наших прекрасных дам с праздником. И пусть не обижаются на своих мужчин – чего с них, глупеньких, взять? Зато с ними – веселее!

БАБЫ!

Обращение лучшей половины к самой себе

Дорогие сестры!

Матери и дочери, жены и любовницы, работницы, колхозницы, интеллигентки!

К вам обращаюсь я, солдатки и матроски, старшинки и офицерки, генералки и адмиралки великой армии российских баб!

Подруги!

Родина – в опасности! Мы – у черты. И незачем бегать и искать, кто виноват. Ибо виноваты – мы! Многие годы мы были дуры. Под влиянием народных сказаний и картин Васнецова мы ждали милостей от мужика. И в процессе ожидания не заметили, что ждать уже не от кого, ибо мужик в стране исчез как класс. Потому что то, что вползает по вечерам в дом с перекошенной харей и урчащим желудком, не есть мужик! Это – побочный продукт того, что мы строили.

Правда, раскопки показывают: мужик в стране был. Но самых лучших мы потеряли в Гражданскую, самых достойных – в Отечественную. Последних нормальных мужиков правительство забросило в космос и выпихнуло на Запад.

С кем остались мы?

Пока мы здесь клали шпалы, месили бетон и рожали в условиях, в которых не рождает даже медведица, нас вели эти, которые, с одной стороны, конечно, не женщины, но с другой – назвать их мужиками, значит, плюнуть себе в лицо. Нам достались алкаши и депутаты – при одном взгляде на которых у кормящих скисает молоко. Они теперь дорвались до своих трибун и еще сто лет будут орать, плевать друг на друга и разбираться – кто какой партии, кто какой нации, а кто просто козел...

Девки! От этих ждать больше нечего. И пора понять: Родину продали не большевики, не троцкисты, не сионисты, не кооператоры. Ее продали все мужики! Это они продали нефть, лес, уголь и на эти деньги устроили всесоюзную пьянку, а чтобы добить нас окончательно, еще и борьбу с пьянкой.

Они предали нас! Они лишили нас улыбок! Сегодня наша баба улыбается, только если ей меньше трех и больше восьмидесяти – когда она еще ничего не знает и уже ничего не понимает.

И у них еще хватает наглости нами гордиться! Конечно, кое-чего мы добились. Одна из наших стала летчицей, другая – чемпионка по лыжам, потому что так и не смогла купить другой обуви. Третья удачно вышла замуж и занималась культурой за всех нас. Эти могут отдыхать.

Но остальным пора действовать!

Образовать всероссийский союз баб! А лучше фронт. И поставить перед ними ультиматум: или они дают нам власть – или мы им не да-

ем!.. Эта мера в Древней Греции имела громадный политический эффект. Твердо договориться – и никаких. Исключение сделать для спецаза добровольцев с целью привлечения твердой валюты.

Пусть знают: время работает на нас! Благодаря науке скоро вообще можно будет обходиться без них, добиваясь того же эффекта, но без запаха перегара.

И чтоб прекратили эту гулянку в нашу честь Восьмого марта! В этот день от них особенно тошнит.

Подруги! Все в наших руках. Вчера было рано, сегодня еще можно! Опираясь друг на друга, мы вылезем!

За нас – природа. С нами – дети. Потому что не с ними же они!

Мы пойдем другим путем. Ибо путь спасения страны – прост. Это путь от бабы – к женщине.

Пройдем его – победим!

Аркадий ИНИН

ЖЕНЩИНА И УМ

А зачем женщине ум?

Это не я спрашиваю. Это так кокетливо вопрошают хорошенькие женщины, утверждая, что им достаточно и красоты.

Но они, конечно, лукавят. Конечно, они просто напрашиваются на комплимент. Мол, что вы, что вы – вы не только чертовски красивы, но и дьявольски умны!

«У обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, а у необыкновенной – сколько у двух куриц». Так сказал Конфуций.

И все! Лучше Конфуция не скажешь, хуже женщину не обидишь.

Надеюсь, после этого китайца мои умствования насчет женского ума покажутся совершенно безобидными.

Ум женщины (если все же признать у нее наличие такового) – это природой заложенное в ней понимание взаимосвязи

вещей и явлений, которое формулируется очень просто: женщина всегда права.

А если женщина не права, то это проблема мужчины. Которую ему и решать.

Более того, о многих вещах и явлениях женщина вообще не думает – она и так знает, как все должно быть.

И с этого знания ее не собьет никакой, пусть самый умный мужчина.

Кстати, подлинно умный мужчина тот, у которого хватает ума не требовать ума от женщины.

А подлинно умная женщина та, которая не афиширует свой ум.

Вот классическая реприза: «Какой умный мой муж! Он размышляет над глобальными проблемами: расширение НАТО, отношения с Международным валютным фондом, санкции против Саддама Хусейна... А я – дурочка, я решаю всякие пустяки: какая должна быть мебель, куда

поехать на отдых, что купить – мужу мотоцикл или мне шубу...»

Любят ли мужчины умных женщин? Чего греха таить – нет, не любят.

А любят ли женщины умных мужчин? И здесь таить нечего – да, любят.

Вот такой парадокс.

Хотя что уж тут парадоксального – все ищут то, чего им самим не хватает.

Правда, остается загадкой отражение этой темы в фольклоре. Который, в свою очередь, является отражением жизни. Абсолютно непонятно, почему Иван – традиционно дурак, а Василиса – наоборот, премудрая?

Можно долго спорить, есть ли у женщины ум. Но бесспорно одно: даже если у женщины ум есть,

то он у нее есть только до той поры, пока не заговорит ее сердце.

А когда начинаются сердечные дела, женщина творит глупость за глупостью, множит ошибку на ошибку, вытворяет такое, что кажется, будто у нее не функционирует не только ум, но и просто рассудок.

В общем, немало умных мужчин пытались разобраться с феноменом ума женщины, однако никому это до конца не удалось.

Однако ближе всех к истине все-таки подобрался немецкий писатель Иоганн Пауль Фридрих Рихтер.

Имя у него было длинное, но формулировал он кратко: «У женщины все – сердце. Даже голова».

ХВОСТ ВЕЕРОМ

Интеллектуалки, блин. Особенно в очках которые. Особенно с уклоном в педагогику.

Кошмар, клинический случай!

Я тут как-то с одной... Ну, мы в гостях были. Я и училка эта – каждый сам по себе. Там и познакомились. Естественно, то – се. Шампанское, водочка. Напросился в провожатые. Блин! Чего я под этим делом таким джентльменом сразу становлюсь? Клинический случай!

Ладно, идем. Там, сверчки под кустами, луна-паразитка прямо в морду светит. Комары, опять же. Недурственно, в общем. К тому же эта, которая в очках, под руку меня волокет. «Ага! – кумекаю про себя, – продолженьице намечается, значит».

И вдруг она, это...

– Стихов, – говорит, – хочу. Душа, – говорит, – поэзии невыносимо просит. Прямо лопну щас!

Ага! Я сразу хвост веером.

– Мне ли, – говорю, – стихов не знать! Да сколько угодно, – говорю, – их есть у меня, как сказал поэт. Слушайте!

И брякнул первое, что в голову пришло. Говорю:

*За Наташкой волочился,
Путался с Ларисою,
А теперь вот докатился:
Только пью и писаю.*

Ага, прямо так и сказал. Этими самыми словами. Да еще прибавил для куражу:

– Это, – говорю, – я сам сочинил. Своими собственными мозгами.

Блин! Она аж споткнулась. Руку у меня из подмышки выдернула, спрашивает:

– Это вы про самого себя, что ли?

– В каком, – уточняю, – смысле?

– Ну... в этом, – туманно намекает она. Мол, если не дурак, сам догадаешься, сукин кот.

А чего догадываться-то? После водки с шампанским ни черта догадывалка не работает.

– Если, – говорю, – вы насчет пьянки, то выпить я действительно могу. Но только в хорошей компании. А если насчет режущего ваше нежное ухо слова «писаю», то в данный момент у меня все в полном порядке. Сухо, чисто и надежно. Другие вопросы, – интересуюсь, – имеются?

Блин! Не было у нее больше вопросов никаких.

– Вы, – говорит, – пошляк и хам. Не провожайте меня дальше! Извините за компанию!

Во как... Кошмар, клинический случай. Чего ей на ум взбрело...

Интеллектуалки эти, особенно в очках которые, – хуже нет. Мне б попроще чего.

Кстати, я тут вчера с одной... Ну, познакомились, то – се. Дура дурой.

– Заходите, – говорит, – ко мне вечерком, часиков в девять. Чайку попьем!

Я зашел. По пути в магазине вишневый рулет купил. К чаю. Она дверь открывает – я говорю:

– Добрый вечер! Я с рулетом!

Она глазками хлоп-хлоп.

– Летом? – удивляется. – А зимой, – спрашивает, – вы чем занимаетесь?

Милое дело! С юмором женщина.

Блин!

Вот что значит – без очков и без образования. Совсем не то, что эти интеллектуалки, в очках которые.

Если попробовать одним словом охарактеризовать стихи, которые погрузили в Телегу наши уважаемые поэты, то можно сказать так: лирика Сергея Сомова и Александра Попова – разоблачительная, негодующая; а стихотворение Инны Савельевой, напротив, – грустное, сочувственное. Что и объяснимо. Мужчинам ведь Золушек никогда не понять (если они, конечно, не принцы с хрустальной туфелькой). Им дай соколом полетать...

Сергей СОМОВ

* * *

Если б я умел летать как птица,
Скажем так: как сокол молодой,
То вполне могло бы получиться
Заприметить Клаву под собой.

И тогда, как все тупые бабы,
Кто сумел полет заметить мой,
Эта дура восхищенно замерла бы
С запрокинутою глупой головой.

И вот тут, за все мои страдания,
От которых свет уже не мил,
Я бы сверху точным попаданием
Ей за всё жестоко отмстил.

Инна САВЕЛЬЕВА

ФЕЯ И ЗОЛУШКИ

Бедненькая Золушка ишачила как вол,
Целый день как проклятая терла грязный пол,
Ведрами вытаскивала мусор из крупы,
Мыла, кочегарила, готовила супы.
Фея сердобольная бедняжке помогла:
На прикид потратилась и замуж отдала.

Но ведь кто-то должен был Золушку сменить –
Печь топить, стирать, варить и в доме все чинить,
Фея сердобольная должна и тут прийти
И батрачку новую от тягостей спасти.
Если бы всех Золушек спасти она взялась,
В доме поселилась бы отчаянная грязь.

Лучше б эта Фея свою палочку взяла
И во всех домах порядок вечный навела.
Только Фее чистенькой до лампочки наш сор,
И святые Золушки ишачат до сих пор.

Александр ПОПОВ

* * *

Зачем предмет резиновый
Нашли вы, девки, в озере?
Зачем играть с ним начали?
Зачем его не бросили?

Отдали предпочтение
Игрушке легкомысленной!
Что только с ним не делали –
Кидали, мяли, тискали!

Пренебрегли работою
В коровниках, в свинарниках,
Резвились по-субботнему
В невысохших купальниках!

Не ведая о времени,
Не думая о мальчиках,
Играли девки в озере
С приплывшим мокрым мячиком!

Ну что ж, дошло дело и до науки. А как же без нее? Ведь лирика, эмоции – это прекрасно. Как заметил один поэт,

*Прекрасное чувство воспето
Укупником, Байроном, Фетом...*

Но ведь не Укупнику одному за всех отдуваться. Строго научно подошел к женской проблеме Евгений Зубарев, автор «Красной бурды». Он-то уж досконально разобрался в женщинах, в их родах, видах и окраске. Но судя по тому, что предполагаемый заработок он уже отстегнул своей жене, источник его вдохновения ясен...

Евгений ЗУБАРЕВ

ЧЕМ ИНТЕРЕСНЫ ЖЕНЩИНЫ И ПОЧЕМУ ИХ СЕЙЧАС ОХРАНЯЮТ?

Женщина – крупный хищник с ярко окрашенной внешностью, обладающий большой силой, ловкостью и грацией. Местное население многих стран панически боится женщин, считая их существами загадочными и непредсказуемыми. Женщин часто обожествляют, поклоняются их изображениям, дарят им разные безделушки. Зачастую на женщинах женятся, однако чаще всего их просто любят.

Почему же женщин нужно охранять, если они нападают даже на людей? В первую очередь – по чисто практическим соображениям. Взаимоотношение «хищник – жертва» – один из важнейших путей эволюции цивилизации.

Говоря проще – без женщин люди дуреют. Очевидно, что женщины играют определенную роль в равновесии природы, и необходимо заботиться о том, чтобы они не исчезли из нашей жизни.

В некоторых странах, например, в Америке и Швеции, правительства приводят активную работу по акклиматизации женщин.

ВНЕШНИЙ ВИД. СТРОЕНИЕ

Длина тела женщины, обитающей в Российской Федерации, в среднем составляет 150-180 см, задней ступни – 25-30 см, длина уха – около 7 см.

Тело женщины вытянуто снизу вверх, голова небольшая, округлая, конечности опушены слабо, хвоста нет. Окраска шерстяного покрова может быть весьма разнообразной, но преобладают блондинки, брюнетки и рыжие. Рыжие также бывают еще конопатыми и вредными.

Женщина может издавать разнообразные звуки. Это как короткие, низкие звуки, так и более высокие и протяжные. Иногда эти звуки похожи на кашель, но чаще – на тяжелые вздохи. Раздраженная женщина урчит и фыркает, но, попав в капкан, лежит обычно молча.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ИСТОРИЯ ВИДА

Официальная наука воздерживается от комментариев по поводу происхождения женщин. Существует мнение, что женщины были всегда, но некоторые специалисты утверждают обратное, подчеркивая недавно открытую закономерность – там, где водятся женщины, обычно тут же заводятся и дети. Это явление еще ждет своих первооткрывателей.

АРЕАЛ И ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЕГО ФАКТОРЫ

Женщины распространены практически во всех частях света. В городах их больше, чем в пустынях, а на курортах еще больше, чем в городах.

Типичный обитатель тропиков, пляжей и чайных, женщина мало приспособлена к снежному покрову и отрицательным температурам, хотя некоторые исследователи утверждают, что встречали женщин даже в космосе, где, как известно, жизни нет.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ ВИДА

Широко расселившись по всем материкам и приспособившись к обитанию в различных условиях, женщина образовала множество подвидов. К настоящему времени в литературе описаны четыре разновидности женщин: кисоньки, лапоньки, пупсики и пышечки. Тем не менее известный австрийский специалист по женщинам Зигмунд Фрейд утверждал, что существуют лишь три категории женщин – жены, любовницы и прочие. С ним, однако, категорически не согласны марксисты-ленинцы, предложившие иное разделение – на доярок и колхозниц. Неразбериха с классификацией женщин до сих пор приводит к сексуальным бунтам и революциям, что отрицательно сказывается на самочувствии людей.

ПИТАНИЕ

Питание женщин весьма разнообразно. Они нападают на всё живое – от омаров по-нюбугски до клубничного ликера. Петербургская разновидность женщины предпочитает рыбу, соленые орешки, шоколад.

Мелких животных женщина поедает довольно быстро, особенно если достаточно голодна. Более крупных сначала ошдипывает, но потом всё равно поедает. В один присест женщина может съесть целую коробку шоколадных конфет.

Когда женщины сыты, они могут поиграть со своей добычей, заявив, что они сидят на диете. В этом случае добыча прячется в укромных местах, например, в холодильнике.

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОХРАНЕ И ВОСПРОИЗВОДСТВУ

Женщина – одно из красивейших существ в мире, украшение наших гор, лесов, машин и квартир. Она представляет также большую научную и художественную ценность.

Чтобы уберечь женщину от полного истребления, необходимо проводить массу дорогостоящих, но необходимых мероприятий. В малокормные для женщин годы их следует подкармливать, а также обувать и одевать.

Многие специалисты советуют водить женщин в театры, сбербанки и, что особенно важно, – в магазины. Давно замечено – в тех районах страны, где магазинов нет, количество женщин весьма незначительно.

В некоторых странах, особенно на Ближнем и Среднем Востоке, женщин пытаются разводить в неволе, создавая так называемые гаремы. К сожалению, в наших условиях этот опыт не прижился.

Во всех районах, где встречается женщина, нужно проводить широкую пропаганду в ее защиту. Именно с этой целью в нашей стране регулярно отмечается Международный Женский день и именно с этой целью написана эта заметка.

Гонорар прошу перечислить моей жене.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МЫ»

Я подписываюсь на журнал «МЫ» на 2004 год на следующие номера:

4 5 6 7 8 9 10 11 12

и плачу _____ рублей

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

_____ индекс _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

_____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

_____

КОМПАКТ-ИЗВЕСТИЯ

Жанна АГУЗАРОВА
«BACK 2 FUTURE»
2003

Взбалмошная марсианка Жанна Агузарова решила-таки сбросить на головы изумленных землян с трудом выщербленный ею звуковой сколок с ничего не подзревающей о таком вероломстве красной планеты. Альбом прошел, к сожалению, почти не замеченным: не было ни полноценной презентации, ни должной рекламы, ни большого концерта.

Обидно и больно: чудной новосибирской девушке дан Богом фантастический талант и столь же фантастически плохая голова. Единственная крупная удача Агузаровой в грамзаписи – выпущенный в конце восьмидесятых «Русский альбом». Очень свежий, стильный и продвинутый для того времени. Казалось бы, куй железо... Но артистка все профукала. Не захотела работать с группой

«Браво», выведшей ее на космическую поп-орбиту, презрела протекцию всесильной Пугачевой, уехав зачем-то в Америку петь по ресторанам ее задушевные шлягеры (потому что своего репертуара было до обидного мало). Потом, конечно, вернулась. И – что удивительно – поезд ее не ушел, его, наоборот, все как будто с нетерпением ждали. Следует серия потрясающих концертов, в том числе с всё простившим ей «бравым» Евгением Хавтаном, но Жанна не оценила ни расположения к ней талантливых коллег, по-прежнему желавших активно музичировать с ней, ни жарких оваций благодарной публики. Все чаще проявляются симптомы ее «марсианской» болезни: она требует самолетов (и чуть ли не космических ракет) с собственным портретом, красит волосы в непотребные цвета, надевает диких расцветок сарафаны и вычурно уродливые башмаки на метровой платформе, а в немногочисленных интервью несет форменную околесицу, демонстрируя какие-то убогие рисунки, намалеванные словно детской рукой. Крупные концертные площадки певица игнорирует, предпочитая им камерные залы «спальных» районов и закутки затхлых ночных клубов. Казалось, от нее никто уже ничего не ждет.

Новый альбом Жанны, к счастью, несколько поправляет ее пошатнувшееся реноме. К чести певицы, творчество (в иско-

ном понимании этого слова) она не забросила. Голос ее звучит столь же изящно, звонко и необычайно легко. Но еще большей похвалы заслуживает тот факт, что Агузарова параллельно с извечной страстью к экспериментам и поиску свежего для нее музыкального языка явно не хочет отказываться от прежних рок-н-ролльных находок и красивых лирических композиций. В новых песнях альбома мы найдем элементы постпанка («Каждый»), припопсованного хард-рока с вкраплениями этники («Майя»), психоделии («Плоскогорье Лэй»), мягкого техно-дэнса («Цифры», «Счастье придет», «Мальчик в теннисных туфлях»).

Тексты этих песен большей частью не имеют никакой полезной нагрузки, а призваны, видимо, подтвердить «марсианское» прошлое неукротимой Жанны и продемонстрировать ее отменную дикцию. Вот один из образчиков: «Когда властвует шторм, когда ненавистен штиль, на плоскогорье Лэй великолепные дни, В новую Луну Лэй открывается тому, чей след исчез в плену угнетающей ночи». Есть, правда, и весьма забавные (но от этого не менее актуальные, и не только для Агузаровой) вирши, вроде: «Каждый хочет сказать, что молот, каждый хочет быть крепким на вид, но кто же, но кто же проблеме здоровья решит?» Действительно, Жанночка, никто, кроме нас. Вопрос в другом: как заставить «двуногих тварей» повернуться лицом к здоровому образу жизни?

Впрочем, добрую половину диска составляют хорошо знакомые и любимые песни. Это и от-

носительно новая «Прогулка», и давнишние «А слова мои всегда просты», «День за днем», «В чем дело?», и старенький пугачевский шедевр «В городе моем»... Но не в новых версиях, как следовало ожидать, а в старых, заигранных фонограммах. Пересведен только визитный шлягер Агузаровой «Верю я», с которым она так блистательно заявила о себе на фестивале «Рок-панорама-86». Однако нынешний ремикс из-за примитивного компьютерного сопровождения сильно уступает оригинальной версии. Включены в альбом также ремейки «робертинолореттиевского» «Вернись в Сорренто» и легендарного шульженковского «Синего платочка», где Жанна досадно ошиблась в произношении слова «страна» (она поет: «Нежные речи, девичьи плечи помнят в страде боевой»). Почему же не переписала? Или звукорежиссер постеснялся попросить об этом звезду-инопланетянку?

Однако есть на пластинке и сюрприз. Это исполненные в стиле примитивного электронного диско... «Белые розы» из репертуара душки Юры Шатунова. Правда, кармическая «нездешность» певицы сыграла здесь только позитивную роль: «Розы» счастливо расцвели на тарбарском языке, отдаленно напоминающем английский. И как же здорово сочетаются они с хрестоматийным имиджем милой чудачки, носящей имя давнишней песенной стюардессы! Может, стоит перепеть еще и «Ксюшу – юбочку из плюша», какого-нибудь «Бухгалтера» или, на худой конец, «Два кусочка колбаски»? Вот будет веселуха.

**«ЧАЙФ»
«48»**

«Мистерия звука», 2003

Как много болтали, твердили: рок схлынул, рок-н-ролл уронили. Не верьте циникам. «ЧайФ» – это кайф. И не надо цифирь заваривать да винтом ширяться. Вдвиньте в глейер пластиночку с цифрами «48», и вам станет хорошо. Беспокойный романтик, опытный сердцеед, гроза Африки и меткий стрелок по мозгам Владимир Шахрин не устает жить, творить и радовать публику сочными образами, энергетическими мелодиями и... таким соблазнительным графоманством. Ну как не процитировать вот эту, например, фразу: «За полшага до постели мы с тобой все же успели К окончанью представленья незаметной тихой тенью, Мы с тобою долетели до назначенной нам цели, До секретной нашей точки, до последней в песне строчки Пробежать по коридору, слышишь стук – стучат затворы, Затворяют мысли в рамки, продвигают пешки в дамки». Чудо! А вы говорите – шифровки Штирлица, азбука

Морзе! Да они просто отдыхают на фоне подобной секретной звукописи. Послушаем дальше и словим кайф не меньший: «Мы в прозрачной коммуналке не завидно и не жалко по команде гасим свечи, мои руки, твои плечи». Впрочем, хватит: Виктор Степанович Черномырдин, наверно, весь обикался...

А вообще-то непоколебимый Шахрин (или Шахрисабс, как некоторые за глаза величают его по названию знаменитого узбекского города) – героический человек. Посмотрите-ка: БГ ушел в буддизм и заумь, Шевчук все борется с «фанерщиками» и Киркоровым, Кинчев поет свое бесконечное «Веретено», а он – новые хиты стругает и молодится. Прямо человек-Париж. Впрочем, коллеги его тоже не подводят. В записи диска «48», помимо постоянных членов «ЧайФа» Владимира Бегунова (гитара), Вячеслава Двинина (бас-гитара) и Валерия Северина (барабаны), принимали участие более двадцати (!) приглашенных музыкантов. Здесь и скрипачи, виолончелист, и мощная духовая группа, включающая трубы, тромбоны, кларнет, саксофон, фагот, валторну, гобой и даже... английский рожок. Кто еще в этот сумасшедше дорогой век может позволить себе такую роскошь? Ну разве что Макаревич.

...Первый альбом «Жизнь в розовом дыму» (он был акустическим) музыканты записали в 1985 году, а уже в 1986-м коллектив стал настоящей сенсацией Первого фестиваля свердловского рока. В следующем году группа записывает сразу два альбома «Дуля с маком» и «Дерьмотин»,

сочетая в них элементы ритм-энд-блюза, хард- и панк-рока. В 1989 году появились такие этапные работы, как «Делай мне больно» и «Лучший город Европы». Однако несмотря на первые очевидные успехи, «ЧайФ» долгое время был, что называется, «крепким, но не дюже» – так или иначе этим талантливым парням не удавалось выйти на первые роли в русском роке.

Прорыв случился в 1992 году, когда группа выдала на-гора такие истинно народные хиты, как «Поплачь о нем» и «Не слези ты нас хоронить». Затем последовали не менее яркие «Оранжевое настроение», «Тайный знак», «Пусть все будет так, как ты захочешь» и «Ой-йо» («Никто не услышит»). Группа по количеству раскрученных и любимых публикой песен становится, по выражению некоторых музэстетов, самой попсовой из рок-н-рольных и самой роковой их попсо-

вых. «ЧайФ», казалось, вошел в зенит славы, путь откуда – лишь вниз. Однако в конце девяностых коллектив выдает боевик, затмевающий оригинальным сюжетом и популярностью все официальные поп-шлягеры рубежа веков, – «Аргентина – Ямайка 5:0». Он доносился едва ли не из каждого авто и уличной палатки. Группа становится поистине культовой. Приятно, что музыканты не почили на старых лаврах, а идут дальше – ежегодно радуют новыми альбомами, записывают саунд-треки к популярным телефильмам.

Пластинка «48» несколько не хуже всех предыдущих из каталога «чайфовиков» (а если б проштрафилась, давно получили бы прозвище «чайников»). Альбом полон мягких лирических баллад философско-бытового звучания. Скоротечность жизни и ее неизбежные превратности, путешествия и мужские забавы –

главные темы песен. Чего стоят только мальчишеская «Плачь, Африка, плачь!», кухонно-неспешная «В ночь по новым адресам» и возвышенная «Осень» (новая версия песни «Но это так»)! И, как стало уже традицией для «Ч», в очередной раз ребята отдадут дань любимому регги («Опустел Париж», «Уезжаю») А в самом деле, «где те парни, играющие регги, просто так, не ради денег»?

Немудреные, завораживающие мелодии, живые, идеально ложащиеся на ухо оркестровые аранжировки (плачь, Киркоров!) и сочный, характерного тембра голос Шахрина заставляют слушать диск снова и снова. Многие фразы запоминаются после первого же прослушивания: «А в купе моем то жарко, то холодно, а на столе моем то водка, то чай, А за окном то Воронеж, то Вологда, а на перроне то привет, то прощай», «Дело вовсе не в бреде, я туда-сюда бреду», «У знакомого окошка постою еще немножко» и др. Правда, в одной вещице Шахри-сабс позаимствовал (угадайте, у кого?) рифму «женщина с веером – девушка с плеером»... А вот есенинский «Клен ты мой опавший, клен заледенелый» не удался. Спето как-то простовато и безыскусно.

**«СМЫСЛОВЫЕ
ГАЛЛЮЦИНАЦИИ»
«ОБРАТНАЯ
СТОРОНА ЗЕМЛИ»
«Мистерия Звука», 2004**

Надоели дежурные реверансы поп-див. Псевдопоющих нимфеток в разных амазоночьих заводях сегодня пруд пруди.

Иногда они сбиваются в косяки и стаи, и тогда выходит из берегов море. «Лица стертые, краски тусклые, то ли люди, то ли куклы...» И это при всем-то шике, блеске и антураже! Стиля нет, вкуса тоже. Секонд-хэнд-вый вокал, не бывает жега. Деньги и секс – главные темы жизни и «творчества». Даешь силиконовые бюсты на-гора?! Дают, всем дают. Даже Эллочка-людоедка сказала бы: «Мрак!» – и даром отдала бы свою шубку из мексиканского тушкана первой попавшейся «звезде».

Короче, устав от «бесконечных ралли сентиментальной лимиты», захотелось чего-то пожестче, побрутальнее, потому как... ну сколько можно слушать эти бесконечные разговоры о том, что «почти не осталось мужиков на эстраде»?

И упал мой взгляд на давно валявшийся в ящике стола альбом «Обратная сторона Земли». Во, думаю, самое оно! «Смысловые галлюцинации» – группа альтернативная, взрослая и, как мне казалось, не самая дурнющая. Поют, конечно, не ахти как – впрочем, о пении говорить

здесь и не принято вовсе. Музыка как таковой тоже нет. Был, правда, когда-то слабенький шлягерок «Зачем топтать мою любовь». А в целом это рефлексивно-регрессивный рок (некоторые грубо говорят «говно-рок») для мальчиков-«мазохов» из неблагополучных семей, что шатаются по подворотням в тщетной надежде доказать, что они не «твари дрожащие» и «право имеют». Для них, как сказал бы плохой ди-джей, композиция «Я иду напролом». Вас где-то «занесло» и вы сдержали в себе зверя? Поздравляю. Но знайте: Буба – главный «вокалист» «СМ» – вам не верит. Ему «осталось столько, сколько осталось», ведь «прикурить от дрожащей руки» ему всегда удавалось. Что тут скажешь: повезло мужику, если даже заigaretку ему не приходится носить с собой.

Вы влюблены? Тогда для вас «Первый день осени». Ведь «завтра нас может не быть под этими звездами». Впрочем, не расстраивайтесь: любить можно и на том свете. А когда надоест, «спрыгнуть звездопадом». Вот такая «шедевральщина».

Это, однако, не просто бездарно, это – опасно. Умному читателю, кажется, давно все ясно. Для непонятливых же приведу еще цитату: «Этот прекрасный мир разрушен, я отпускаю тормоза, мне скучно, это все, что нужно, я отправляюсь в никуда». И совсем уж откровенно: «У меня плохие вены, у меня плохие мысли – больно...» Не знаю, друзья, как вам, а мне страшно: опять наркоманщина! И здесь уже явно не «смысловые галлюцинации»,

а психопатологические! В ужасе нажал на кнопку «стоп» плейера. Сразу вспомнились недавние разговоры о целесообразности цензуры и худсоветов, которых иные «деятели» боятся, как черт ладана. А ведь подобных «криминальных» групп немало. Вспомнить хотя бы скандальную «Агату Кристи» со своим старым «Ковром-вертолетом».

Не гонитесь за всей этой туфтой, ребята! Это глупая бравада, ёрничество, дурь. Мы все хотим вроде угнаться за демократической Европой (где, кстати, пропаганда наркотиков карается очень жестко), а выходит, что мы опять глухая провинция.

Огромная ответственность лежит и на менеджерах студий и продюсерах звукозаписывающих компаний. Куда смотрят? Только себе в карман? А за наркоманов, да будет вам известно, господа, расплачивается общество.

Так не пора ли, наконец, расставить все точки над «ё» и приравнять «творчество» подобных групп и солистов к косвенной (а в иных случаях и откровенной!) пропаганде наркотиков? Приняв, естественно, соответствующие поправки к статье уголовного кодекса. В любом случае проблему надо очень серьезно обсуждать. Может, когда-нибудь мы остановим этот «звездопад»? И уж как-нибудь обойдемся без этих «творцов» со съехавшей крышей и порочным менталитетом. Лучше будем слушать блеклых старлеток, от которых мне так хотелось «отречься» в начале этой заметки.

Сергей БАТУСОВ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Лучший голос мира, одна из самых красивых женщин и певиц современности, которая практически придумала поп-соул, она стала обладательницей шести премий «Гремми», а всего их – самых престижных – было около полусотни. Только вот на церемонии вручения наград певица частенько отправляется с загрированными синяками – следами от побоев любимого мужа. Но она терпеливо переносит выпавшие на ее долю испытания...

УИТНИ ХЬЮСТОН: УБИЙСТВЕННЫЙ ОГОНЬ ЛЮБВИ

Российские меломаны ждали встречи с ней с того самого момента, когда в дремучие пиратские времена у нас появился фильм «Телохрани- тель», в котором певица практически сыграла саму себя, продемонстрировав зрителям стандартный типаж знаменитости – певицы, наркоманки и миллионерши в одном лице. Роль Рэчел Маррон, как зовут ее героиню, не требовала большого напряжения от исполнительницы: суперзвезда, живущая с семьей и домочадцами в огромном доме, которую время от времени преследует какой-нибудь псих. Но именно из этого фильма мы узнали об этой певице, исполнившей потрясающий по красоте и проникновенности хит «Я буду любить тебя всегда». Правда, несколько раньше всесоюзный монополист – фирма

«Мелодия» – спиратировала ее дебютный диск, но не надо забывать, что в первую очередь фильм стал звездным часом Уитни Хьюстон, обеспечив ей народную любовь на долгие годы. Вместе с этим фильмом родилась новая звезда, хотя с юных лет семья видела Уитни певицей с мировой славой. И никак не меньше.

Будущая королева музыки соул родилась 9 августа 1963 года в Ньюарке, Нью Джерси, в семье с богатыми музыкальными традициями. Ее мать, Эмили Дринкард по прозвищу Сиси – известная певица и успешная вокалистка, работавшая на подпевках с самим Элвисом Пресли, тетушка Дайонн Уорвик – популярная и поныне исполнительница блюза. Мамаша мечтала видеть свою девочку прилежной ученицей средней школы имени Франклина, примерно грызущей гранит науки и носящей милые детские платица. Уитни, как и все подростки в ее возрасте, отчаянно сопротивлялась материнскому диктату, тем более что всё это очень осложняло общение с одноклассниками. У нее была слишком светлая для афроамериканок кожа, слишком светлые волосы, а ее платица были предметом постоянных насмешек сверстников. Через некоторое время Уитни засунула платица куда подальше и основательно подседа на джинсы. «Они не раз спасали мою задницу», – с теплотой в голосе вспоминает певица.

Девочке казалось, что у них идеальная семья. Братья начинали успешную карьеру в шоу-бизнесе, родители – Джон Хьюстон, главный специалист по древесине в известной фирме, и музыкальная мама – жили в полном согласии и взаимном уважении. На памяти Уитни не было ни одного случая, чтобы они поссорились или хотя бы не сошлись во мнении по какому-нибудь вопросу, будь то покупка автомобиля или воспитание детей. Точно так же единодушно они приняли и решение о разводе. Спокойные и доброжелательные улыбки не покидали их лиц даже тогда, когда они объявили детям о своем желании расстаться.

А вот для пятнадцатилетней Уитни это был шок: она надолго потеряла способность улыбаться. Рушилась ее жизненная система: ей казалось, что у нее в доме любовь и согласие, а оказалось, что родители притворялись, демонстрируя это детям. На самом деле их связывала лишь общая любовь к своим чадам и то, что принято называть дружескими отношениями. Выяснилось, что Сиси вела на гастролях разгульную жизнь, крутила роман за романом, а глава семейства, на котором держалось домашнее хозяйство, между всеми хлопотами по дому успевал посещать любовницу. «Ни за что не буду такой лицемеркой! Ни за что не выйду замуж за человека, про которого нечего будет сказать, кроме

того, что он спокойный и рассудительный», – решила она. Наверное, в подобных ситуациях так думают все девочки в ее возрасте.

Не одна звезда американского шоу-бизнеса вышла в свое время из церковного хора. Не обошла эта почетная участь и Уитни: именно в детском церковном хоре, когда она была еще совсем ребенком, и началась ее певческая карьера. Она быстро выделилась из стройных рядов звонкоголосых мальчиков и девочек-припевочек и уже в одиннадцать лет начала исполнять сольные партии, да так, что сила и выразительность ее пения заставляли прихожан обливаться слезами умиления. Позднее, обращаясь к своим корням, Хьюстон выпустил альбом евангелических песен в память о детстве, в благодарность за то, какую роль сыграл церковный хор в ее судь-

бе: «Евангелие научило меня многому: как петь быстро, как петь медленно, как петь, когда темп меняется посередине песни, как петь четырехчастную гармонию, не думая о ней. И как петь без музыки, и при этом вы учитесь многому другому: ваш голос становится инструментом, ваши ноги становятся ударными, ваши руки становятся тамбурином».

Карьера продолжалась выступлениями в небольших клубах. Там на ее экзотическую красоту и обратили внимание агенты модельных салонов, соблазняя подростка выгодными предложениями. Уитни преуспела и здесь: ее фотографии появляются на обложках журналов «Glamour» и «Seventeen», она снимается в коммерческой рекламе, одновременно изучая актерское мастерство и осваивая искусство танца. Причем настолько успешно, что даже получает

приглашение в бродвейское данс-шоу. Ее не обходит вниманием телевидение, ее приглашают участвовать в концертах, в том числе и в качестве бэк-вокалистки у Чака Хан и Лу Роулса. Уитни постигает искусство вокала в нью-йоркской консерватории, записывает синглы с Тедди Пендерграссом и Джермейн Джексоном (из тех самых Джексонсов)... Но эти выступления были только пробами сил перед началом блестящей карьеры. Это понимала и она сама, и ее ближайшее окружение.

Несколько недель спустя после того, как ей исполнилось восемнадцать лет, Хьюстон подписала контракт с известным менеджером Джимом Харви, под руководством которого продолжала работу модели, занимаясь танцами, постановкой голоса, совершенствуя актерское мастерство. В то же время ее агент начинает искать контракт с крупной студией звукозаписи. И тут Уитни повезло: на ее необычайно красивый голос и стройную фигуру обращает внимание всемогущий президент концерна «Ариста» Клайв Девис, давший путевку в жизнь таким вокалистам, как Дженис Джоплин, Арета Франклин, Донни Уорвик. Он лично отбирал лучших поп-композиторов, которые писали шлягеры для безвестной дебютантки, а она делала себе рекламу, выступая перед боссами музыкального бизнеса, мель-

кая в телевизионных шоу, помогала консультантам в подборе репертуара.

Одноименный дебютный альбом «Уитни Хьюстон» готовился два года, и когда он вышел, подогретый невероятного бюджета рекламной кампанией, Уитни мгновенно стала знаменитой. Альбом находился на первом месте хит-парадов четырнадцать недель, одна из его композиций принесла исполнительнице первую премию «Гремми», было продано тринадцать миллионов копий – рекорд для продаж дебютного альбома сольной исполнительницы. (Он был любим в 1996 году Аланис Мориссот.) Ни одна женщина-вокалистка не имела до сих пор подобных показателей.

Еще больший успех ожидал ее следующий альбом «Уитни», выпущенный в 1987 году. Он стал не только первым альбомом, записанным женщиной, которая поднялась до номера один в чартах, но благодаря ему Хьюстон оказалась первой в истории исполнительницей, чьи песни сразу заняли семь первых строчек в хит-парадах, превзойдя прежний рекорд «битлов». Кстати, в Великобритании Хьюстон и до сих пор является рекордсменкой: она единственная женщина, чьи два первых альбома были реализованы миллионным тиражом, и, кроме того, она первая чернокожая певица, возглавившая альбомный хит-парад этой страны.

Уроки танцев и актерского мастерства также принесли свои плоды, поскольку дали возможность певице создавать динамичные клипы на MTV. Вскоре увидел свет и еще один альбом – «Я ваша девочка сегодня» – танцевальный и технически более совершенный. А после каждого альбома, как правило, были длительные гастроли («Сразу же, пока пистолет после выстрела не остыл. Я сделала Штаты, Австралию и Японию. Это заняло два года», – уточняет певица) – для продвижения альбомов, что становилось основой успеха в шоу-бизнесе, принося, кроме славы, сказочные гонорары.

Между тем пять лет непрерывных, на пределе возможностей, гастролей начали давать о себе знать. Уитни просто устала и решила от-

дохнуть. От всего: от гастрольных поездок, концертов, работы в студии, от суеты шоу-бизнеса – и познакомиться, наконец, со своим приобретением, одиннадцатимиллионной виллой в Нью-Джерси. И просто заняться личной жизнью. Конечно, у нее были поклонники, ведь она была слишком хороша, чтобы мужчины не обращали на нее внимание. Она даже считалась официальной невестой чернокожей кинозвезды Эдди Мерфи – обаятельного, богатого, талантливого, знаменитого, с которым познакомилась на одном из чьих-то дней рождения.

«Мы совсем не знали друг друга, но резко порешили встречаться. Эд очень легкий и веселый человек, мы с ним похожи: два мультимиллионера из Нью-Джерси. К тому же он в моем вкусе: всегда найдет слова, чтобы поддержать. "Уитни, – говорил он, – ты можешь перепеть их всех. Ну разве это не чудо?" Почему у нас с ним ничего не получилось, я до сих пор не могу понять. Наверное, в наших отношениях было куда больше взаимного дружеского расположения, чем настоящей страсти», – призналась Хьюстон после того, как помолвка была расторгнута.

А во всем был виноват Бобби Браун: известный исполнитель рэпа поразил сердце двадцатисемилетней Уитни так же, как первый в школе хулиган поражает сердце скромной отличницы.

Как и Хьюстон, Браун начал подростком в Нью-Эдишн, некое подражание Джексону восьмидесятых годов. Он уже был известным драчуном, когда вдруг его вихляющий бедрами танцевальный марафон «Не будь жестокой!» получил массовое признание, сделав Брауна предметом мечтаний миллионов девиц, несмотря на прескверную репутацию: алкоголизм, бесчисленные аресты за хулиганские выходки, наконец, трое внебрачных детей от разных женщин.

Певица обратила внимание на Брауна на церемонии вручения ей одной из музыкальных премий. Его потрясающий костюм из шелка кремового цвета, кремовая шляпа и сногсшибательные туфли из крокодиловой кожи произвели на нее неизгладимое впечатление. «Он вышел на сцену, и я не могла оторвать от него глаз. Он выглядел, как человек с безупречным вкусом. И он не обманул моих ожиданий – ни в чем». Миллионы поклонников Хьюстон и многие друзья-приятели недоумевали: что общего между ними? Концертная королева и панк, примадонна и хулиган, звезда и шоумен средней руки... «Бобби хорош уже тем, что у него не может обнаружиться тайных пороков», – отшучивалась Уитни в ответ на предостережения друзей. Просто она, увидев Бобби, решила: кем бы ни был послан ей этот человек – Богом или самим дьяволом – но Бобби тот, кто ей

нужен, и только с ним она может быть счастлива. Любит распускать руки? Так он же мужчина, в конце концов. Никогда не известно, придет сегодня Бобби домой или нет? Зато с ним не соскучишься. Ну а то, что Бобби не так знаменит и талантлив, как она сама, и, наконец, он младше ее на целых пять лет, — это вообще не имеет никакого значения.

Их бракосочетание в 1992 году назвали свадьбой десятилетия. Восемьсот гостей, десять тысяч роз, трехметровый шлейф на платье невесты... Всё это было похоже на сказку, да только дальше ро-

мантическая сказка обернулась суровой прозой жизни.

Медовый месяц совпал со съемками «Телохранителя». Кевин Костнер, исполнитель главной роли и продюсер фильма, едва уговорил актрису сыграть капризную примадонну, за которой охотится убийца. Уитни не желала ни на минуту расставаться со своим Бобби. Но Браун помог Костнеру, сказав жене: «Ты будешь классно смотреться на большом экране! Пусть все видят, что я подцепил клевою девицу!» И она согласилась, обеспечив «Телохранителю» оглушительный успех. Но если на экране героиня счастливо избежала опасности, то в жизни мелодрама превращалась в триллер. Уитни получала награду за наградой, а Бобби ушел в сплошной загул, третировал супругу почем зря и частенько от души поколачивал ее. На церемонии вручения наград она часто отправлялась с загримированными синяками.

Даже когда Уитни была беременна, Бобби изменял ей чуть ли не каждый день, а дома устраивал скандалы. Может быть, именно поэтому у их дочери Кристины обнаружили серьезные проблемы со здоровьем. Но Бобби было наплевать на всё. Однажды он проломил бутылкой голову и оторвал ухо британскому туристу только за то, что тот заговорил с девицей из его компании.

С женой и дочерью Бобби вообще обращался по-хамс-

ки. Вот один эпизод, обошедший в свое время многие газеты. Как-то ночью семья после концерта возвращалась домой из другого города. Между супругами вспыхнула ссора. Бобби потребовал остановить концертный автобус и на глазах изумленных музыкантов вышвырнул жену с трехлетним ребенком на безлюдное шоссе.

Как-то Уитни попала в больницу с серьезной резаной раной на лице. Уголовное дело против Бобби возбуждать не стали: Уитни убеждала всех, что сама виновата – неосторожно нырнула с борта яхты. Хотя врачи и лучшие косметологи очень старались, шрам все-таки остался, и только специальный макияж помогает Уитни скрывать его. Говорят, муж даже пытался перерезать ей горло, чтобы лишить голоса. Тем не менее несмотря на множество публичных скандалов едва ли не с первого дня свадьбы Хьюстон продолжает любить своего непутевого мужа. Недавно она так высказалась о нем: «Он настоящий мужчина. Он заботится обо мне. Мне теперь можно ничего не бояться, потому что я знаю, он даст хорошего пинка любому... попробуйте только его задеть, и у вас будут проблемы».

Однако всем, кроме самой Уитни, совершенно ясно, что Бобби не может смириться с успехами жены, ревнует ее к славе, завидует ее популярности. И надо сказать, взбалмошный супруг добился сво-

его: за семь лет после свадьбы Хьюстон не выпустила ни одного альбома.

Однажды, это было в 1997 году, терпение Уитни всё же лопнуло, и она заявила Боббу, что между ними всё кончено. А через год – спустя восемь лет после перерыва – выпустила, наконец, новый сольный альбом. Но тут неугомонный Бобби вроде бы понял, что без такой супруги ему придется очень несладко, и сделал всё, чтобы вернуть ее расположение. Он дал отставку всем своим подружкам, прошел курс лечения в антиалкогольной клинике и стал заботливым супругом: пригласил Уитни на свидания, дарил цветы, словом, стал паймальчиком. И сердце Хьюстон растаяло. Но постоянные стрессы в семейной жизни не прошли для нее бесследно. И начались проблемы, причем весьма серьезные.

Бобби Браун так и не стал примерным супругом, всё так же, как и прежде, попадал за решетку за вождение автомобиля в нетрезвом виде. Был случай, когда его машину обстрелял какой-то неизвестный. Потом выяснилось, что в салоне находилась некая очаровательная блондинка, жена очень ревнивого мужа. А что касается наркотиков... Недавно сорокалетний брат Хьюстон Майкл был арестован за хранение кокаина и марихуаны. В тот же самый день Уитни сама привезла своего любимого Бобби в клинику, опасаясь, что он загнется от передозировки наркотиков. А насчет Уитни желтая пресса не раз наполнилась сообщениями, что бедняга только на наркотиках и может жить. Певица неизменно отрицала свою наркозависимость: «Это слишком

низко для меня». Однако последующие события сняли всякие сомнения на этот счет. Однажды, когда Хьюстон летела на самолете, где не разрешалось курить, ее шесть раз вытаскивали из туалета, где хмельная примадонна пыталась выкурить сигарету. Затем во время досмотра в гавайском аэропорту у нее обнаружили марихуану в пластиковых пакетах плюс несколько раскуренных «косячков» в сумочке. Дело, конечно, замаяли, откупились денежной помощью реабилитационному центру, но сомнениям места уже не осталось.

Кроме постоянных разборок и скандалов с мужем, Хьюстон попала и в еще одну малоприятную историю: ее собственный отец (ныне уже покойный) подал на нее в суд, надеясь получить с дочки сто миллионов долларов. Когда-то он купил ее долги, так как она постоянно нарушала условия своих контрактов и задолжала сумму, которую не могла отдать. Уитни же в ответ заявила, что готова убить одного из деловых партнеров отца, которого винит во всех своих бедах с деньгами и контрактами.

Три года назад после концерта Майкла Джексона заговорили даже о психической болезни звезды. Среди прочих знаменитостей Уитни должна была принимать участие в гала-концерте по поводу дня рождения поп-короля, однако буквально за несколько минут до выхода объявила,

что наотрез отказывается выступать, и чуть не грохнулась в обморок. А после того, как она не явилась на концерт тремя днями позже, заплатив неустойку в сто тысяч долларов и заявив при этом, что ей плевать на всё, в прессе всерьез заговорили о том, что у Хьюстон – серьезные проблемы со здоровьем. В самом деле, ведь только капризами звезды не объяснить тот факт, что Хьюстон явилась на два часа позже на званый ужин в Белом доме в честь Нельсона Манделы, сказав в свое оправдание лишь: «Ах, я только что вернулась с гастролей». Хотя последний концерт был у нее неделю назад.

В конце концов Хьюстон должна была внести ясность в многочисленные слухи по ее поводу. Певица наконец призналась, что долгое время употребляла наркотики, а причиной, по ее словам, стала ее «трудная юность»: девушка не успела повзрослеть, как заработала свой первый миллион и мировую славу. «Да, я злоупотребляла алкоголем, принимала марихуану и кокаин. Это было ново, возбуждающе, и я попробовала. Но я не хочу умереть. Я не самоубийца, а человек, у которого есть всё, что можно только пожелать. Сейчас я молюсь каждый день, чтобы набраться мужества и держаться вдали от этой дряни», – эти слова были и признанием, и обещанием навсегда покончить с «дурью».

Принимает Хьюстон наркотики или не принимает, но

так или иначе у нее начались проблемы с голосом. Случалось, что она была не в состоянии спеть на концерте больше одной песни, а вместо знаменитых пяти октав едва вытягивала две. «Когда это находит на меня, я чувствую себя большой рыбой, выброшенной на берег, в отчаянии открывающей рот совершенно беззвучно», – призналась певица. Ее концерты часто спасал только бэк-вокал. Когда голос отказал ей впервые, она бросилась к врачам, но никакой патологии голосовых связок те не обнаружили. Медицинский вердикт гласил: причина – в хроническом стрессе. О причинах же этих стрессов догадаться нетрудно: постоянные семейные неурядицы, ссоры с обожаемым Бобом и тот самый убийственный огонь любви, в пла-

мени которого может сгореть талант великой певицы.

Нельзя сказать, что в результате всех этих неурядиц Хьюстон впала в творческий застой. Она весьма успешно заявила о себе в кинобизнесе. Вслед за «Телохранителем» в 1995 году вышел второй фильм с ее участием – «В ожидании выдоха», а саундтрек к фильму с тремя ее песнями быстро стал альбомом номер один. В следующем году она снова снялась в фильме «Жена священника» вместе с Дензелом Вашингтоном, а заодно осуществила свою давнишнюю мечту – выпустила альбом евангелических песен. Только вот по понятным причинам количество концертных выступлений ей пришлось резко сократить.

Ну а те, которые иногда случались, особого восторга не вызывали. Вот как описывает свои впечатления от одного из таких концертов, состоявшихся шесть лет назад в Штатах, в концертном зале «Тадж-Махал», Атлантик Сити, один из наших соотечественников. «Концерт меня просто потряс. Я ожидал восторга, слез умиления, однако я не ожидал, что концерт "величайшей в мире певицы", как именуют ее местные издания, будет похож на школьную самодеятельность. Мадам Хьюстон не то что не танцевала – она даже не стояла на сцене. Она сидела на высоком барном стульчике, а когда нужно было выдать высокую ноту, поворачивалась к девочкам на

подпевках, и кто-то из них эту ноту вытягивал вместо нее. То есть ни одной высокой ноты она не взяла. Причем если в начале концерта она еще поворачивалась, чтобы у зрителей сохранились хоть какие-то иллюзии, то потом просто сидела, глядя им в глаза, и открывала рот, когда подпевка тянула верхнюю ноту. Спев пару тройку песен, Уитни уползла со сцены и минут пятнадцать отсутствовала, а в это время выходили петь ее брат, девушка из подпевки, звукооператор и трехлетняя дочь».

Впрочем, все это там, в Америке. У нас же концерт Хьюстон в Москве, подогреваемый сумасшедшей рекламой, вызвал небывалый ажиотаж. Билеты разлетелись в мгновение ока, хотя цена самых престижных превышала две тысячи долларов. Это

и понятно, ведь по опросам одного из российских журналов Хьюстон входила в пятерку самых любимых у нас западных исполнителей, к тому же ее голос считается всемирной культурной ценностью. Рядом с ней только Арета Франклин, Дайана Росс, Тина Тернер, Мэрайя Кери и Селин Дион. В этом списке не найдется места даже Мадонне, не говоря уже о Кристине Агилере. Так что концерт неповторимой Уитни Хьюстон в Москве можно считать поистине событием историческим.

По правде говоря, московские избалованные зрители остались не слишком довольны. Да, они увидели мировую знаменитость... Только вот концерт задержался на час, а продолжался менее полутора часов, причем в середине певица еще минут двадцать отдыхала, а за нее отдувалась группа поддержки. Кроме того, Уитни подолгу разговаривала с публикой по-английски, выводила на сцену дочку – шестилетнюю Кристину, но никакого буйства, включая полеты над сценой и прыжки в толпу, которых все ждали после фильма «Телохрани-тель», не было.

Сцена выглядела более чем скромно: шесть музыкантов, бэк-вокальное трио и две барабанные установки – все это на четырех небольших постаментах, покрытых черными тряпочками. Да еще тефлоновый чайник, из которого певица время от времени пила воду, постоян-

но всхлипывая и морщась. Под конец Уитни совсем осипла, пустила целую стаю «петухов» в любимой всеми «Я буду любить тебя всегда» (остальные хиты были просто банальной фонограммой, хитро сведенной под концертный звук) и, возможно, покинула бы сцену не под вежливые аплодисменты присутствующих, а под стук собственных каблучков, если бы публику не предупредили заранее, что певица простудилась. Так-то оно так, но за гонорар в миллион долларов российские зрители были вправе рассчитывать на нечто большее. Конечно, пять лет без концертной практики – не шутка, но билеты по цене недельного отдыха в роскошном пятизвездочном отеле на Канарах – тоже дело серьезное.

Судя по сообщениям прессы, у певицы большие творческие планы – гастроли, концерты, новые альбомы... Хьюстон намерена всерьез заняться своим здоровьем и лечь в нервную клинику, чтобы навсегда избавиться от голосовых проблем, вызванных стрессами. Словом, певица стоит перед выбором: сохранить свою сумасшедшую любовь к Бобу и сгореть в ее убийственном огне или кардинально решить свои семейные проблемы и остаться суперзвездой и кумиром миллионов, не опасаясь снова оказаться на сцене «рыбой с беззвучно открытым ртом».

Сергей ЧАЙКИН

УИТНИ
ХЬЮСТОН

